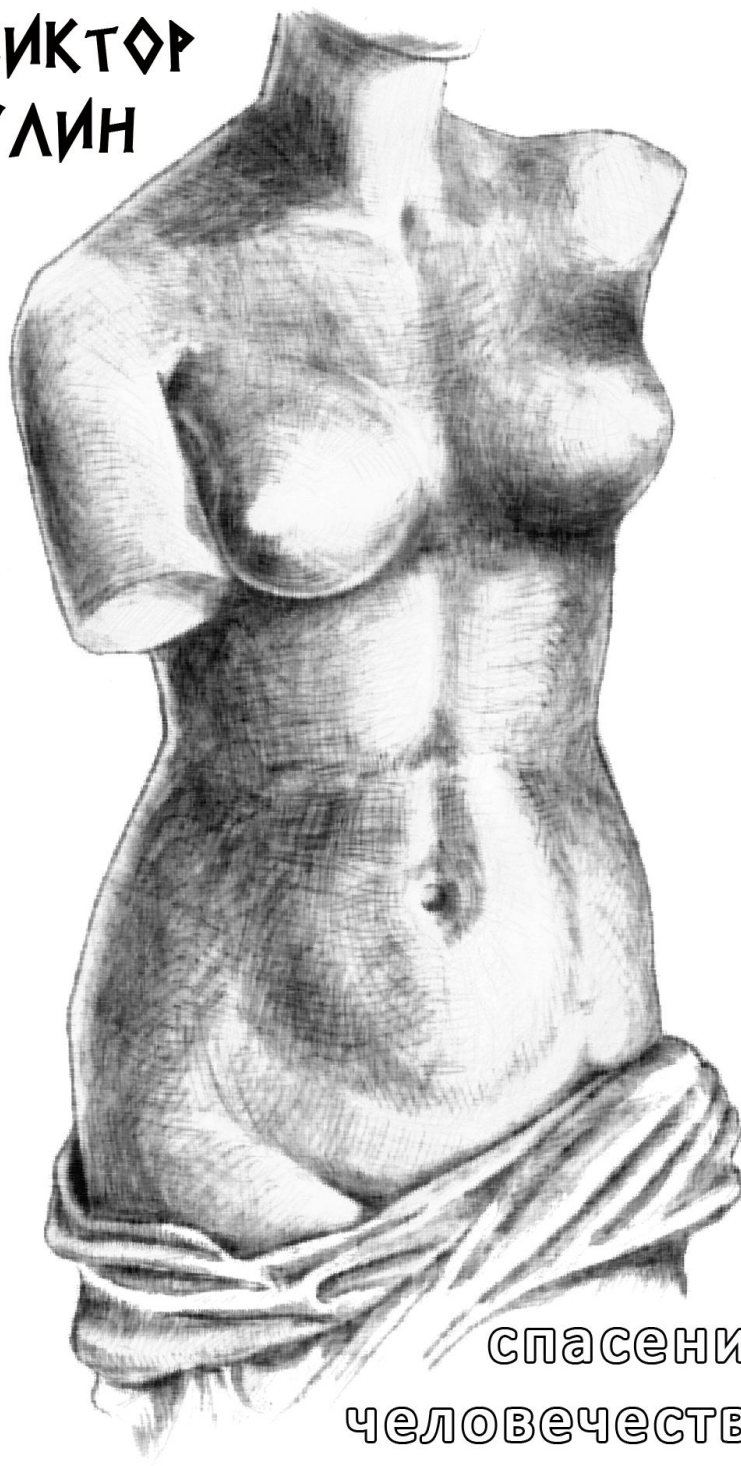

ВИКТОР
УЛИН

спасение
человечества

П
Р
И
←
М
Щ
И
Ц
А

*«И всюду страсти роковые,
И от судеб защиты нет.»
(Александр Пушкин. «Цыганы»)*

1

«Ася я так долго и трепетно ищу родственную душу. Я так одинок в этом космосе бездушных людей и так счастлив что на черном небосводе одиночества вдруг появилась звездочка вы.»

«Стася мне хочется дружбы и общения мне хочется интересных содержательных бесед на различные темы которые оказались бы волнующими для нас обоих.»

«Настя, когда же мы наконец встретимся. Моя душа и тело трепещит при мысли о тебе я тебя ни разу в жизни не видел но чувствую что мы одиноки и созданы друг для друга хотя бы на короткий момент встречи.»

«Анастасия я изнываю. Я так мечтаю о том как мои руки расстегнут твою кофточку и погладят твои упругие сосочки. А потом я коснусь языком твоего тела и пройду ниже через пупок и дальше и осторожно сниму твои прозрачные трусики. Ты раздвинешь свою киску и получишь от меня такой потрясающий канилингос какого ты в жизни не имела.»

Я сидела перед компьютером и перешелкивала окна, по кругу читая сообщения.

Меня сильно раздражало отсутствие знаков препинания. Но особенно бесил этот «канилингос» в последнем письме. Потому что даже дурак мог посмотреть, как правильно пишется этот тупой термин. Изобилие ошибок в одном слове говорило о количестве извилин в мозгу автора. Я с детства терпеть не могла людей, неправильно говорящих - и тем более пишущих.

Хотя больше всего меня должен был взбесить тот факт, что все послания написал один и тот же человек.

Носящий претенциозный ник «*Ловец жемчуга*».

Правда, глупый ловец не подозревал, что под разными именами на фотографиях разных лет, в разных видах — не вовсе голых, но и не совсем одетых - под разными *как бы одеждами* скрываюсь одна и та же я.

Сорокатрехлетняя Анастасия Звягинцева, зависающая на сайте знакомств в поисках мужчин.

С самой простой и вполне определенной целью.

Как уже давно привыкла делать одинокая российская женщина.

Не знаю, как обстояло дело с жемчугом, но по отношению к женщинам этот Ловец был ужасающе ненаблюдателен: не требовалось служить в розыске, чтобы узнать одну меня в разных лицах. Общее наверняка просматривалось и в анкетах; и даже в никах, которые я, не мудрствуя лукаво, придумывала от своего имени.

Как Анастасия я залогинилась первой, как Ася – последней.

Зачем я так сделала?

Мне было лень напрягаться.

И, кроме того, хотелось таким образом ввести в заблуждение всех местных искателей приключений - чтобы какой-нибудь из них мучился, выбирая приоритет на ближайший вечер между ипостасями Стаси - а потом раскрыться и всласть поиздеваться над его глупостью.

В том, что все мужчины глупеют, когда ими движет томление в паху, я убедилась давно, еще до своего неудачного замужества... И особенно после – когда, оставшись на свободе, пошла вразнос. Впрочем, аналогичные ощущения в точке схождения моих прекрасных ног мне тоже ума не прибавляли.

Правда, опыты приносили мне пользу и после каждого нового я на какое-то время прозревала. Во всяком случае, у меня уже не возникало мысли связать с одним из этих ловцов дольше, чем на одну ночь... В последнее время - даже вечер; теперь я предпочитала ложиться одна в спокойной тишине и среди приятных запахов, а просыпаться без чьей-то небритой рожи на соседней подушке.

Такой разумный подход требовал постоянного обновления и все новой новизны – поэтому я уже несколько лет подряд вечера проводила в интернете.

И, если честно, все чаще мои поиски, начавшись у компьютера, около него и заканчивались.

Сайтов знакомств даже в нашем, не слишком большом городе имелось несколько: как я давно поняла, все они пользовались общей базой, но слегка отличались вариантами подачи и направленностью информации.

На одном можно было узнать, какие книги уже прочитал тот или иной аватар – если, конечно, он умел читать, а не только слушать новости по радио.

На другом – какие он любит фильмы: тупые американские сериалы про ФБР или слезливые российские, про современных принцесс с силиконом в ягодицах.

На третьем: что предпочитает есть утром, чем насытится днем, а что оставит на ужин.

Хотя оптимальным вариантом были бы простые фотографии половых органов - крепких мужских и влажных женских - без всяких комментариев.

В последнее время мне эти игры стареющих младенцев уже стали надоедать и я начала подумывать над заменой ежевечернего серфинга по сайтам для своей личной жизни... которая у меня уже почти сошла на нет.

Я несколько раз закрывала свои страницы, но создатели сайтов предусматривали такую возможность – и, помаявшись в одиночестве неделю-другую, я все восстанавливала до даты полного удаления.

Сейчас я переживала в себе мысли об очередном закрывании - причем намерения были гораздо более серьезными, чем прежде.

Соискатели и ловцы начали утомлять своей однообразностью

Моя телесная зависимость от их недостойных достоинств стала меня напрягать... Ну если не совсем уж напрягать, то по крайней мере вызывать злобу за то, в чем виновата была я сама. Хотя, если говорить честно, из многих десятков, прошедших через мою жизнь, нормальных мужчин я могла пересчитать по пальцам, не выпуская мыши: одной руки хватило бы с лихвой.

Да и те были безнадежно женатыми.

Я находилась в состоянии неустойчивого равновесия и стояла на каком-то не то чтобы перепутье, но при ответвлении других дорог.

И я понимала, что надо хотя бы попытаться что-то изменить в своем привычном распорядке.

По крайней мере на какое-то длительное время мне стоило оставить всю эту бесполезную возню и занять себя чем-то конструктивным - свойственным другим, не столь озабоченным женщинам. Например, вечным рукоделием – к которому у меня никогда не было склонности. Или прогулками на свежем воздухе, способными осветлить мое и без того светлое лицо.

Но сегодня меня насмешил дурачок, упорно ищущий жемчуг в глубинах навозной кучи.

Фотографии на все свои аккаунты я загрузила самые красивые из имевшихся; не обделенная приятностью от природы, я была еще и довольно фотогеничной.

Разные тряпки и разные парики делали меня разной, несмотря на отсутствие темных очков и в общем одинаковый стиль макияжа.

Блондиночка Ася скромно сидела, выставив кругленькие коленочки - в коротеньких шортиках и футболке на голое тело.

Златовласая Стася кое-как обернула свои нескромные места полупрозрачным парео.

Жгучая брюнетка Настя хохотала, затянувшись в глухой купальник: гимнастический по фасону, но насквозь мокрый и потому просвечивающий везде, где положено.

А рыжая Анастасия стояла в минимально допустимом бикини со стразами, которые даже на снимке резали глаза.

Ловец подцепил всех четырех и написал всем по очереди.

На данный момент Анастасия прочитала четыре сообщения, Настя – три, Стася, - два, а Ася еще только начала восхождение к завлекательному *канилингосу*.

Я не сомневалась, что набор заготовленных писем у Ловца достаточно велик, хоть и убог.

И если я отвечу еще раз, то Анастасия получит обещание *фонтана белоснежной спермы в коралловый ротик* или чего-то еще в подобном ключе, а у Аси спросят, *какого цвета трусики ласкают ее пушистую киску*.

В принципе меня это не удивляло и даже не злило.

На сайтах знакомств цель общения у всех была одна.

И зачем он избрал длинный путь через *«одиночество и звезды»*? Точно не подманивал к постели зрелую женщину - правда, на сайте я переставила цифры и там мне было всего тридцать четыре - а пытался пощупать за коленку ученицу шестого класса.

Ему следовало написать просто и даже по слогам:

«Хо-чу те-бя трах-нуть».

За строчками подразумевалось бы: хочу, **очень** хочу, все равно кого, но вот подвернулась ты и потому сейчас я хочу именно тебя.

Тогда-то и там-то, при таких-то условиях.

Прямо, просто, грубо, но честно.

За словесами, посланными мне, прятался какой-то утонченный идиот. Возможно, даже неполноценный и боящийся женщин в совокупности.

По идее ему стоило послать простую фразу:

«Пошел ты туда-то, придурок!»

Но я с детства не любила хамить людям, тем более, что этого Ловца в глаза не видела.

Поэтому скопировала во все четыре письма лаконичный ответ:

«Извини, но ты мне не интересен»

- и отправила корреспондента в черные списки.

Которые - я знала - все равно время от времени разблокировались сами по себе.

Потом быстро проглядела переписку с другими претендентами на мои интимные места.

Они были по сути одинаковыми и общем не отличались от ухищрений Ловца.

С этого сайта действительно стоило уходить.

Мне он надоел – как надоели и другие подобные..

Но все-таки я не стала прямо сейчас закрывать страницы, не стала выключать компьютер, даже не вышла из браузера.

Подобно усталому грибнику с пустой корзиной, увидевшему новый березовый колодок, я ощутила иллюзию, что стоит пройти... то есть подождать еще немного, и я в самом деле найду нечто стоящее.

Я встала и пошла немного подкрепиться, решив дать сайту последний шанс. Ведь стояло самое многоягодное время: полтретьего ночи.

Из кухни я слышала, как компьютер несколько раз пропищал, принимая новые сообщения.

Заев кофе половиной темной шоколадки, я пошла чистить зубы и невольно посмотрелась в ванное зеркало.

Я не увидела своих *темных плоских сосков, лежащих по краям небольших крепких грудок и порочно глядящих сквозь невесомый пеньюар, отороченный снежным заячьим мехом.*

И не потому, что драгоценности мои были нежно-розовыми, до сих пор хранили некоторую девичью припухлость и росли не по краям, а по самым что ни на есть центрам этих самых «*небольших*». Которые, кстати, небольшими не могли именоваться ни по каким критериям. Просто самого пеньюара на мне не имелось, а заячий мех пришел на ум только по причине своей снежности.

В нашем панельном, растрескавшемся во всем швам доме каждую весну по отключении отопления воцарялся арктический холод. И приходя с улицы, я не раздевалась, а одевалась теплее.

Подумав о том, как удивились бы ловцы и стрельцы, увидев нежную Асю, загадочную Стасю, задорную Настю и роскошную Анастасию в виде бесформенной капусты в ста одежках без застежек, я ощутила необъяснимое желание посмотреть на себя в натуральном виде.

Процесс самораздевания не обещал быть быстрым, но я никуда не спешила: наутро предстояло воскресенье. И я принялась за дело - начала с теплых тапочек, потому что нижняя часть моего желанного тела всегда замерзала медленнее, нежели верхняя - аккуратно растряхивая вещи и без суеты складывая их стопкой на стиральной машине.

Разувшись и сбросив толстые носки из действительно заячьего - хоть и серого - пуха, по одной стащила со своих прекрасных ног гамаши, потом спустила лосины с безвкусным узором из красных и зеленых ромашек по черному фону. Цветочки на своих конечностях я всегда считала излишеством, они были и без того прекрасны, но в магазине «**40 ден**» только эти оказались достаточно толстыми. За лосинами пошли кремового цвета рейтузы... к сожалению, без начеса. Потом полминуты ушло на новые черные колготки, которые мне не хотелось зацепить ногтями. Отправив следом черные хлопчатобумажные трусы – не узкие и не широкие, а самые удобные и без всяких украшений, я перевела дух.

Важнейшая часть меня сияла нетронутой наготой, но это было не все.

Раздернув молнию, я спустила фиолетовый жилет на синтепоне, который мне пытались продать как пухо-перовой. Затем выпросталась из пуловера салатной ангорки. Под ним был простой серый джемпер, надетый на просторную белую рубашку мужского покроя, которая не натирала мне подмышками. И наконец я завела руки за спину и расцепила черный бюстгальтер. Он имел конусообразные чашки и радикально сдвигал мои конуса. Ходить в таком дома было некомфортно, но вернувшись из субботнего рейда в гипермаркет, я не то чтобы поленилась его снять, а просто не захотела раздеваться и мерзнуть хоть десять секунд.

В ванной было тепло; горячую воду еще не отключили и полотенцесушитель гнал ко мне жаркую волну.

Я огладила себя по тем местам, где остались следы от бретелек, застежек и резинок домашней одежды и наконец взглянула на себя.

Точнее, ту меня, что жила в зеркале.

Определенно, несмотря на неумолимо приближающуюся середину пятого десятка, *Ася-Стася-Настя-Анастасия* была хороша.

Я не стала разглядывать своего лица и любоваться глубиной своих глаз, которые, как александрит, меняли цвет от серого до зеленого: лицо интересовало всех в последнюю очередь.

Но фигура моя была отличной - даже не для моего возраста, а просто отличной - хотя из-за врожденной лени спортом я пренебрегала.

Плечи мои были ровными и соразмерными, не покатыми и не прямыми. Грудь росла вперед и вверх, не раздаваясь в ширину и - я знала - до сих пор не показывалась сзади. Подумав о спине, я попыталась увидеть свою нежную попу. Этого не удалось, но я представляла те места очень хорошо. Покупая зимой цветочные лосины, я примеряла их в кабине с тремя зеркалами и, не сворачивая шеи, рассмотрела все свои изгибы, вполне меня удовлетворившие. Правда, лосины сильно утягивали, но я помнила некоторых удачливых ловцов, утверждавших, что попа у меня чудесная и за нее не только удобно меня держать, но и смотреть на нее тоже приятно.

Не могла как следует рассмотреть я и свою важнейшую часть: теснота ванной комнаты не позволяла этого сделать, даже вспрыгни я на стиральную машину... На которой не раз и не два проверялись и качества моей попы при поддержке со стороны и длина моих ног для захвата собственными силами. Видела лишь прекрасную, четко выраженную талию и приятно - но не слишком сильно! - расширяющиеся бедра. Живот, который даже сыну не удалось испортить своим ненужным появлением на свет, радовал пупком: аккуратным и не втянутым как у толстух, с родинкой чуть повыше. Дальше картинку обрезала рама зеркала, но я знала, что еще ниже сильно заросла. Пляжный сезон закончился прошлой осенью, любви к бассейнам или фитнесу я не имела, а последний раз, когда мне довелось порадовать кого-то ухоженностью «дельты», случился как минимум месяц назад.

Но это меня не волновало, мелкие недостатки лишь подчеркивали мою яркую индивидуальность... до сих пор никем всерьез не оцененную.

Я зажмурилась и представила себя неким сторонним, оказавшимся сейчас тут.

Увидела свои ровные тугие бедра и круглые, сверкающие без всяких кремов колени и в меру полные икры и аккуратные узенькие ступни, и...

Ванная дверь имела щель над порогом, откуда веяло холодом.

Один из давних ухажеров - видимо, имевший опыт - впервые оказавшись тут, окрестил мою квартиру «вытрезвителем».

Оставалось лишь недоумевать, как чукчи могли всю жизнь проводить в чумах и при том исправно размножаться...

При мыслях о размножении чукч я открыла глаза и опять посмотрелась в зеркало.

Лет десять или пятнадцать назад один мой приятель, фотограф, эстетически наслаждался мною, зажавшей бюстами букетик васильков. Сегодня для фотосессии он бы мог использовать первосентябрьский пучок гладиолусов.

Подержав себя за нежные места, повертевшись, оценив свой классический торс и анфас и в профиль, я запрыгнула в ванну.

Стоя под ласковой теплой водой после нескромного самосозерцания, оставившего нечто приятное в отдельных частях тела, я даже захотела себя чуть-чуть *порадовать*... но передумала.

Ведь мне, черт бы меня побрал, предстояло просмотреть пришедшие сообщения – и, возможно, даже на них отвечать, а после всего подобного я становилась никакая и мне хотелось только спать.

Вымывшись гелем, вытершись насухо, но не растираясь, чтобы не портить свою нежнейшую кожу, и снова укутавшись: находиться даже пять минут неодетой было невозможно – я вернулась в спальню.

Точнее, в свою единственную комнату, выполнявшую сразу три функции: помимо широкой, хоть и редко используемой во всю свою ширину кровати, там стояли гардероб в одном углу и компьютерный стол под теплым розовым торшером около шкафа с сотней постоянно перечитываемых книг – в другом.

Сообщения меня разочаровали. Точнее, не порадовали; разочарованной я чувствовала себя давно.

Я закрыла их одно за другим, мельком взглянув на текст и увидев клишированные фразы.

Честно говоря, я просто разозлилась и посетовала на саму себя за то, что не упала, разнеженная, спать, сразу выключив компьютер.

Мужчины оставались полными дураками, но я была не лучше их, до сих пор находясь в зависимости от них.... точнее, от самых вонючих частей их неблагоуханных тел.

Последнее письмо хотела уничтожить даже не взглянув: в нем не имелось фотографии, а вместо ника значилась «*Служба поддержки*». Оно пришло от администрации виртуального публичного дома, с которой я не желала иметь дел.

Не знаю, что меня побудило все-таки не выбрасывать его вслепую – наверное, простое женское любопытство,двигающее мир, который иначе давно бы умер в руках рассудительных мужчин.

Там оказалось несколько строчек.

«Социологическая служба проводит опрос среди женщин старше сорока лет на тему секса. Все данные строго анонимны. Мы делаем это для помощи вам. Просим откликнуться. Опрос ведется по телефону с 12-00 до 15-00 ежедневно и занимает 10 минут.»

Дальше значился сотовый номер.

Больше не было ничего.

Никаких извещений о выигрыше миллиона долларов в австралийской лотерее или внесении в базу данных для богатых женихов дикого Запада.

Мне просто предлагался некий *«Опрос на тему секса»*.

В этот момент я была настолько зла на всех и вся, что записала телефон на первое, что подвернулось под руку. Хотя никакой опрос меня не интересовал.

Я просто решила кому-то позвонить и выдать анонимно все, что думаю о сексе в этой стране - особенно с помощью этого сайта, где барахтались одни придурки типа Ловца жемчуга.

Я никому не проговорила эту фразу: проговаривать было абсолютно некому - но даже мысленное обилие слов меня успокоило.

Выключив компьютер, я пошла спать: кофе среди ночи всегда действовал на меня как снотворное.

2

Записывала телефон я в непонятной досаде на бессмысленные часы в серфинге по сайтам знакомств.

И потому, увидев утром на столе бумажку, хотела выбросить ее в мусор.

Но извечное любопытство взяло верх: начав, я уже не могла остановиться.

Я спрятала телефон в сумочку и тут же о нем забыла: воскресенье предполагало некоторые хозяйственные операции, которые я поленилась совершить в субботу.

Вспомнила я об этом дурацком опросе в понедельник, на работе.

В обед никто из моих сослуживиц не остался подогревать вонючие каши со свеклой в насквозь просаленной микроволновой печи, а все убежали одновременно. Куда-то и зачем-то - меня не интересовало, куда и зачем. У меня никогда не было по-настоящему близких друзей, тем более я не собиралась заводить их в огромном бестолковом ЖЭУ, где работала сейчас.

Работала от отсутствия других вариантов.

Или, скорее, от лени: когда развалилась одна очень серьезная контора, где я работала по своей специальности инженера-технолога на прекрасных условиях, я перебрала много всего и нигде не задерживалась. В конце концов осела в этом тупиковом ЖЭУ лишь потому, что оно находилось в трех кварталах от моего дома. Несерьезность зарплаты меня расстраивала не сильно, поскольку жила я одна, а запросы мои в последние годы как-то сами собой уменьшились.

Я осталась одна в большом кабинете — конечно, в любой момент мог нагрянуть начальник или даже прорвавшийся посетитель. Но поскольку наша работа носила во многом телефонный характер, без опасения сняла трубку и

набрала номер, не желая тратить на невнятный опрос даже копейки своих сотовых денег.

- Добрый день, - быстро отозвался равнодушный и молодой женский голос. - Центр...

Дальше шло несколько слов, вроде бы сказанных, но на самом деле не сказанных, потому что я не разобрала ни одного.

-...Центр *чего-то там* слушает!

- Здравствуйте... - я вдруг испытала смущение и даже кашлянула. – Я насчет социологического опроса. Ну, на сайте знакомств...

- А, опрос! – голос изменился и стал приветливее. – Спасибо за звонок и готовность ответить на вопросы.

- Всегда готова, - ответила я.

Но девушка на том конце в пионерах побывать не успела и шутки не приняла.

- Меня зовут Оксана, а как мне обращаться к вам?

«Оксана» казалось мне самым затасканным из современных имен и я решила, что девчонка намеренно взяла безликий псевдоним.

- А под каким именем вы нашли меня на сайте? – ответила я вопросом на вопрос.

- Вы меня не так поняли, - девушка говорила довольно вежливо. – Мы вас не находили, это анонимный опрос по желанию. Мы дали заявку на сайт с просьбой разослать всем пользовательницам старше сорока лет.

После чего лентяи администраторы, не загружаясь, переслали письмо всем женщинам подряд, - хотела сказать я.

Но тут же подумала, что они как раз знали психологию сорокалетних дур - к которым принадлежала и единственная на свете я - сбавляющих себе лет по десять.

- Меня зовут Анастасия.

- Хорошо, - согласилась девушка. - Отмечу вас как Анастасию.

- Не «как», а *просто* Анастасию. Это мое настоящее имя. И вообще я вся настоящая.

- Повторяю, опрос анонимный и подлинного имени от вас никто не требует. Но ваша искренность радует. Потому что позволяет надеяться на правдивость в ответах. Итак, Анастасия, сколько вам лет?

- Тридцать четыре, – сходу ответила я.

- Тридцать...

- Извините, - я быстро поправилась. – Получилось на автомате. Мы говорили о сайте, а там мне тридцать четыре. Понимаете меня как женщину?

Невидимая Оксана промолчала.

- На самом деле мне наизнанку. То есть сорок три.

- Очень хорошо...

Девушка сделала паузу и я поняла, что она делает какую-то запись.

-...Потому что нас интересуют лишь женщины больше сорока. Прошу вас, будьте полностью откровенной. Может быть, вам и не сорок три?

- Нет, сорок три. Пока. С половиной.

- Хорошо, в наши рамки вы входите. Теперь я буду задавать вам вопросы. Некоторые из них могут показаться очень интимными. Прошу отвечать кратко, точно и правдиво. Никакие сведения о вас не будут никуда переданы. Для нас главное - достоверность информации.

Видимо, она быстро прочитала отпечатанную инструкцию.

- Мне нечего бояться. Спрашивайте, что угодно. Отвечу честно.

Зачем я так сказала?

Я не знала сама. Просто чей-то интерес к моей полустершейся персоне несколько оживил и удивил одновременно.

- Замечательно. Тогда первый вопрос. Вы замужем?

- Была. Но так давно, что как будто и не была.

- Поясните, пожалуйста.

- Развелись больше десяти лет назад. С тех пор о муже ничего не знаю.

Я хотела добавить «и знать не хочу», но удержалась.

- Дети есть ?

- Сын. Двадцать четыре года. Семь лет живет отдельно. Женился на женщине старше себя, отношений не поддерживаем.

- Вы одиноки?

- Ну я же сказала!

- Вы сказали про мужа и сына, - девушку было невозможно сбить с направления. - У вас есть гражданский сожитель?

- Нет.

- А постоянный партнер?

- Тоже нет.

Я вспомнила последнего - Вадима - с которым рассталась года три назад и до сих пор жалела, что не сделала того раньше.

- Родители ?

- В другом городе.

- То есть вы живете абсолютно одна?

- Абсолютно.

Я не понимала, зачем это нужно для социологического опроса. Обычно таким образом - я знала по детективам, когда еще читала эту никчемную писанину - у одиноких стариков выманивали квартиры. Но старухой я еще не была и формально даже не являлась одинокой, имея наследником сына. Да и вообще мне почему-то казалось, что этот опрос - не авантюра.

- Хорошо, Анастасия, - на том конце, видимо, подвели какой-то итог. - С этим разобрались. Теперь вопросы по главной теме.

- Давайте, Олеся, - сказала я.

- Оксана, - поправила девушка. - Но это неважно...

И в том была права: от Оксан и Олесь сегодня было некуда ступить.

-...Скажите, Анастасия, вы любите заниматься сексом?

«Покажите мне женщину сорока с чем-нибудь лет, которая не любит заниматься сексом - и это окажется либо старая дева по убеждениям, либо богомолка, всю энергию носящая в церковь»,

- намеревалась сказать я.

Но не хотела показаться болтливой стареющей бабой и ответила просто:

- Да.

- Вы испытывает оргазм?

- Оргазм... - я все-таки поперхнулась от вопроса. – Ну... кончаю, конечно. Как и все. Но не сразу так... то есть не с первого раза.

- Вы часто занимаетесь сексом?

- Нет, - призналась я. - Сейчас редко.

- Причина?

- Не с кем. Запишите точнее: нет постоянного сексуального партнера.

Для чего, по вашему, я регистрировалась на сайте?

- Понятно. Когда вы в последний раз занимались сексом?

- Если честно...

- Честно.

- Не помню. Месяц назад или около того.

- Мастурбируете?

Голос звучал так просто, точно Оксана спрашивала, пью ли я кофе по утрам. Я покосилась на дверь кабинета. Из коридора не доносилось ни звука. И я ответила так же спокойно, поскольку Олеся меня не видела и не имела на то перспектив.

- Разумеется, а что еще остается? Я живой человек с живыми желаниями и живыми реакциями живого тела...

Девушка молчала и я добавила, проясняя ситуацию:

- Захожу в ванную... там тепло. Раздеваюсь, смотрюсь в зеркало, трогаю себе грудь и все прочее. Потом залезаю под в душ и там уже... Конкретно? Сажусь на корточки и пускаю снизу струю, куда следует.

- Но вы хотите заниматься настоящим сексом?

- Да.

- Как часто?

Я вспомнила, что подобные вопросы бывали и на сайте.

Слово «секс» повторялось практически в каждой анкете, а ответы имели предуказанные градации: «раз в месяц», «раз в неделю», и так далее – до «несколько раз в день».

- Хотя бы раз в день, - ответила я так, как думала на самом деле.

- А больше?

- Можно и больше.

Я не видела разницы в том, говорить «больше» или «меньше» о том, чего мне никогда не было вдоволь. Всего однажды мне попался – именно попался на один день - мальчишка лет двадцати с небольшим, который наслаждался мною непрерывно в течение нескольких часов, а уж я... Мне не хотелось вспоминать о том, что именно ощущало это самое «я», чтобы не вгонять себя в ненужную тоску.

- Вы могли бы заниматься сексом несколько раз в день с разными партнерами?

- С разными, наверное, еще интересней, - я засмеялась, восприняв вопрос как шутку. - И...

- Так «да» или «нет»?

Оксана была явно запрограммирована до самого конца этого странного опросника.

- Да. Еще раз да. И в третий – тоже «да».

Меня несло, как Остапа Бендера в шахматном клубе деревни Васюки.

- Какими видами секса вы занимались?

- В смысле? Лесбиянством?

Слово «лесбиянство» казалось столь неприменимым ко мне, что я опять усмехнулась.

- Нет. Обычным – вагинальным, оральным, анальным.

- Каким угодно, кроме анального, -

- Вы занимались групповым сексом? – невозмутимо продолжала Олеся, поставив где-то нужную галочку.

- Нет.

- А хотели бы?

Я замялась, посмотрела вокруг себя. Стены молчали. Телефон не был запараллелен. А во мне от этого «социологического опроса» уже скакал какой-то бес.

- Каким образом? - со смешком спросила я. – Одна с двумя, или две с одним, или еще радикальней?

И пояснила, пока девушка не ответила:

- Любой нормальный человек, если он не упертый дурак, мечтает хоть раз в жизни попробовать групповой секс. Только мало кто в этом признается даже самому себе.

- Ни первое, ни второе, - невозмутимо сказала собеседница. – Я неправильно выразилась. Под групповым сексом имеется в виду половой акт, совершаемый при посторонних.

- Посторонней при половом акте может считаться даже видеокамера, - сказала я, вспомнив одну из своих практик. - Но она не мешает, а как раз наоборот... Конечно, хотела бы - можно сказать, жажду изо всех своих последних сил.

- Следующий вопрос, – не принимая шутки, продолжала Оксана. – Очень серьезный. Сколько сексуальных партнеров у вас было?

- Если честно - не помню! – я открыто захохотала в трубку. – На второй сотне сбиваюсь.

На самом деле сбивалась я то на семьдесят втором, то на семьдесят третьем из своих мужчин, когда по какой-то причине решала из пересчитать. Но небольшое отклонение в сторону увеличения казалось мне лишь пользой для своего неповторимого образа.

- Вы когда-нибудь болели венерическими заболеваниями?

- Нет, - легко ответила я и даже добавила: - Судьба Онегина хранила.

Ведь несмотря на всю свою... *периодическую полубашенность*, я всегда была осторожной при последнем слове выбора и никогда ничем подобным не страдала. Года полтора назад я сильно заболела ангиной и терапевт на всякий случай направил меня к гинекологу. Тот поразился чистоте моих женских мест: там не нашлось хламидий, которыми сейчас страдали даже иные девственницы.

- Следующий вопрос может показаться оскорбительным. Но в нем нет желания вас обидеть. Нам нужна только статистика.

- Спрашивайте уж, - я вздохнула, поглядела на часы.

- Вы когда-нибудь занимались проституцией?

- Нет, - сказала, хотя такого вопроса, честно говоря, все-таки не ожидала.

- Еще один вопрос. Вы могли бы заняться сексом с незнакомым человеком, которого видите впервые?

- То есть быть именно проституткой? – уточнила я.

- Нет. Абсолютно не то. Не по принуждению. По доброй воле в первую из встреч заняться сексом. При условии, что это нормальный, опрятный, чистоплотный молодой мужчина.

- А почему бы и нет? – я в очередной раз заслонила вопросом от ответа. – Я несколько лет живу на сайтах знакомств. Там секс служит целью всех встреч, они всегда бывают первыми, и почти всегда – последними.

- Так все-таки - «да» или «нет»? – опять нажала Олеся.

- Да.

На том конце повисло какое-то удовлетворенное молчание – хотя я не могла взять в толк, почему.

-...В заключение несколько вопросов конкретно о вас...

- Валяйте! - неизвестно зачем я вставила слово не из своего лексикона.

- Ваш вес, рост?

- Не помню, честно говоря, - я вздохнула. - Не слежу, климакс еще впереди. Роста я среднего. А насчет веса - вас интересует худая я или толстая?

- Именно так.

- Я *никакая*. Не худая и не толстая. Обычная.

- Как вы сами оцениваете свою внешность ?

- В каком смысле? – не поняла я.

- Ну... - Оксана принялась читать перечень вариантов и мне показалось, что она озвучивает форму анкеты с сайта знакомств.— Фотомодель, красавица, сексапильная, выше среднего, средняя, ниже среднего?

Я поправила чашечку на своей левой выпуклости, заслонявшей мне все остальное.

Переложила телефон в другую руку и поправила на правой.

Поддержнула юбку так, что показался край трусов.

Вытянула перед собой ногу, увидела свое великолепное во всех отношениях колено.

Сбросила туфель и полюбовалась недавно покрашенными ногтями, игриво просвечивающими сквозь плотные колготки

- Ниже среднего, - подвела я итог.

Подумав, что неведомая Олеся не поверит в фотомоделю, развлекающуюся дурацкими опросами.

- *Ниже среднего*, записываю.

Мне показалось, что в голосе девушки прозвучала радость.

- И наконец последний вопрос. Вы удовлетворены своей работой?

- Разумеется нет, - усмехнулась я.

Невольно оглядела облупленные стены, исцарапанные столы с допотопными гробообразными мониторами и кучами бумаг, грязный электрочайник, когда-то бывший белым...

- Милая Оксана, я ничего не собираюсь от вас скрывать. Я работаю инженером в ЖЭУ - найдите человека который был бы счастлив такой работой.

- Замечательно, - радость стала еще более явной. – Открою вам секрет. Наш опрос не социологический. Вы имеете возможность сменить деятельность и найти работу, которая будет удовлетворять вас во всех смыслах.

- Понятно.

Я одернула юбку. Мне стало скучно: обо всем можно было догадаться сразу.

- Вы набираете штат в подпольный бордель.

По сути дела вся логика вопросов именно к тому. Выбивались из рамок лишь возрастной ценз и принятая Олесей *«внешность ниже средней»*. Хотя каких только извращенцев не находилось в наше время даже в такой зашоренной стране, где мне выпало несчастье родиться. И даже в таком убогом городе где мне приходилось жить.

У меня однажды был партнер, которого выворачивал наизнанку вид шарообразных задниц с порносайтов. Зато он требовал, чтобы на свидания я надевала трусы, ношенные минимум два дня кряду... что представляло для меня серьезные неудобства.

И по большому счету, если бы меня пригласили, я пошла бы и в бордель: там не могло быть хуже, чем в ЖЭУ - унылом, как сон о смерти.

- Нет, Анастасия, - на том конце, похоже, улыбнулись.

Видимо, каждая женщина спрашивала примерно одно и то же.

-...Речь идет о нормальной работе с трудоустройством по ТК РФ, соцпакетом, пенсионными отчислениями и так далее.

- Но... - начала я.

- *Дальше не телефонный разговор*, - жестко отрезала Оксана. - Кроме того, мы должны убедиться, что вы годитесь по ряду других параметров. А вы - понять, подходит ли вам такая работа. Если есть интерес, приходите лично. Подтвердите телефонные данные и получите документы для оформления.

- А... куда приходить? – вопрос вырвался так, будто кто-то во мне уже все решил. – И когда?

- В любое время. Можете в обеденное. Приедете, позвоните по этому номеру и я выйду вас встретить. Записывайте адрес.

- Записываю, - я вздохнула, чувствуя, что любопытство заставляет сделать еще один шаг к пропасти.

3

На следующий день, выдумав больные зубы - причину, всегда и везде считавшуюся святой - я отправилась на поиски приключений.

Разумеется, при всех моих недостатках полной дурой я не была.

С момента развала всего я находилась в постоянных поисках работы. Не обязательно более денежной, но хотя бы не такой унылой. А самое главное - не в женском коллективе, где все были готовы вцепиться друг другу в глотки, - все сразу и одновременно.

Разумеется, женщине моего возраста, с инженерным образованием и не матери-одиночке: они сейчас особо ценились у работодателей, нанимавших за гроши - найти нормальную работу было трудно. Практически невозможно.

В кадровых агентствах со мной разговаривали, как на похоронах, а по объявлениям о вакансиях *«помощника руководителя»* я нарывалась на сетевой маркетинг, которого развелось сейчас по нашему городу как плесени в непроветриваемом погребе. Одни брэнды умирали, их место занимали другие. Но одни и те же несчастные – учительницы, врачи, бывшие инженеры – бегали взад-вперед, согнувшись под тяжестью сумок с выкупленной косметикой, обогащая нескольких старших менеджеров и владельцев.

Поэтому заранее звонить Олеся я не стала.

Ведь несмотря на чисто сексуальный характер вопросов, это могло оказаться просто особо изощренным ходом.

Я, конечно, имела железо в характере и никто никогда не смог бы склонить меня к открытию *«своего бизнеса»*, заключающегося в распространении какой-нибудь гадости. Но сетевые зазывалы оказывались липкими до дурноты, и даже просто войдя и выйдя из помещения, где они обрабатывали очередную партию желающих быть обманутыми, я ощущала себя заглянувшей на помойку. И поэтому избегала любых контактов с такими компаниями.

Я решила явиться тихо и осмотреться, никак заранее не засвечиваясь.

Разумеется, перед уходом с работы я открыла *«Желтые страницы»*, где в конце имелся атлас города. Две страницы, относящиеся к нашему району, были давно кем-то вырваны, но моя цель лежала в другой части города.

Как ни странно, по указанному адресу значился... родильный дом.

Не бизнес-центр и не гостиница - где собрания сетевиков или мормонов были обычными - а именно родильный дом. В примыкающем квадратике, с дробью, находилась женская консультация. Я взглянула в бумажку: номер был именно тем.

Но и это ни о чем не говорило.

При нынешнем ситуации с медициной я допускала, что предприимчивая заведующая консультацией пробила дополнительную дверь и сдала в аренду кабинет со входом с улицы. Наше ЖЭУ размещалось в стандартной бойлерной среди дворов. С другой стороны здания пристроилась почта, половина которой была завалена разнокалиберными сетевыми коробками.

Сами по себе ни роддом, ни женская консультация ничего не гарантировали. Равно как и с сексом были связаны меньше всего. То есть, конечно, как раз только с ним и были связаны – но... не тем образом, какой имелся в виду при опросе.

Понять все оставалось на месте.

Здания оказались такими, как я и ожидала.

Четырехэтажный роддом за черной кованой оградой с кирпичными колоннами всем видом говорил, что государство требует новых рабов и сил на то не пожалеет. Пристроившаяся с ближнего торца женская консультация заявляла о своей причастности к делу.

Я очень медленно - точно за мной следили и в любой момент могли насильно утащить на чудотворную лекцию – приблизилась. Скользнула в ворота и пошла по хорошо заасфальтированной дорожке, покрытой граффити, благодарящими Оксан и Олесь за прибавление семейства.

На голых еще березах покачивались воздушные шарик, подвешенные в разное время, и уродливые надувные сердца.

Первым признаком вербовочных пунктов сетевого маркетинга бывало наличие озабоченных женщин моего возраста - перебирающих бумажки, роющих в кошельках или сгрудившихся вокруг упитанного мужчины.

Ничего подобного не наблюдалось.

Женщины были – беременные разных возрастов.

Были и мужчины и небольшие компании с цветами.

Я дошла до роддома, вернулась к консультации, обогнула ее туда и обратно. Никаких дополнительных ходов не нашлось, окна были наглухо зашторены, как полагалось в таких местах.

Единственную дверь украшала унылая сине-белая табличка

«ЖК №5».

Ниже сияла вывеска желтого металла с названием из трех слов - понятным из которых было только одно -

«ПРЕНАТАЛЬНЫЙ ЦЕНТР «АСТАРТА»»

и стилизованным изображением очень сильно беременной женщины.

Слова «*пренатальный*» я не знала, но к сетевому маркетингу это явно не имело отношения, и я вошла.

Прямо открывался ход в женскую консультацию.

Толстый охранник что-то жевал, читая книжку с голой женщиной на обложке.

Рядом бабка в зеленом халате торговала синими бахилами.

А на стене висел лист формата А4 со стрелкой вправо и тем же загадочным названием.

- Извините, – обратилась я к охраннику, решив играть дурочку до конца. – Мне назначили собеседование... Олеся? Как ее найти?

- Оксана, - не переставая жевать, он махнул рукой. – Секретарша Николай Николаича. Это туда.

И пояснил, не взглянув на меня:

- В *пердальный* центр.

В центр пускали без бахил. Вдоль стены с окнами я прошла дальше, миновала сырой гардероб, по следующей стрелке спустилась в низкий тупичок. Я понятия не имела, кто такая эта Астарта, но устроилась она в какой-то египетской гробнице.

Путь преградила дверь, осененная все той же переносившей беременной.

Я повернула ручку и оказалась в глухом коридоре.

Который, однако, не производил гнетущего впечатления, поскольку был недавно отремонтирован в бело-желтых тонах.

Вдоль стен стояли диваны, стулья и столы.

Везде копошились посетители, не похожие на искателей личного бизнеса - семейные пары среднего возраста, чем-то сильно озабоченные.

На меня взглянули быстро и тут же погрузились обратно в дела. Перелистывали какие-то бумаги, что-то шепотом обсуждали.

Подняв глаза, я увидела, что обе стены увешаны фотографиями.

Слева все пространство до потолка занимали обнаженные женщины. Изображения отличались качеством и были довольно целомудренными: головы и самые интересные места остались за кадром, снимки демонстрировали лишь раздувшиеся до булкообразного состояния признаки млекопитающих над огромными животами. Я сразу поняла, что разглядываю не Интернетские картинки, а изображения реальных женщин, беременных на восьмом месяце.

Ну другой стороне пестрели фотографии детские. С лицами и даже с именами – правда, без фамилий.

У меня мелькнула догадка насчет того, чем занимается этот «*пердальный*» центр. Но оставалось непонятным, зачем сюда понадобилась я.

В конце коридора нашлись еще двери: налево, направо и одна посередине. На последней было написано:

«*Приемная*».

Я поняла, за которой открывается моя новая жизнь.

Приемная оказалась маленькой.

Точнее, она была большой, вмещала много шкафов книжных полок и еще чего-то. Но секретарский стол стоял бастионом, не пуская вглубь.

По краям бастиона молчала еще пара дверей. Левая не имела ни опознавательных знаков, ни даже ручки. Около правой висела табличка.

Под табличкой стоял маленький диван, на нем поджалась одинокая пара.

Я подняла голову.

***«Заведующий пренатальным центром
доктор медицинских наук,
профессор,
заслуженный деятель науки
Николай Николаевич...»***

Фамилию я прочитывать не успела, потому что из-за монитора приподнялась секретарша в белоснежном халате:

- Вы ко мне или к Николай Николаичу?

- Вы Оксана? – на всякий случай уточнила я.

- Да, - ответила девушка.

Голос был тот, что я слышала по телефону, но на вид этой самой *девушке* здорово перевалило за тридцать.

Остренькое личико ее не смог бы назвать красивым даже моряк, вернувшийся из полугодового плавания.

- А вы, простите, кто?

- А я Анастасия. Помните, мы вчера с вами говорили по телефону и вы назначили встречу. Я номер куда-то засунула, позвонить не смогла...

- Ах, Анастасия! – женщина посмотрела на меня очень внимательно.

Я стояла молча, не предполагая дальнейшего.

- Супруги Мироновы, выйдите ненадолго в коридор. Николай Николаевич вас скоро примет, но мне необходимо отлучиться.

Две серых тени поднялись и скользнули вон.

Оксана же вышла из-за стола и заперла дверь приемной изнутри.

Я отметила, что у нее очень густые волосы, подобранные сзади в большой узел. Довольно красивые икры сияли из-под халата колготками невидимого цвета – отметив это, я поняла, что в приемной на удивление тепло. Задники секретаршиных туфель с высокими каблуками сияли серебристой складчатой кожей. Однажды я видела такие в одном из бутиков самого современного из местных торговых центров. Я забыла, в каком именно, помнила лишь, что туфли были итальянскими, обозначались *«ограниченной капсулой»* ручной работы, а цена выражалась числом, приближающимся к пятизначному.

- Присаживайтесь к столу, Анастасия, - проворковала гламурная Оксана, выкатив для меня стул. - Давайте посмотрим ваше телефонное интервью. Правильно ли все записано? Если да, поставьте сегодняшнюю дату и подпись.

Она выудила из кипы бумажек заполненный опросник и передала его мне. Быстро просмотрев все, ошибок я не нашла и молча подписалась в конце.

И хотела спросить: подхожу ли я, и что это за работа...

-...Следующий этап, Анастасия, - Оксана, не дав мне раскрыть рта, выложила целую пачку скрепленных листков: - Вы должны представить свой медицинский профиль.

- Медицинский профиль? Что это такое?

- Данные о вашем здоровье. Они подразделяются на три группы. Первая – вопросы про некоторые инфекционные болезни, факт которых невозможно проверить. Это идет под вашу ответственность. Если на самом деле болели, а напишете, что нет, у вас потом будут неприятности.

- Ясно, - сказала я, хотя мне ничего не было ясно.

- Вторая группа. Анализы. Это в КВД - полный анализ крови, мазок, бакпосев и все прочее. Обратите внимание, что результат нужен не на бланке лаборатории, а на нашей форме, и после каждого результата должна стоять подпись исполнителя и печать заведующего.

Она пролистала передо мной страницы с названиями болезней и анализов.

- Гепатит С, СПИД, реакция Вассермана - то есть сифилис - гонококки, хламидии, микоплазмы, уреоплазмы...

- Двадцать анализов - двадцать печатей? – усмехнулась я, про последние «плазмы» даже никогда не слышав.

- Да. Двадцать анализов - двадцать печатей... И наконец третья группа. Вы должны сходить к стоматологу и вылечить все инфекции ротовой полости. Последнее - отметка вашего участкового гинеколога, что вы не болели инфекционными гинекологическими заболеваниями.

- Так все-таки - в чем будет состоять моя работа? - я наконец спросила самое важное.

- Она вам понравится, я уверена, - секретарша как-то странно улыбнулась. – Заполняйте медпрофиль, и все узнаете.

- А... какой срок? – глупо спросила я, хотя это не имело никакого значения.

- Как успеете. Лучше быстрее, потому что могут прийти другие кандидаты.

- А...

- Анализы обойдутся недешево, - перебила Оксана. – Но если профиль окажется чистым и вы будете приняты, затраты вам возместят.

- Но кем я буду принята? – не выдержала я. – Чем занимается ваш... центр?

- Планированием семьи, – секретарша улыбнулась, но улыбка вышла не слишком милой. - Обо всем остальном - когда принесете анализы.

Я встала.

- Анастасия, - остановила она. – Один маленький женский совет...

Я повернулась.

- Если вы что-то *знаете*, но думаете, что анализы этого не покажут, то лучше бросьте все, не ходите и не тратьте зря деньги.

- Я знаю, что анализы не покажут ничего, - спокойно ответила я.

- Тогда удачи и до встречи, – ответила секретарша, отпирая дверь.

За ней, вероятно, уже истомились супруги Мироновы.

4

- Ксения! - крикнул моложавый профессор с прочитанной наконец фамилией «Шанин», высунувшись из своего кабинета в приемную. - Меня ни для кого нет, никого не впускать и ни с кем не соединять. Я уехал!

- Неужели в облздрав? – как-то нехорошо усмехнулась секретарша.

Начальник сверкнул глазами и пробормотал что-то невразумительное

- Хорошо, Николай Николаевич, - она ответила серебряным голоском и что-то переключила на большом телефоне. – Меня, кстати, вызывают в цех.

- Иди, только не задерживайся. Видела, сколько народу в коридоре?

Шанин захлопнул дверь, повернул внутренний ключ на два оборота и уселся в свое кресло.

Я уже успела осмотреться.

Кабинет заведующего «Астартой» меня поразил. Здесь царила не просто медицинская чистота, а идеальный порядок вплоть до выровненных в один ряд цветных постиков. Казалось, своим появлением я вношу сюда хаос. Мне импонировала подобная обстановка – хотя бы потому, что в ЖЭУ было все наоборот.

Сам доктор мне тоже понравился. Он был высок ростом и белый халат его почти хрустел от свежести.

- Итак, голубушка Анастасия Павловна, - начал он, проведя рукой по идеально блестящему столу. – Посмотрим...

И придвинул мой безупречный медицинский профиль, который я успела сделать за пять дней.

- Можно без «Пална», - сказала я. – И даже лучше.

- Я тоже так думаю.

Он посмотрел на меня. Лицо его было энергичным и собранным.

- Итак, Анастасия, вы решили, что хотите у нас работать.

- Решила, - я усмехнулась. – Правда до сих пор понятия не имею о самой работе.

- Оксана вам не прояснила?.. Ах да, правильно, я же ей на этот раз давал такое указание... Мы – центр планирования семьи. Это...

- Можете не объяснять, - перебила я, сразу давая понять, что перед чистеньким доктором сидит не торговка с вещевого рынка. – Я знаю много слов. Я бывший инженер. Ну то есть я просто инженер, а бывшая...

Запутавшись в словах, я махнула рукой.

- Похвально, похвально. У нас тут почти все с высшим образованием. С образованными людьми, понимаете ли, легче работать.

Доктор посмотрел с тонкой улыбкой, и я сразу поняла, что он раскусил мои тайные мысли.

- Значит, вы понимаете, что центр планирования семьи - это просто станция искусственного осеменения женщин. Донорство спермы и все прочее.

- Конечно, - я кивнула.

Но не спросила, какое место в процессе могу занимать я, поскольку решила больше слушать и меньше говорить.

- Искусственное зачатие вещь давно известная. Можно сказать, вековой давности. Только в наше время эффективность его сильно понизилась.

- Доноров не хватает? – все-таки не удержалась.

- И это тоже есть. Генотип испорчен, трудно найти хорошего донора. Но не это главная проблема. Человек, видимо, вымирает как биологический вид... впрочем, не будем распространяться на эту тему. Скажу только: сейчас женщины беременеют с гораздо большими трудностями, чем, скажем, сто лет назад. Даже естественным путем.

Я слушала молча.

- Вы представляете, как происходит осеменение донорской спермой?

- Ну... теоретически.

- Сперма используется точно так же, как донорская кровь. Мужчина извергает ее путем мастурбации, ее помещают в хранилище – особые условия, низкая температура... ну не важны тонкости. А когда наступает момент, вынимают ампулу и вводят пациентке специальным шприцом. И все.

- И все, - невольно повторила я.

- Ну да. Если женщина приходит не на бегу, а наблюдалась несколько месяцев и у нее точно установлен срок овуляции, то беременность наступает стопроцентно. Вот так просто было.

- Было? А сейчас?

- А сейчас возникают проблемы на ровном месте. Человечество утрачивает способность к размножению. Приходится прибегать ко все более радикальным мерам. Одна из школ извлекает из матки яйцеклетку, осеменяет ее *in vitro*, потом время внедряет обратно. Довольно сложная операция...

Доктор заговорил, употребляя термины, и хотя в целом я кое-что понимала, голова уже плыла от ожидания и слушала я вполуха. А Шанин пересказывал теорию какого-то профессора о *человеческом факторе, который может улучшить результат*, еще о каких-то опытах, проводившихся то ли недавно в Англии, то ли в Германии еще при немца...

Очнулась я, когда доктор продиктовал, постучав авторучкой по столу:

- ...Нашей школой найдено новое решение проблемы.

- Надо же, - я откликнулась так, словно слушала внимательно. – И... какое?

- Оплодотворение свежей спермой, полученной в процессе нормального полового акта.

- Донора с... пациенткой, – догадалась я, гордясь пониманием медицины.

- Ни в коем случае! – доктор даже всплеснул руками. – Между донором и реципиенткой исключен любой контакт. Ради гарантии от осложнений в будущем, не вам объяснять, какая в России демография. Если раньше показывали портреты доноров, то сейчас даже этого не делается. Ведется компьютерный подбор по принципу фоторобота. К тому же половой акт может породить психологический ответ со стороны самого донора, один черт знает, что ему придет в голову. Да и наконец - даже при очень большом желании иметь ребенка лишь малый процент женщин согласится на то, чтобы их за довольно большие деньги, извините, трахнул незнакомый мужик.

- Но как тогда...

-...Вставляется одно звено. *Приемщица семени*. Вот эту должность я вам и предлагаю.

- А куда его принимать? – невольно спросила я.

- Туда, куда положено. Во влагалище.

- В... мое? – уточнила я.

- Умница, Анастасия. В десятку, – доктор усмехнулся. – В ваше драгоценное и - судя по анализам - прямо-таки ангельское влагалище.

- А... - я была ошарашена, но меня увлекла логика понять все до конца.

- Но если я... в свое, то как потом... Отсасывают клизмой?

- Можно без клизмы. Специальным вакуумным отсосом экстрагировать, разделить на центрифуге и осадить. Проблема в несовместимости микрофлор. И до этого наша школа еще не дошла. Донор работает в презервативе. Содержимое обрабатывается и буквально горячим вводится реципиентке. Конечно, это не то, что живой акт, но пока это - наш предел.

Я слушала внимательно. Оксана не ошибалась в предчувствиях насчет того, что работа мне понравится. Нравиться она мне еще не могла, но сама перспектива вызывала интерес. Он, конечно, не казался здоровым... но что, связанное с природным делом, могло похвастаться здоровьем интересов?

- Мы работаем по такой методике третий год. Ясное дело, сдать сперму путем полового акта – не то же самое, что мастурбировать на порножурнал. Среди доноров много женатых, они могут как угодно маскироваться. Все позволяет, потому что результат налицо. Вы видели фотографии в коридоре?

Я кивнула.

- Это наши результаты. Причем не все. Некоторое ни в какую не соглашаются ни пузо свое фотографировать, ни принести карточки детей...

Доктор помолчал.

- Но я вижу, вас такая перспектива не вдохновляет. Или у вас... легкий шок от цинизма?

- Скорее второе, – покраснев ответила я. – Я понимаю так, что меня будет иметь донор...

- Не *иметь*, а *совершать с вами половой акт по производственной необходимости*, - поправил доктор. – Они ходят не в бордель отдыхать, а трудиться на ниве искусственного осеменения. Поймете разницу, если будете работать.

- «*Работать*», - я засмеялась.

В моем прежнем понимании слова «*иметь*» - то есть «*трахать*» - и «*работать*» могли соседствовать лишь при описании проститутки. Но тут, похоже, имелась научная организация.

- Работать, - повторил Шанин. – В трудовой, учитывая ваше инженерное прошлое, запишем так: «*Инженер по приемке готовой продукции*». Пойдет?

- Пойдет, - сказала я так, будто уже на все отважилась.

Хотя до конца еще не решила. Не потому что испугалась. Просто слишком уж внезапным было предложение подставлять себя кому ни попадя. Ну не кому ни попадя, но все равно... Заниматься сексом в качестве работы.

- Вопросы? – продолжал доктор.

- А сколько вообще этих приемщиц? - спросила я. – Если не секрет.

- Три. Было три, осталось две, потому что одна... уехала в другой город. Поэтому мы и ищем... искали кандидатуру.

- А доноров?

- Ожидал такого вопроса, - доктор кивнул. – Доноры обладают текучестью.

- А почему?

- Потом поймете. В общем, они меняются, но по штату мне разрешено иметь тридцать единиц. И на каждые десять держать одну приемщицу. Больше не получается: отчисления на бонус фиксированы, работать станет невыгодно.

- Так значит, меня...- пробормотала я, чувствуя одновременно и жар и холод и томление и даже не спросив, какой бонус имеется в данном случае. – Будут именно *трахать* десять разных мужиков?

- Нет, не десять, - усмехнулся доктор. – А по сути все тридцать имеющихся на данный период.

Я ошарашенно молчала.

- Объясняю. Оптимальный срок созревания спермы в мужском организме составляет пять суток. Донор пять дней воздерживается, каждый шестой приходит сдавать *продукт*.

- Но...

- Повторяю: *каждый*, независимо от наличия реципиенток, ждущих осеменения. Донор – тяжелая высокооплачиваемая работа. Помимо своего метода, мы регулярно консервируем сперму и продаем в банки других центров и даже других городов, где работают по старинке. Сюда каждый

день является в среднем шесть доноров. Сегодня одни шесть, завтра другие шесть. Рано или поздно вас оприходуется каждый.

- Но... - я замялась. – Если приходят шесть доноров, а приемщиц три, то получается...

- Получается, что каждая совокупится с двумя донорами. Или с тремя, если у одной месячные. За процессом следит Александра, начальник донорского отдела, чтобы всем в итоге шли одинаковые количества сеансов. Иначе у вас будет большая разница в бонусе.

Услышав уверенное «у вас», я невольно поднесла ладони к лицу.

- Да не бойтесь вы! Вы же сами говорили в анкете, что готовы заниматься сексом несколько раз в день с разными мужчинами? А доноры все как на подбор. Тридцать три богатыря, мать их в душу без царя... Не старше двадцати пяти, красавцы, и стопроцентно чистые. Это сейчас на словах слушать страшно – потом понравится так, что в воскресенье будете считать часы до понедельника. Ксения говорила, вас выцепила с сайта знакомств?

- Да, с него самого.

- Так вот. Сколько тысяч... десятков тысяч наших женщин сидят на этих сайтах и общаются со старыми павианами и озабоченными малолетками лишь потому, что не могут найти достойного сексуального партнера. А вы будете жить, как в раю. Работать в светлом помещении и каждый день вас будут... с вами будут совокупляться несколько молодых приятных мужчин... Это же не жизнь, а малина. Или...

Доктор посмотрел на меня очень внимательно, словно хотел увидеть насквозь.

- Или вы собираетесь еще раз выйти замуж?

- Вот уж от чего увольте, так увольте, – твердо заявила я. – Попробовала, до сих пор тошнит. Одного раза достаточно. На черта мне мужик дома - чтобы ему носки стирать?

Доктор засмеялся.

Я представила, как буду ходить на работу, чтобы... Чтобы получать то, в чем я давно чувствовала себя обделенной. Получать от молодых мужчин, каждый день разных, без риска что-то подцепить или опасения завести обременяющую связь...

Ощущение было сходным с тем, какое охватывало меня при взгляде из самолета на ползущую внизу землю: от сладкого яда высоты захватывало дух. Но при этом внутри все дрожало от страха: я ни на секунду не забывала, что самолет железный и летит вопреки законам притяжения. Но...

-...В общем, я согласна.

Это сказала другая Анастасия... а может, и не Анастасия вовсе, а какая-то незнакомая женщина, решившая вперед меня.

- Замечательно. Я в этом не сомневался... Тогда осталось последнее - осмотр.

Доктор встал и растворил дверь в углу кабинета:

- Пройдите туда и разденьтесь.

Я понятия не имела, зачем меня осматривать, если я уже сдала сто анализов, но спрашивать ничего не стала. Но все-таки нашла в себе силы пошутить:

- До пояса или до белья?

- Догола, - серьезно ответил доктор. — Скажете, когда будете готовы.

Деликатность удивила; гинекологи всегда любили искоса смотреть, как я раздеваюсь и почему-то еще больше - как одеваюсь. Я прошла, ожидая увидеть стандартное кресло, которое ненавидела, как любая женщина старше двенадцати лет.

Однако за дверью нашлись кушетка под белой простыней и даже с маленькой квадратной подушкой, несколько стульев и вешалка с плечиками. Я через голову сняла кофточку, спустила бюстгальтер, сдернула юбку, стянула колготки вместе с трусами, снова обулась и крикнула, что готова.

Доктор появился и несколько секунд — уже в белых резиновых перчатках - молча смотрел на меня.

А я стояла, голая и в сапогах, втягивала отсутствующий живот и начинала медленно, как школьница, краснеть.

- Да уж, - сказал наконец он.

- Что «уж»? - уточнила я.

- Уж не хочет груш. Если это ниже средней, то я президент Японии, какого никогда не существовало.

- А что, разве не так? Что хорошего? Ну титьки у меня большие, а остальное...

- Повернитесь, пожалуйста, посмотрим и это остальное.

Я повернулась, как на рабском рынке в секции невольниц для гарема. И думала о том, что, зная об осмотре, прихватила бы сюда свои лучшие туфли из натуральной кожи питона. На тонком каблуке, с оранжевым низом и блестящими чешуйчатыми носами а'ля Маленький Мук...

-...На стул встаньте, пожалуйста.

Пожав плечами, я стряхнула с босых ног неприятно сырые сапоги и влезла на стул.

Доктор развел мне ягодицы - я поджалась от неожиданности.

- Так-так... - в голосе слышались нотки кота, увидевшего чашку со сметаной.

- Что — «так-так»? — нервно выдавила я.

Не ответив, он погладил нижние поверхности моих задних частей.

Которые - я знала точно! - целлюлитом еще не страдали.

- Н-да...- Шанин вздохнул. — С внешностью вы нас обманули, однозначно.

- А все-таки скажите мне, — не выдержала я, все еще возвышаясь всей своей задницей. — Зачем для такой... *работы* вы ищете женщину старше сорока? Да еще ваша Оксана радовалась насчет «*ниже средней*».

- Голубушка Анастасия, тут есть своя тонкость. Профессор Ивановский считает — и это подтверждают некоторые исследования — что сперма, содержащая достаточный процент активных сперматозоидов, выбрасывается

не одномоментно, а готовится в течение полового акта длительностью не менее пятнадцати минут. Поэтому донор имеет временную норму работы с приемщицей, а если он ее не выдерживает, то получает штраф. Так представьте себе, набрал бы я двадцатилетних девок с молочными железами вашего калибра и всем остальным вашего же качества. Какой молодой мужчина после пяти дней полного воздержания продержался бы с ними – извините за каламбур – дольше еще двух минут? Идеальна приемщица настолько непривлекательная, что донор почувствует женщину, только ею овладев.

- Так если сначала не почувствует, то как он ею овладеет? – усомнилась я, невольно втягиваясь в предстоящее.

- Резонно, - доктор довольно хмыкнул. – Для этих целей есть Александра, она из всех готовит к труду и обороне своего хилого отечества. Но в отношении вас этого не понадобится, это точно. Вы, голубушка, Анастасия, будете для них как сладкое пирожное, изредка достающееся каждому. А теперь, пожалуйста, лягте на кушетку, разведите ноги и согните в коленях.

Я спрыгнула со стула, босиком шагнула к кушетке, легла и послушно раскрылась.

- Ноги, ноги сильнее! Мне нужна ваша вульва.

Доктор присел на край кушетки, одной рукой ухватил меня за то место, которым предстояло работать, а вторую запустил в меня.

Прикосновения его были жесткими, но какими-то бесполоыми. Все – включая Шанинский белый халат без единого пятнышка - напоминало привычный визит к гинекологу. Но там всего лишь изучали мои недра под светом фонарика то этот доктор следил за моей реакцией. Он переместил руку, почти вынул, надавил изнутри снизу вверх – я почувствовала, как во мне становится жарко и все нужное сокращается само по себе. Мне было одновременно и неприятно и сладко какой-то ошеломительной жутью.

- Вы... что делаете... - облизнув губы, пробормотала я, стараясь не встать сразу на мост. – Что вы там... нашли?

- Да ничего... Смотрю вашу реакцию на возбуждение зоны «G»... Матку вам не задевал, когда пальпировал?

- Нет, - выдохнула я. – Матка в порядке. Она у меня в самом центре Земли. Никогда не задевали, даже на четвереньках.

- Это хорошо, хорошо...

Доктор отпустил меня так неожиданно, что я дернулась: мое тело, несмотря на дикость ситуации, уже не хотело расставаться с его руками.

- Ну... вагина у вас самая средняя, – спокойно сказал он, выпрямляясь.

- Это хорошо или плохо?

- Конечно, хорошо. Сможете принимать любого донора без проблем для него... и для вас. А теперь ноги еще пошире, пожалуйста.

Я растащила руки, пытаюсь лежать на шпагате.

- Волосы убрать, - продолжал Шанин, трогая меня резиновыми пальцами. – Все вообще. И здесь, и здесь, и здесь тоже... Можете сделать

депиляцию, можете ежедневно брить, если не лень. Но чтобы все было гладко, как у младенца.

- Слушаюсь, - сказала я, привстав на локтях.
- Куда вы вскочили? – остановил доктор. - Ложитесь обратно.
- Как? – спросила я, не понимая, что еще можно у меня смотреть.
- На спину, как лежали. Опустите руки и расслабьтесь.

Я легла, подсунула под голову подушку, поскольку без нее вряд ли сумела бы расслабить тело на ровной поверхности. И пока возилась – это заняло пару секунд - то не сразу заметила, что доктор скинул халат и стоит рядом обнаженный.

- А...

Я не успела договорить.

Мягким движением доктор взобрался на кушетку. Я почувствовала влажное прикосновение к своему бедру, но не стала туда смотреть.

- Это... что? – ошарашенно спросила я.
- Проверочное совокупление. Своего рода тест на профпригодность.
- Прямо так и сразу?

Я не могла понять: испугана я, рассержена, или... обрадована. Скорее всего, я ощущала все вместе.

- Прямо сразу и так. Или вы отказываетесь?
- Н-нет, почему, просто я...
- *Точно* не отказываетесь?
- Точно, - твердо ответила я. - Я же согласилась у вас работать.

И сунула руки под ягодицы, слегка выгнулась вверх. Я знала свои особенности - партнеру было легче войти именно при таком моем положении.

- Ну ладно, тест пройден, - непонятно сказал доктор.
- Соскочил с кушетки и снова влез в свой идеальный халат.

- А... проверочное? – пробормотала я, не понимая, чего хочу.

- Голубушка Анастасия, - доктор грустно поморщился. – Я же сказал – это *тест*.

- А... Иметь меня вы не будете?

- Повторяю, то был психологический тест. Последняя ступень. Потому что говорить можно долго и о многом. Но когда дело доходит до того, что предлагают взять и все испытать, не отходя от кассы, с партнером, знакомым всего в течение десяти минут.

Я вздохнула, почти раздосадованная. Но все-таки подумала, что педикюр делала не зря.

- Ну неужели вы думали, что я, ваш начальник, стану приходить к вам в своем кабинете?

- Всякое бывает, - я пожала плечами.
- Всякое, да не у нас, - возразил Шанин.

Отошел от кушетки, наклонился к отсвечивающему окну - поправил халат и пригладил седоватые волосы.

- Наш донорский отдел - очень хорошее место работы, - без связи заговорил он, снова повернувшись ко мне и явно думая о чем-то своем. - В иных городах за наружное оплодотворение собственной яйцеклетки спермой мужа берут две тысячи долларов. У нас за обычное осеменение донорским продуктом платят меньше. Но, скажем так, не на порядки. Львиная доля идет устроителям, но и доноры получают достаточно, и вы будете получать не так уж мало. Да, забыл сказать, оплата у нас сдельная. Александра все учитывает, в журналах расписывается, будете получать определенную сумму за каждый половой акт. И кроме того, начисляется оклад. Постоянный, чтоб вы не умерли с голоду, если эти... д-доноры... вдруг все разом подхватят... грипп. График шесть плюс один, неделю перерыв на месячные... Кстати, как у вас с месячными?

- Ну... - я пожала плечами. - Скажем так - нерегулярно.

- И с чего бы они были регулярными, если в вашем возрасте у вас такая половая жизнь, как в анкете сказали? - доктор вздохнул. - Но в наших условиях у вас организм заработает, как часы.

- Вы так думаете?

Я уже смирилась с тем, что красные отметки в моем календарике плясали туда-сюда на целые недели.

- Уверен. Работа здесь полезна для женского организма. Вы, конечно, не предохраняетесь?

- От чего? - нахально спросила я, прекрасно уловив предмет вопроса.

- От того самого, - усмехнулся доктор.

- Нет конечно. Я же все сказала именно в той самой анкете. Не-ре-гу-ляр-но.

- С сегодняшнего дня предохраняйтесь, потому что будет регулярней некуда. Посоветуйтесь с гинекологом. Вы рожавшая, оптимально поставить спираль и забыть об всем на пару лет. В крайнем случае принимайте таблетки.

- Но зачем? - спросила я.

- На случай, когда в вас будет попадать сперма.

- А... Но вы же говорили, что иметь меня будут в презервативах?

Я, кажется, все-таки чего-то не уловила.

- Хотел вам потом разъяснить, но раз уж сразу заговорили... Фиксированная зарплата вам будет идти независимо ни от чего. Примерно...

Доктор назвал сумму, которая втрое превосходила мой заработок в ЖЭУ.

- ...Так вот. Условия хорошие. Вплоть до того, что вам будут приносить горячий обед из кафе по заказанному меню, а удерживать сущие копейки. Но по сути... скажу вам по сути... По сути наша работа - это сексуальная тюрьма.

- Тюрьма?!

Вот теперь я не понимала уже вообще ничего.

- Возьмите донора. Человек получает деньги, но он фактически лишен половой жизни. По контракту ему запрещено иметь сношения с

посторонними лицами. Между днями сдачи он не может себя облегчить мастурбацией. При приеме проводится замер движущихся сперматозоидов в поле зрения, и это сразу обнаружится при сверке. Кроме того, ему нельзя употреблять алкоголь, и так далее. А вы? Вам тоже запрещена половая жизнь на стороне. Вы понимаете смысл этих слов? В любой день любой сотрудник - хоть штатный, хоть донор - может быть отправлен на анализы. Обычно так бывает пару раз в месяц. Если что-то найдется – штраф и увольнение.

Я хотела спросить, как можно сочетать штраф с увольнением, но не стала.

- Это сексуальная тюрьма в самом прямом смысле. Никто из вас не имеет права половых сношений за пределами нашего круга.

Доктор вздохнул.

- Но внутри этого круга по сути дела все совокупляются со всеми. Ханже, дураку и человеку далекому от наших проблем все покажется развратом. Но на самом деле это производственные отношения. Понимаете? Мы работаем в сфере воспроизводства человека. Секс для нас и работа и жизнь, их трудно разделить. Каждый донор в день сдачи имеет право на *физиологическую разрядку*. То есть может совершить нормальный половой акт с любой из наших сотрудниц. Хоть с вами приемщицами, хоть с Александрой, хоть даже с Ксенией – моей секретаршей. Или даже со всеми тремя по очереди, если давление тестостерона повышено.

Я молчала, представив себе трех женщин, которых по очереди обрабатывает один мужчина.

-...Поэтому будьте готовы к тому, что вас будут иметь каждый день сверх оплачиваемой нагрузки. Без презервативов и без отсчета времени.

- А скажите... - я так и лежала голая, в моем теле все еще плясал какой-то бес, меня не напугало даже известие о неоплачиваемой нагрузке. – До меня приходило много... кандидатов?

- Приходили многие, врать не буду. Ни одна не прошла последнего этапа. Краснели, шипели, когтились и уходили.

Это сообщение меня почему-то обрадовало.

- И еще... - Шанин внимательно посмотрел на меня. – Со стороны ваша работа очень напоминает работу проститутки.

- Но я...

- Нет, вы дослушайте. Со стороны. Вас использует не тот, кого вы любите и хотите, а кто назначен. И вы получаете за это деньги. Но если смотреть с такой стороны, то и жена по отношению к законному мужу иногда исполняет обязанность проститутки. Особенно когда ему надо, а ей не хочется.

- Мне это знакомо, Николай Николаич, - сказала я, впервые назвав доктора по имени. – Можете не объяснять.

- Но главное не это. Мы заняты процессом деторождения, а это дело связано с сексом. И когда вам вдруг покажется, будто вы проститутка – выйдите в коридор, посмотрите на галерею беременных и на детские мордашки. И вы поймете, что работая своим главным органом, будете

служить серьезной цели: спасению человечества от вымирания. Причем вполне официально.

Я кивнула.

- Хотя не уверен, что это человечество заслуживает спасения... - вполголоса добавил доктор, глядя в окно.

Кивнув еще раз, я села на кушетке.

Шанин вышел в кабинет, отпер дверь и высунулся в приемную:

- Ксения! Оформляй Анастасию! С завтрашнего дня она у нас работает.

Секретарша появилась не сразу. Она была голоногой, а халат сидел так, будто она только что надела его и даже забыла одернуть.

Не успев одеться, я, кажется, покраснела и попыталась прикрыться успевшими остыть трусами.

Доктор засмеялся:

- Не надо стесняться, Анастасия. Отныне вашей рабочей формой будет именно такой вид.

- Да? – вырвалось у меня.

- Да и никак иначе. По прибытии будете всю одежду вешать в шкаф и весь день ходить в чем мать родила. Распорядок нестабильный, вам не будет времени одеваться-раздеваться. Будете жить в простоте древних греков. С утра до вечера будете принимать одну сплошную воздушную ванну.

- Но как...

Я невольно посмотрела на снежно-белый радиатор отопления и меня передернуло при воспоминании о своей квартире, где голышом не продержалась бы и пяти минут, хотя здесь почему-то не мерзла.

- Не волнуйтесь, - усмехнулся Шанин, перехватив мой взгляд. – Наш перинатальный центр – это в самом деле медицинский бордель. Но нас приютило особое здание. Не просто медицинское учреждение, а родильный дом, где температура поддерживается постоянно. Своя бойлерная, воду не отключают никогда, при необходимости будут топить даже в июле.

Я шагнула к окну, положила ладонь на батарею – в меня хлынуло тепло.

Умиротворяющее и... обнадеживающее.

-...Правда, сейчас вам все-таки стоит одеться. Народ в коридоре поймет вас неправильно.

Я пожала плечами и принялась одеваться.

На этот раз доктор стоял у двери и с улыбкой смотрел на меня. И, кажется, вздохнул с сожалением, когда я натянула сапоги.

- А кто такая Астарта? – спросила я в последний момент у Шанина.

Внутри у меня от всего этого - разговоров, топтания голышом, обследования и финального одевания на его глазах - горело и плавилось. Мне предстояло хватать такси, чтобы скорее добраться до дома и присесть в ванне над перевернутой душевой лейкой, пока не прошел этот сладостный озноб.

- Астарта – египетская богиня плодородия, - спокойно пояснил Шанин, глядя как я сквозь кофточку поправляю на себе бюстгальтер. – Ее культ сопровождался разнузданными оргиями на поле будущего посева. Мы

занимаемся примерно тем же самым. Только не на грядках, а в условиях нынешнего тысячелетия.

5

Из ЖЭУ меня отпустили без проблем и уже на следующий день я пришла оформляться в «Астарту».

У Оксаны я подписала огромный многостраничный договор, где по пунктам были прописаны все мои служебные обязанности. Несмотря на привычку к чтению длинных документов, я так и не смогла прочувствовать его до конца.

Запомнила лишь кое-что.

При приеме продукта я должна была принимать донора либо на спине, либо на четвереньках и *«не позволять себе бурного оргазма»*, чтобы не сорвать рабочий процесс.

Я не имела права заводить с донором разговоров и тем более выяснять его личность или его внешность, если она окажется скрытой.

А в процессе *«физиологической разрядки»* я была обязана выполнить все желания донора – за исключением одного варианта, отказ от которого был зафиксирован.

Последним пунктом было обязательство не заражать никого венерической болезнью и подтверждение знания о том, что в противном случае я буду привлечена к судебной ответственности.

После всего этого мне выдали белый халат - как настоящему медработнику.

Он имел модный покрой, молнию вместо пуговиц и блестящие кнопки на нагрудных карманчиках.

Я успела его только рассмотреть - доктор взял меня за руку и повел в донорский отдел пренатального центра.

По каким-то бессветным потайным коридорам, пологим пандусам и узким лестницам.

Сам отдел – дверь которого доктор открыл электронным ключом - мне понравился не просто свежим ремонтом, а чистотой, которая поддерживалась на стерильном уровне.

И в то же время тем стоял въевшийся в стены запах продукта. Будоражащий и настраивающий на какой-то новый лад.

Сначала мы попали в крошечный тамбур, дальше открывалась большая комната с глухо забеленными окнами: тот самый *цех*, в котором мне теперь предстояло зарабатывать на жизнь.

Там были выгорожены боксы, привычные когда-то в кабинетах физиотерапии, но без наружных занавесок. Сначала у меня разбежались глаза, потом я сосчитала: всю стену по ширине занимали семь отсеков, в каждом стояла широкая кушетка и висели большие настенные часы.

Когда мы вошли, на одной из кушеток белокурый парень ритмично дергал задницей, выше него качались темные женские ноги с плотными икрами.

Донор и приемщица работали, не обращая на нас никакого внимания.

- Вот чем вам предстоит заниматься, – сказал доктор, сделав широкий жест.

- Вижу, - просто кивнула я.

Нельзя было сказать, что простое зрелище меня не шокировало, но шок был каким-то поверхностным и почти веселым. Ведь я уже представляла себе, на что иду.

- Теперь посмотрим все по порядку. Вот тут доноры раздеваются и моются...

Доктор толкнул дверь около тамбура, я увидела маленький предбанник со шкафчиками. Оттуда можно было пройти в туалет и в душевое помещение, которое напоминало операционную. В одной из кабин шумела вода. Там стоял высокий мужчина и намыливал себя красным и пенистым – явно взятым из диспенсера, сверкавшего на белой кафельной стенке. Увидев нас, он повернулся спиной. Я смотрела на узкий белый зад, поросший темными волосами, и с неожиданным предвкушением думала, что через некоторое время я стану прижимать к себе точно такой же – или даже этот самый! – в то время как часть, загороженная сейчас мускулистой спиной, будет раздражать мне и зону «G» и все прочие...

- ...Пойдемте в цех, - доктор тронул меня за рукав. – Этого добра еще насмотритесь.

Мы вернулись обратно; донор все еще наработывал продукт: видимо, обязательные пятнадцать минут еще не прошли. Я осмотрелась внимательнее. Комната оказалась очень большой – видимо, под нее приспособили рекреационный зал. С краю примостилось нечто, напоминающее гостиничный «ресепшн».

Над высокой стойкой висели фотографии двух женщин, как около приемной Шанина. Только эти - мои ровесницы или около того - имели и лица и все прочие части тела, и сидели, вывернув ноги и растянув себе все, что могли. Лиц я не рассмотрела. Рядом висела еще одна рамка, пустая.

- Это ваши коллеги, - пояснил доктор, проследив за моим взглядом. – Третья рамка ждет вас, Анастасия. Сфотографируем завтра с распахнутой вагиной и - тоже на стену. Для полной свободы выбора.

- Какого выбора? – я не поняла. – Разве приемщицы идут... работать не по графику? Вы же говорили...

- Да, по графику, чтобы выработка была одинаковая. Но доноры имеют право выбрать на разрядку любую из свободных или подождать, если она занята. Так работа идет эффективней.

В нескольких метрах от нас *работа* продолжалась. Ритмично, тихо и деловито.

Видеть все это мне не было противно.

Я никогда не подсматривала за чьим-то сексом, не имел к тому интереса. Но оказалось, что увидеть со стороны, как это делают не порнозвезды, а обычные люди, было любопытно. Как любопытно было бы наблюдать любое незнакомое явление.

Около ресепшн была еще одна кушетка под чистой простыней, над ним возвышался стеллаж. Там виднелись коробки, банки, одноразовая посуда.

Один стаканчик стоял на стойке, на нем чернели номера - сверху пятизначный, снизу просто «2».

- Это что? - я уже начала интересоваться всерьез.

- Тара для продукта, - ответил Шанин. - Сейчас пройдет время, Александра примет презерватив, сольет семя в стакан и сразу передаст в лабораторию... во-он, в то окно.

В стене напротив «ресепшн» виднелась низкая глухая дверца с панелью кодового замка.

- Ну, а теперь познакомьтесь с вашей непосредственной начальницей, - продолжал доктор.

За стойкой прятался низкий стол с компьютером, видеодомофоном и стопками документов. Над раскрытым журналов склонилась молодая женщина. Халат ее – такой же модный, как и у меня – висел на спинке кресла, а она осталась в паре черных чулок с кружевными резинками, словно шарж на развратную медсестру. На ее гладко выбритом причинном месте синела расплывшаяся и не опознаваемая татуировка. Самыми красивыми местами мы могли сравниться, хотя мои лишь за последние лет десять из скромных пирожков превратились в пышные булки, а эта девушка была явно моложе моего сына, которому зимой исполнилось двадцать пять... На самых выдающихся ее точках блестели хромированные железки в форме звезд. На руке у девушки болтался странного вида браслет; я не сразу поняла, что это электронные ключи.

- Александра, знакомься! – доктор перегнулся над стойкой. – Это Анастасия, работает с сегодняшнего числа.

- Добрый день, я Саша, – хмуро ответила девушка, бросив взгляд из-под черной челки.

- Не думайте, Анастасия, - Шанин улыбнулся. – Наша Александра светлая личность, просто у нее такая манера поведения.

Девушка подняла голову и лицо ее осветилось быстрой нежной улыбкой.

- На ней держится весь рабочий процесс, - вполголоса говорил доктор, оттеснив меня обратно к моечной. - Она устанавливает порядок работы. Запускает доноров, проверяет их после душа, промывает, одевает, раздевает и сдает. И еще черта в ступе. Ее используют и для разрядки, и она проводит контрольный акт с соискателями в доноры.

- Контрольный? – перепросила я.

- Ну да. Я же говорил про пятнадцать минут, не всякий может. Первый раз пробуют с Александрой, она засекает время, делает отметки, потом и

перед работой обрабатывает анестетиком, чтобы снизить чувствительность. А сама она...

Он не договорил, поскольку из моечной появился мускулистый мужчина – одетый и вполне добропорядочный. Что-то сказал начальнице и шагнул к выходной двери, встретившей мелодичным звонком.

- Смотрите завершение процесса, – сказал доктор, разворачивая меня обратно к цеху.

- Ага, - ответила я.

Из бокса ударил мощный заряд нецензурной брани; голос принадлежал женщине. Почти сразу донор резко встал и зашлепал к стойке. С него свисал темно-синий презерватив. Девушка Саша вышла из-за стойки – я мгновенно отметила, сколь высоки ее тонкие черные шпильки - ловким движением сдернула резиновый мешочек, перехватив его сверху, потом выдавила порцию в пронумерованный стакан.

Донор почти упал на кушетку у стены и стиснул в кулаке свое мокрое достоинство.

Начальница отдела черкнула что-то в маленькой бумажке, шагнула от стойки, приложила таблетку к панели около. Раздался короткий писк, дверца открылась внутрь.

- И что теперь? – мне уже казалось, что я смотрю фильм о каком-то клонировании инопланетян. – Что там будет дальше?

- Продукт пошел в лабораторию. Его там ждали. Пока номер двадцать один четыреста тридцать восемь обрабатывал Екатерину, в осеменении какая-нибудь великовозрастная дура уже лежала раскинув ноги, ожидая шприц со спермой молодого кобеля.

- А почему обязательно *дура*? – я невольно удивилась такой аттестации.

- Потому что если у женщины нет детей, значит так постановила сама природа. И нет большей ошибки, чем поправлять ее решение. В итоге все равно не выйдет ничего хорошего, уж поверьте мне.

- Но ведь вы этим занимаетесь?

- *Мы* этим занимаемся, - поправил Шанин. – Поскольку иначе человечество вымрет. А кроме того, это один из способов не умереть с голоду нам самим. Хотя можно умереть и от другого...

Из-за стены что-то спросили – Саша подалась в окошко, что-то отвечая. Я отметила, сколь совершенна ее задница. Разумеется, она была принципиально иной, чем та, которую я видела в моечной – округлая, вытянутая вниз, она сияла, как раздвоенный экзотический плод с почти жемчужной кожей.

Пожалуй, это была самая красивая из всех виденных мною женских задниц... хотя, честно говоря, задницами женскими я еще не любовалась никогда.

Доктор вздохнул и звонко шлепнул девушку по ее красивым местам.

Она не отреагировала, продолжая с кем-то говорить. А я, задержав взгляд дольше необходимого - никогда в жизни не видел вот так близко

голую женщину – заметила, что на Сашиных ногах до самых колен темнеют и блестят влажные полосы.

Девушка выпрямилась, отвернулась от захлопнувшегося окошка, шагнула к стойке, потянулась к кипе бумаг. Отработавший донор встал с кушетки и схватил бедра над черными резинками. Саша продолжала писать – он поддел ее снизу и принялся молотить так быстро, словно ожидал, что в любой момент тело у него отнимут. Начальница отдела не обращала внимания, находившийся внутри предмет ее не волновал – заполнив один журнал, взяла со стола следующий. Парень коротко вскрикнул и притиснул девушку к себе, потом отвалился – на белых ягодицах еще пару секунд алели отпечатки пальцев – и, тяжело дыша, поплелся в душевую.

А начальница писала и писала, не обращая внимания на жидкость, ползущую из нее по чулкам.

Дописав, положила ручку на стол и направилась в бокс, где работал использовавший ее донор. Нагнулась над кушеткой – я невольно отметила, сколь хороши ее ноги, ненастояще длинные из-за тонких шпилек – и вышла со скомканной простыней в руках. Вернулась за стойку, открыла еще одну, не замеченную мной узкую дверь, исчезла в темноте.

- Гигиена у нас на всей высоте научно-технического прогресса, – сказал доктор. – После каждого акта белье меняется, даже если осталось чистым. У Александры в кладовой кипа свежего, после конца рабочего дня использованное забирают в прачечную, и так далее.

Начальница цеха защелкнула дверь, вернулась бокс и принялась застилать кушетку. При этом она наклонялась так, что я невольно отвела глаза, чтобы не увидеть всего, что темнело и блестело у нее между белых ягодиц над черными краями чулок.

- Вот это и есть наш процесс, – подытожил Шанин. – И это еще не предел. Ну, теперь вы все видели, пойдете знакомиться с коллегами.

- Куда? – спросила я, поняв, что помещение имеет бездну всяких закоулков.

- В бытовку, – коротко ответил доктор, увлекая меня в дальний конец цеха. – Надеюсь, вам понравится и там.

- Я тоже, – я кивнула, поняв, что здесь все продумано до мелочей.

Краем глаза я увидела, как Саша протирает шваброй идеально блестящий пол.

6

«Комната отдыха» приемщиц – как правильно именовалось помещение, где мои новые коллеги коротали свободное время – в самом деле мне понравилась.

Слепо забеленные до откидывающихся фрамуг окна не мешали ощущению света. В одном углу стоял горшок с высокой драценой, в простенке около двери сияло ростовое зеркало, как в магазине одежды,

наполнявшее помещение простором. В комнате разместились три кушетки, шкафы, несколько стульев, большой стол с набором, привычным для заведений, где сотрудники целый день не выходят из помещения: электрический чайник, банка с растворимым кофе, жестянка не самого дешевого печенья. Не было только грязной, как вокзальный туалет, микроволновой печи: обещанные Шаниным ежедневные обеды из кафе избавляли от удовольствия вдыхать вонь перегретых домашних похлебок, привычных по всем моим прежним местам работы. Табличка на двери обозначала санузел, оборудованный только для нас.

Поистине организаторы учли все, чтобы женщины, служащие сосудами для сбора предоплаченного продукта, в свободные минуты могли себя восстановить и даже приумножить.

Когда доктор меня привел, обе приемщицы оказались на месте.

Та смугловатая, которую на моих глазах имел донор, *разрядившийся* потом в начальницу отдела, сидела около стола, закинув ногу на подоконник, и медленно пила кофе.

Вторая, светлая, расположилась на стуле – точнее, сразу на двух, положив на каждый по одной своей половинке. И, склонившись, пинцетом для бровей выщипывала интимные волоски.

Обе были без одежд, как и предупреждал доктор.

И обе в общем соответствовали описанному критерию отбора.

Смуглая была идеальной с точки зрения внешности *«ниже средней»*. Лицо ее было жестким и даже суровым, скорее мужским, нежели женским. Она состояла из двух частей. В нижней раздалась по-женски, имела бедра-брусся и очень длинные голени. А верхняя осталась почти подростковой. Ее признаки млекопитающих представляли собой довольно жалкое зрелище: размерами они не превышали моих ладоней. В довершение женщина была подстрижена под ноль и выкрашена басмой.

Вторая представляла полную противоположность: белая и гладкая, чрезмерно обильная. Над круглыми белыми плечами возвышалась большая красивая голова с благородным профилем. Ей бы пошли светлые кудрявые волосы изрядной длины. Но она тоже имела короткую стрижку и казалась сивой. На огромной ягоде я рассмотрела цифры **1340**, написанные черным маркером.

Доктор представил меня: темную звали Катей, светлую – Адой. Женщины прервали свои занятия, попросили сразу перейти на «ты» и с поразившим меня радушием предложили выпить кофе всем вместе.

С новыми коллегами с первой секунды было необычно легко и просто.

Сначала я даже подумала, что их радушие наиграно. Везде и всюду, где мне приходилось работать, нас женщин – точнее, это я была женщина, а они оставались просто *бабами* - имелось огромное количество и жили мы, как скорпионы в банке.

Но здешний коллектив сразу оказался бесконфликтным.

Мне налили кофе и, чтобы завязать разговор, я начала с того, что меня в самом деле заинтересовало.

- Слушай, - я обратилась к белотелой Аде. – Можно вопрос?

- Хоть два. Спрашивай, я тебе не съем.

- И я не съем, - добавила Катя. - Разве что немного покусую.

Ее голос оказался низким и приятным.

- Пока один и только к Аде, - я тоже засмеялась. – Я поняла, что доноры кодируются пятью цифрами, вас... то есть *нас* всего три штуки и не кодируют. Что означает четырехзначный номер на попе?

- Это не номер, - Ада захохотала, тряся всеми складками. – Это время последней сдачи. Тебе доктор говорил про срок пипира пятнадцать минут?

- Говорил, - кивнула я, сразу поняв смысл неизвестного слова.

- Так вот, когда ты с донором идешь пипириться на сеанс, Алексис тебе рисует время, раньше которого нельзя сдавать молочко от бешеного пёсика. Иначе ему штраф, а ты без бонуса.

- Но почему именно на заднице? – я в самом деле чего-то недопонимала.

- Не только на заднице! – сказала Катя. – На переднице тоже.

Опустила длинную ногу с подоконника, встала из-за стола и показала мне плоский живот с полустертым номером.

- Ничего не понимаю, - я была сбита с толку. – Почему кому-то сзади, кому-то спереди?

- Нет, Настя, ты в самом не поняла, - опять захохотала смешливая, как видимо, Ада. – По правилам донор может пипирить тебя или сзади или спереди. На животе тоже пишется время. Только спереди я его уже смыла, а сзади еще не удосужилась. Смою, когда пойду готовиться на следующий сеанс.

- Это нас обычный процесс, - добавила Катя.

- И сколько раз вы сегодня... – осторожно начала я, еще не зная, о чем здесь можно спрашивать прямо, а о чем все-таки нельзя. – Время смывали?

- Я четыре, Адка пять, - спокойно ответила напарница и снова закинула ногу на подоконник.

- Вас обработали девять человек?! – я изумилась, вспомнив, как доктор определял пятерых в день. – Что так много?

- Накладка вышла, – пояснила толстушка, придвигая печенье. – Один после командировки, другой вчера был на сутках и смог прийти только сегодня, еще у кого-то еще что-то... Бывает время от времени.

- Еще не так бывает, - Катя усмехнулась. – Вот когда набежит человек пятнадцать, еще и новеньких наберут, а у нас обеих менстр.

- И что тогда?

- Тогда настоящий аврал. Оксанка из приемной приходит, Сашка и готовит и сама же у кого-нибудь принимает. В общем – кино и немцы под Москвой.

Мне стало ясным, что слова про *«всех со всеми»* тут не пустой звук, а объективная реальность, с которой придется мириться независимо от желаний.

- Но и сегодня было неслабо, - добавила Ада.

- И что... Как?

- Нормально, - Катя махнула чашкой, поняв невнятно сформулированный вопрос. – Как видишь, обе живы-здоровы...

- ...И даже в меру упитаны!

- А почему ты пять, а Катя четырех, а не наоборот? – продолжала я, решив узнать в первый раз как можно больше.

- Потому что у Адки вагина большая, - ответила за напарницу Катя.

- Ведро, - гордо кивнула та. – Без ручки, зато с ногами.

- А из девятих один был Валерка, у него пенис толщиной с мою ногу. Только она и может принять.

- «Валерка»? – я удивилась. – Но разве доноров...

- Ну да, их фамилии не упоминаются и они по номерам, - сказала Ада. - Но кое-кто с нами разговаривает, и мы знаем их имена.

- Хотя Валерка толстых не очень любит, предпочитает мои кости трясти, - усмехнулась Катя. - Так что его перед сеансом с Адкой Сашка между титек возбуждает дополнительно...

Эти слова меня не удивили. Я изучила мужскую природу достаточно – в частности, знала, что мужчина любит разнообразие. И если есть возможность, будет иметь то сухощавую Катю, то жирную Аду, то еще кого-то, но обязательно попеременно. И если чрезмерный размер его навсегда привязывает к Аде, то он все равно станет требовать предварительной подпитки Сашкиными молодыми богатствами.

- Кстати, покажись-ка ты нам наконец, - попросила Ада.

- В каком смысле?

- В прямом.

- Халат надеть?

- Халат свой можешь повесить в шкаф, он там и останется. Тебе его выдали только если к Шанину позовут.

Ощувив стеснение лишь на долю секунды, я быстро сняла с себя одежду и аккуратно сложила ее в пустой шкафчик, дверцу которого услужливо открыла Ада.

- А ну повернись, красотка кабаре, - скомандовала Катя.

- Пройдись взад-вперед.

Я прошлась, повернулась, подняла и опустила руки, потрясла всем, чем могла, и во все стороны. Напарницы рассматривали меня внимательно, разве что не щупали внутри.

- Ну Катрин, теперь мы на разрядке отдыхаем! – добродушно подытожила Ада. – Будем кофе гонять и решать кроссворды.

- Почему? – я слегка насторожилась.

- Ты на нас посмотри и на себя, сисястая пиписька! Вся разрядка будет твоя.

- Ты Адку не слушай, она сейчас наговорит три кучи и недорого возьмет. Оплачиваемую работу распределяет Сашка. А вот простым вниманием ты будешь пользоваться однозначно.

Я никогда прежде не сидела в компании обнаженных женщин, не подставляла себя их взглядам. Даже в бане я бывала всего один раз на одной из проходных работ, но там все мои коллеги и мылись и парились и остывали в купальниках. Но меня почему-то не шокировало положение, принятое здесь. Ведь обе женщины, несмотря на далеко не сексапильный вид, были ухожены, от них всегда пахло хорошим дезодорантом и веяло чистотой.

- А как вообще тут? – я задала вопрос, который был главным. – Можно жить, или как?

- Можно, если осторожно - Катя кивнула и, не спрашивая, потянулась насыпать мне еще кофе.

Причем делала она это с поразившей меня кошачьей ловкостью, не опустив ноги с подоконника.

- Самое главное – не забывай перед выходом в цех прочитать нашу мантру! – добавила Ада.

- Какую... мантру? – я в очередной раз удивилась обилию мелочей, составляющих местный быт. – Где она написана?

- Да вот, над дверью! – Ада тронула меня за плечо. – За твоей спиной.

Я обернулась, не вставая со стула.

Над выходом из комнаты, от стены до стены, висела полоса обоев, приклеенных оборотной стороной. Я ее еще не видела, зайдя сюда и сразу сев к столу. На белом фоне огромными разноцветными буквами, отчеркнутыми рамками и даже осыпанными мелко истолченными блестками, было написано:

ВСЕ мужики КОЗЛЫ.

Без дефиса и даже без восклицательного знака – как истина, не нуждающаяся в чрезмерном подтверждении.

- Это что? – я поразились; увидеть такой лозунг в центре планирования семьи казалось по меньшей мере странным.

- Это осталось с прошлого нового года, - пояснила Катя, наливая мне кипятку. - Готовились не по-детски. Танька, что до тебя работала, когда-то где-то оформительствовала.

- Аксинья у своего сына взяла кисти и другие краски, подхватила Ада. – Целую неделю все расписывали. Потом этот решили оставить.

- И читаем его каждый раз, отсюда выходя.

- Слушайте... - я снова повернулась к столу. – Как-то это не вяжется. Доктор мне расписывал благородное дело, и все прочее.

- Плодить кривоногих уродцев – дело в самом деле благородное, - Катя кивнула. – По крайней мере, для наших зарплатных карточек. Но что касается разрядки - там козлиная сущность этих козлов проявляется полностью.

- И в это верю даже я, между пипирами, - подтвердила Ада. – Как и в то, что мне надеть нечего.

- Что – «надеть»? – опять не поняла я. – Халат...

- Да ничего не надо надевать. Просто вспомнила, как у нас в школе молодая математичка говорила, что у нормальной женщины есть три аксиомы. Первая: все мужики – козлы. Вторая: мой ребенок – лучший на свете...

- Не пробовала, но уверена, - вставила Катя.

- Я пробовала – подтверждаю, - сказала я.

-...И третья – мне надеть нечего.

-...Девчонки!

В комнату отдыха, размахивая всем телом, влетела Саша и остановилась на пороге. Наша начальница каждой из нас годилась в дочери, но обращение с первого раза показалось мне естественным. Ведь любая женщина до определенного момента старается увеличить свой возраст, а после – уменьшить; в данном случае встречные интересы совпадали.

- Заходи, - сказала Катя.

- Я... что-то спросить хотела, – ответила девушка, покосившись на меня. – По ходу из головы вылетело. Вспомню – зайду. Попозже.

Я мгновенно догадалась, что здесь происходит еще нечто, и я как новенькая кажусь лишней.

Допив кофе и взглянув на часы, я соврала, будто мне надо съездить на прежнюю работу, подписать приказ об увольнении и забрать трудовую книжку.

Напарницы тепло со мной попрощались, а Саша помогла найти выход через параллельный коридор в Оксанину приемную.

7

Шанин сказал, что первое время мне нужно не работать, а присматриваться и запоминать правила, не думая ни о чем ином.

Сначала я делала это, не высовываясь из комнаты и почти не вставая со стула, а лишь развернувшись лицом к выходу.

Это получалось без труда, поскольку наша забеленная дверь всегда стояла открытой; все происходящее по обе ее стороны шло на глазах у всех и никого не смущало.

Работа поразила меня в первый день.

Но еще больше потрясла *«физиологическая разрядка»* - точнее глубина и полнота действия, которое посторонний человек назвал бы элементарной половой разнузданностью.

На второй или третий день после моего появления начальница нашего отдела ходила в плотных трусах.

Никому из женщин объяснения причин не требовалось, но донор, отработавший с Катей, сдавший продукт и теперь требовавший разрядки, в женских тонкостях не был сведущ.

Или был, но не желал их принимать в расчет.

Мужчина топтался у стойки, Саша кивала в сторону настенных фотографий, показывала рукой на Аду, которую в этот момент работали на

четвереньках, хлопала ладонью по своим трусикам – он мотал головой и тянулся к звездам на ее груди.

Девушка что-то возражала, потом до меня донесся ее голос:

- В рот я не беру, чтоб ты знал!..

Донор заговорил что-то еще.

Саша пожала плечами и сняла трубку внутреннего телефона.

- Сейчас вызовет Ксанку, - пояснила Катя, зачем-то встряхнув банку с кофе.

Меньше, чем через минуту по боковому коридору пролетел цокот каблуков, и к нам в комнату вошла секретарша.

- У Саши праздник красных трусиков, твоего портрета еще не вывесили, - сказала она мне и взялась за молнию белого халата.

Привычно и никого не стесняясь. Я сразу поняла, зачем ее вызвали.

Когда Оксана осталась в темно-вишневом кружевном гарнитуре, я отметила, что бедра ее имеют грушевидную форму, любимую некоторыми мужчинами. Живот подкачал: после родов он не сократился, был весь в складках и морщинах. Впрочем, к моему возрасту у этой милой женщины все еще могло подтянуться. Но когда секретарша разделась полностью, я ее искренне пожалела.

Мой первый мужчина – институтский философ, приобщивший меня в летнюю сессию второго курса - человек нехороший, но умный, повторял, что обнаженная женская грудь принципиально не может быть некрасивой. Этот девиз, внедренный в мое сознание почти одновременно с мужским предметом, внедренным в мое девственное тело, сослужил добрую службу. Я пребывала в счастливой убежденности, что голая я прекрасна уже потому, что *голая*, до тех пор, пока не поумнела. Но к тому моменту мое тело развилось до нынешней степени совершенства и никакие мантры уже не требовались.

Не знаю, что сказал бы похотливый философ об Оксаниной груди. Но я смотрела на нее и мне в голову приходили даже не собачьи уши, а что-то еще более неподходящее.

Оксана заметила, что я ее рассматриваю, усмехнулась, но не прикрылась.

Глотнув кофе прямо из Катиной чашки, секретарша поспешила в цех, оставшись в туфлях на толстых красных подошвах. Она шагала с нарочитым эротизмом, и я отметила, что у нее очень красивые волосы – волнистые, темно-русые, покрывающие всю ее спину. Чуть ниже на поясице красовалась отвратительная цветная татуировка в кичевом стиле, напоминающая то ли орнамент из колючих веток, то ли условные знаки каких-то самурайных придурков. А икры ее, пока их до нужного места прикрывал халат, были куда красивее, чем в голом виде.

Донор увидел ее и расплылся улыбкой во всю физиономию.

Они перекинулись парой слов – видимо, уточняли детали.

Мужчина лег на кушетку, Оксана устроилась верхом. Я невольно отметила, что еще одним некрасивым местом ее тела оказались колени: в

такой позе они казались костистыми. Донор охватил ее груди, она взяла себя за уши - и началось то, что в книгах иногда обозначается многоточиями, а в фильмах моей молодости всегда прерывалось затемнением.

Ада отработала – донор отпустил ее зад и пошел к стойке. Сдав дозу и расписавшись, он сел в боксе, соседнем с тем, где разряжала секретарша.

- Аксиною вызвали, видели? - потная и чем-то страшно довольная, Ада ввалилась в комнату и смаху упала на стулья.

- Нет, не видели, - усмехнулась Катя. – Раздевалась она не здесь, от Шанина уже голая прибежала.

- Забиваемся? – непонятно спросила толстуха.

- Как обычно, - кивнула напарница. – Уже давно было пора.

Ада удовлетворенно кивнула, намочила ватный диск спиртом из бутылочки и принялась оттирать черное время со своего живота.

Мне короткий диалог был непонятен, и я отвернулась к цеху.

Там все успело перемениться: Оксана была уже снизу, приподнялась над кушеткой и несколько секунд стояла мостом, удерживая немаленькое мужское тело.

Едва удовлетворившийся донор пошел мыться, как из соседнего бокса выскочил парень, только что излившийся в Аду.

Он налетел на Оксану, как ураган; казалось, что он изо всех сил пытается уложить женщину плашмя, а она - тоже изо всех сил - сопротивляется. Мы наблюдали молча; это был не рабочий сеанс и даже не просто разрядка, мы видели совокупление двух диких зверей, каждый из которых спешил получить удовольствие вперед другого. Само тело секретарши, по прежнему стоящее мостом, излучало блуждающее удовольствие...

Зрелище животного удовлетворения было омерзительным – и еще более омерзительно было осознавать, что и мне самой в скором времени предстоит то же самое с вариациями.

Я не выдержала и отвернулась.

Когда посмотрела снова, мужчина стоял посреди цеха, мутно оглядываясь. Лицо его горело всеми оттенками красного.

Оксана шла к нам, покачиваясь на подворачивающихся каблуках и оставляя непристойные жидкие следы на полу.

- Ну и? – поинтересовалась Катя. – Сколько сегодня?

Секретарша улыбалась – молча и ошалело.

- Сколько? – Ада приподнялась.

- Один. Зато как...

- С тебя банка, - удовлетворенно сказала Катя.

- Сегодня с меня, в следующий раз будет с тебя, - беззаботно усмехнулась толстушка и полезла в шкафчик.

Оксана отуманено смотрела на нас, переступая с ноги на ногу.

- Кофе нам бесплатно, но всего одна банка в месяц, - Катя улыбнулась, увидев мое недоуменное лицо. – Сама понимаешь, при наших дозах это ничто. Прикупаем – через дорогу от роддома супермаркет, выйти никто не

запрещает. Но скучно просто так – вот мы с Адкой и забиваемся на сколько раз Ксанька испытает оргазм.

- В следующий раз будешь в доле? – спросила Ада.

- Конечно, - я кивнула. – Небольшой тотализатор на количество оргазмов – как раз то, что мне нужно.

- Тогда еще добавим торт, - сказала Катя. – Адке нельзя, мне в самый раз.

- Ксюня, не в службу, а в дружбу, - сказала толстушка, протягивая зеленую купюру. – Мы, как всегда, на тебя поставили, и я проиграла! Сходи, пожалуйста, мне из-за пяти минут трусы надевать лень.

- А ты без трусов иди, - в голосе напарницы звучало счастье не на тысячу, а на целый миллион. – Тебе не привыкать.

- Как всегда, «Чибо»? – уточнила Оксана, пряча деньги в карман халата, висевшего на вешалке.

- Как всегда, - Катя кивнула. – Большую банку.

- Сдачи не надо! – Ада сделала царский жест. – Купи себе таблетки, чтобы в следующий раз меня не подвести!

Одарив нас счастливейшей из улыбок, секретарша открыла дверь санузла.

- Разуйся! – остановила Катя. – Испортишь в один миг свои лабутены.

С невероятным стуком туфли одна за другой упали на пол.

- Аксинья, шапочку!- добавила Ада. – Сама знаешь, у нас все хорошо, но фендохлый – дует чуть-чуть и каждые пять минут выключается. При наших хрущевских прическах некритично, а вот ты час будешь сушиться.

- А... - Оксана махнула рукой. – Все равно голову мыть, он мне волосы уделал.

Она закрыла дверь, в санузле зашумела вода.

- Эх, Ксюня, Ксюня, - вздохнула Ада. – Что бы она делала при другой работе?

- А что? – не поняла я. – В каком смысле?

- Да в прямом. Единственное что у нее есть – это волосы, да и с ними одна морока. Ходит враскоряк, сиськи оторви да выбрось, про остальное молчу...

- Да ну, - возразила я, желая поддержать секретаршу. – Когда дело доходит до сисек, то уже все равно, какими они окажутся.

- Так-то оно так. Но сначала нужно именно дойти. А у нее условий нет етиться. Дома сын, с ее коленками не то что на съемную, даже в ресторан для начала никто на не пригласит, а без коленок – и вовсе...

- Да, - сказала Катя, проведя ладонями по груди. – Именно в коленках вся наша сила против мужиков.

Я отметила, что эти части ее ног великолепны.

-... А тут - сиди себе в приемной, не дергайся, никуда не звони, никого не ищи. Сами позовут и отпикируют тебя по самые уши без всякого риска... И с небритой писью будет счастливая, как пиписька.

- Писька у нее отрастает слишком быстро, от депиляции никакого толка, - Катя возразила так серьезно, словно все это имело значение. - Брить каждый день не может, у нее раздражение.

- И правильно, что не бреет, - опять вступилась я. – Вот я еще месяца не хожу с бритой писью, и никак не могу привыкнуть. И колется она и жирнится, и трусы куда не надо забиваются. И как весь цивилизованный запад ходит бритый там, где сама природа оставила нам волосы?

-...Катя! – Саша возникла на пороге бесшумно, как привидение. - Теперь он тебя просит. Не напихался еще.

- Просит так просит, - приемщица пожала плечами, отставляя недопитую чашку. - Желание клиента... точнее его пениса... есть закон.

И пошла в цех, где на краю кушетки сидел татуированный парень, только что обработавший Оксану.

- Слушай, Ада... - спросила я. – А что... Разве разрядка положена не с одной женщиной? Доктор мне не говорил.

- Если бы доктор сказал тебе сразу все, ты бы развернулась и ушла, – усмехнулась напарница. – На разрядке донор имеет право поепстись с кем угодно и сколько угодно.

- То есть после сеанса мы становимся именно проститутками.

- Точно так. Только высокооплачиваемыми и на окладе.

Я покачала головой, глядя, как Катя сидит на кушетке, склонившись к животу татуированного донора и двумя руками помогая своим щекам.

- Сейчас Катрина ему покажет китайскую акробатику, - сказала Ада, проследив мой взгляд. – И даже не захлебнется.

- Да уж... - пробормотала я.

Я сама не могла понять: противно мне видеть все это, или любопытно.

- А что ты хочешь. Посуди сама, Стася. Парню двадцать четыре или даже двадцать три, он готов есть все, что движется, стоит, сидит, или лежит, а ему позволяют один раз в пять дней отпипирить старую бабу, на которую ему укажут, да еще надев дубовый кондом. Правда, за хорошие деньги.

- Представляю.

- Это еще что... Бывали случаи, когда молодец сливал после сеанса во всех тут имевшихся – пипирил еще пять писек подряд. Сашуню, Аксюню и нас трех, включая ту, в которой отработал.

Я покачала головой, не зная, что ответить.

Потому что вспомнила слова доктора о сексуальной тюрьме.

Правда, Саша никогда не принимала душ.

Ее тут имел каждый второй донор, и она весь день ходила облитая мужским потом, в запятнанных, подсыхающих и снова намокающих чулках. Только было неясным: получали ли наша молодая начальница какое-то извращенное удовольствие от ощущения полной измочаленности, то ли ей было абсолютно все равно.

- И самое главное, - словно ловя мои мысли,, подытожила Ада. – Все всем довольны.

Я кивнула.

То, что творилось здесь помимо сдачи продукта, нельзя было назвать иначе, как непотребным развратом.

Но меня это не шокировало даже с первых дней; хотя работать я еще не начала, работа мне уже чем-то даже нравилась.

8

Очень быстро я почувствовала себя полностью своей.

Время от времени хихикая, оглядываясь на слепые окна и понижая голос, напарницы посвятили меня во все оставшиеся тайны.

Как я поняла, в целом они изнывали от скуки; неделю за неделей проводили как наложницы гарема: сидели в постоянной готовности к сеансу или *«разгрузке»*.

Хотя ежедневное количество актов исчислялось десятками, общее время их не превосходило пары часов. Остальную часть дня мои новые подруги бездействовали: точили лясы, обсуждали мелочи, выщипывали недоступные волосы... Читали какую-то печатную ерунду: модные издания и журнальчики по домоводству – хотя вряд ли хоть одна из них занималась своим домом в единственный выходной, а их модная одежда использовалась лишь по дороге сюда и отсюда, час утром и час вечером, остальное время они проводили голышом.

И еще меня поразило, что при наличии мобильных телефонов для *«производственной необходимости»* я ни разу не застала их за разговором с кем-нибудь, кроме Оксаны. Мои коллеги казались оторванными от мира и существующими сами по себе в нескромном одиночестве нашего перинатального центра.

Возможность рассказать все давно известное новому человеку их окрылила, и на меня вылился ушат информации.

Оказалось, что Катя – бывший врач-педиатр, Ада – бывший же учитель географии. Последнее меня потрясло; я всегда считала любую учительницу эквивалентом старой девы. Обе были одинокими. Ада делила жилище со старухой матерью, а Катя – трижды побывав замужем и счастливо избежав потомства - с братом, его женой и их ребенком.

Обе искренне говорили, что здесь им в тысячу раз лучше, нежели дома.

В последнее я верила: сама я много лет жила одна и представить себе не могла, как можно существовать около дуры матери или находиться возле семейного брата, невестки и племянника на положении приживалки.

Оксана была матерью-одиночкой, жила со старухой-бабкой и сильно держалась за свое место... хотя причины того открылись не сразу.

А о Саше я узнала нечто неожиданное и сразу переменяла отношение к ней. Точнее, улучшила; начальница понравилась мне сразу.

Девушка была детдомовской, ей исполнился всего двадцать один год, но она уже успела пару лет отсидеть в тюрьме. Где – что не казалось удивительным при Сашиной внешности - из нее сделали лесбиянку. Какой

она и осталась, сохранив способность принимать мужчин. Доктор взял ее на работу под свою ответственность, не подделывал документы, а оформил официально и объявлял ей благодарности, чтобы набрать материал для снятия судимости. К тому же в свободное время Саша заочно училась на экономиста.

Все сотрудницы «Астарты» оказались не то чтобы ущербными, но людьми без нормального быта, и работа заменяла им дом.

Сам Шанин считался приличным отцом семейства, но ни от кого не скрывал, что с женой они спят в разных постелях.

Но больше всего меня поразило факт, что подставляя себя чужим мужчинам, мои коллеги по-настоящему испытывали все необходимые женские ощущения.

Это казалось тем более непостижимым, что привычные явления – точнее их привычная *оценка* – были перевернуты здесь с ног на голову.

У обычных людей – к которым до прихода сюда я причисляла и себя – секс оставался таинством. Действием, требовавшим уединенности, гарантированности и просто от помех и от постороннего глаза... и даже порой от собственного. До определенного возраста взаимные прикосновения к частям, обеспечивающим соединение, проходили у меня как бы невзначай и как бы случайно, при погашенном свете, задернутых шторах и подальше от зеркал. Потом, конечно, девчоночья стыдливость прошла; во время короткой связи с любителем видеосюжетов я испытывала странное удовольствие даже от мысли о том, как буду просматривать и повторять те секунды которые сейчас переживаю. Но все-таки казалось, что интимное дело касается только двоих, в нем участвующих.

А тут пары занимались им одновременно почти бок о бок, под контролем начальницы отдела и на виду у отдохавших в комнате. Секс из таинства превратился в производственный процесс.

Правда, Ада говорила, что в первое время боксы имели наружные занавески, но потом их сняли, дав Саше возможность следить за процессом и охранять приемщиц.

Низвержение таинства с зашторенного пьедестала меня потрясло. И, как оказалось, так жить было можно; так жили и приемщицы и доноры, не испытывая никакого неудобства от публичности.

Привыкли настолько, что женщины научились испытывать публичный оргазм.

Я спросила об этом явлении после впервые увиденной «разрядки» с Оксаной.

- Ничего особенного, - Катя махнула рукой. – Это нам в головы вдалбливали, что женщина не может испытать пик сладострастных ощущений в первый раз или со случайным партнером и так далее. На самом деле, когда работа заключается в непрерывном совокуплении, и все разговоры только о том, то сам организм так настраивается на секс, что можешь что угодно и с кем угодно. При всех интеллектуальных глубинах и моральных высотах ты превращаешься в одно большое влагалище.

- Надо же...- протянула я. – Я даже представить этого не могу. Пока не могу.

- Та же Ксанка – я не знаю, как она живет, - продолжала напарница. – То есть как раз наоборот, прекрасно знаю. Ей, как и всем, заводить партнеров на стороне запрещено. Она говорила, что сидит в приемной, непрерывно ожидая и надеясь, что вот сейчас случится накладка в работе и ее по авралу вызовут в цех. И так себя настраивает, что всегда получает все, что нужно, кто бы и как ее ни использовал.

- А ты сама... Кончаешь?

- Разумеется. А ты как думаешь – с чего я матерюсь во весь голос? Правда, научилась не сразу и до сих пор не всегда выходит легко. Но все-таки раз в день выходит.

Она налила себе кофе и добавила с усмешкой:

- Чем может похвастаться не всякая замужняя женщина с отличной семьей.

- Может быть, я тоже научусь... - протянула я, пытаюсь представить себя, бьющуюся в судорогах под тем татуированным кретином, которого принимала Оксана. – А ты...

- Да ты на меня не смотри. Ты с Адки бери пример. У нее все выходит при каждом акте.

- Серьезно?! – я с недоверием уставилась на толстушку, до сих пор молчавшую над книжкой кроссвордов.

- Да, представь себе... - кивнула та, вскинув глаза и подняв карандаш. – Скажу больше: я кончаю во время каждого сеанса!

- Во время сеанса?! – изумилась я. – Когда тебя пятнадцать минут молотят резиновой кишкой? Я, конечно, еще не пробовала, но представить могу.

- Именно так. На самом деле неважно, чем тебя молотят и сколько. Главное настроиться, как Катрина правильно сказала.

- А вообще разве разрешено кончать во время сеанса? – вспомнила я. – Я в договоре что-то помню насчет «бурно» и «небурно».

- Разрешено. Но *тихо и без эксцессов*, - сказала Катя.

- В каком смысле без эксцессов?

- Чтоб партнер не разошелся всерьез, презер не соскользнул. Или не порвался.

- Сложно все, - вздохнула я. – Так можно, так нельзя, а как на самом деле будет?

- Научишься, - Ада ласково потрепала меня по плечу. – Все гораздо проще, чем кажется на первый взгляд. Пиписька – она и на Северном полюсе пиписька... как и писька на Южном.

9

Побывать в боксе мне пришлось раньше, нежели предполагалось.

Одним напряженным днем, когда Катя и Ада работали почти непрерывно, а я сидела одна и ленилась даже встать к столу сделать себе кофе, раздался стук шпилек и в комнату вошла Саша.

Как обычно, чулки ее были заляпаны, на груди сияли звезды, глаза угрюмо смотрели из-под челки.

- Новенькая Анастасия, на вас заказ...

- Во-первых зови меня на «ты», - остановила я, не желая разделять отношения. – Ты же Катю с Адой не выкаешь!

Девушка молча пожала плечами.

- А во-вторых – что такое заказ?

Спросила это, сама не зная, почему. Ведь все было ясным без вопросов.

Тем более, что этим утром я увидела свой непристойный портрет на стене около ресепшн – рядом с напарницами и в такой же позе.

- Донор просит... тебя... на разрядку.

Я провела уже целую неделю среди узаконенного разврата, однако оставалась как бы невинной. Но час настал: меня потребовали в койку. Началось то, что должно было стать нормой моей жизни. Причем сейчас мне предстояло не работать в медицинском смысле, а послужить как раз бесплатной проституткой, ублажая мужчину.

- Николай Николаевич сказал, что тебя надо понемногу... включать в работу, - виновато сказала моя молодая начальница, поправив волосы. – Но если ты еще не готова, я придержу. Пусть меня пихнет, или...

Над ее головой, от угла до угла, на стене посверкивал мелкими блестками девиз.

- Какая разница... - я вздохнула. – Или – не или, днем раньше, днем позже? Рано или поздно придется начинать – не кофе же пить я сюда пришла...

- Кофе! – Саша взглянула на меня с быстрой, внезапной нежностью. – Хочешь, я тебе кофе сделаю... Для храбрости? Сучонок тебя подождет, никуда не денется.

- Да нет, спасибо, - я поднялась со стула. – Лучше уж сразу и в омут...

- Как хочешь... Пойдемте, Анастасия, я тебя отведу.

Я проследовала за Сашей. Ноги вдруг сделались ватными.

Мы разминулись с Катей – возжелавший меня работал с ней. Коллега улыбнулась мне и быстро похлопала по плечу.

Около бокса переминался белобрысый парень. Собрав всю решимость, я двинулась к нему.

- Подожди, - Саша коснулась моей руки. - В журнале расписаться.

- В каком... О чем?

- В журнале учета произведенных операций, - девушка увлекла меня к ресепшн. - В последней графе. Ставишь свой номер – три – и расписываешься, что совершила половой акт с донором номер таким-то в порядке взаимного согласия.

- А... зачем? – тупо спросила я так, будто то был вопрос жизни и смерти.

- Затем, чтобы внести юридическую чистоту, - терпеливо пояснила начальница. - Ты заранее подтверждаешь, что все состоялось по твоей доброй воле, это исключает дело об изнасиловании.

- Но разве?..

- Потом поймешь, когда поработаешь.

Я послушно написала тройку в конце последней строчки и поставила закорючку.

- Удачи тебе... - прошептала Саша.

И быстро погладила меня по плечу.

- Это Анастасия, - сказала она у, подведя меня к боксу. – Можешь с ней расслабиться.

- Здравствуйте, - ответил парень.

Это меня удивило: коллеги рассказывали, что доноры стараются не замечать приемщиц.

- Как мне лечь... или сесть, или встать? – уточнила я, стараясь говорить спокойно.

- Пожалуйста, лягте на живот, - попросил тот. – Ноги раздвиньте, я сзади. И можно, я за ваши груди подержусь?

Я кивнула. Легла, развела ноги. Невольно вздрогнула, ощутив влажное прикосновение, плавно перешедшее в ощущение чего-то твердого внутри. Парень просительно тронул меня за плечи – я приподнялась на локтях, он просунул руки мне подмышки. Потом мягко опустил меня на живот – точнее, на подушку моего бюста - лег сверху и начал *разряжаться*.

Быстро, глубоко и ритмично.

Дыша с нескрываемым удовольствием мне в ухо.

Давай, мальчик, - думала я, ощущая каждое его движение. – Давай, зайчик, жарь старую тетку. Ты только что за хорошие деньги обработал почти такую же, чтоб сделать благое дело. Ты получил сомнительное удовольствие, но мутной жидкостью осемят женщину, захотевшую иметь ребенка все равно от кого, и через девять месяцев поголовье человечества увеличится на одну единицу. Такую же белобрысую и с такой же маленькой задницей... За это ты имеешь право расслабиться и трахнуть меня от души... Так не стесняйся, отрывайся по полной... Плющи до синяков мои молочные железы – мне они все равно уже не понадобятся – дави мне соски, накачивай, можешь даже попытаться порвать мне матку – все равно с твоими достоинствами этого не выйдет – потому что все это ты заслужил...

Алюминиевый каркас скрежетал и ходил ходуном: в соседнем боксе отделявали Аду.

Мой разряжался и разряжался, а у меня в голове завертелась мысль, что по возрасту он мог быть моим сыном.

Я заметила, что многие доноры действительно приходят в темных очках. Возможно, среди таких встречались семейные молодые мужчины, приходящие сюда ради заработка. И опасаящиеся попасть на знакомую женщину, которая потом поделится с его женой:

«а ты знаешь, пока твой меня не выгреб, я не знала, что бывают такие кривые члены»

- или еще что-то в этом роде. Уподобившись коллегам – чтобы не тратить сил на сушку головы после душа, который они принимали по сто раз на дню - я коротко подстриглась. К тому же покрасила остатки волос в огненно-рыжий цвет, который всегда мне шел, а теперь еще и отвлекал от лица. Макияж я забросила с первого дня, поскольку не видела в нем необходимости. Все это преобразило меня до неузнаваемости. Меня вряд ли узнал бы кто-нибудь из прежней жизни.

И не исключалась вероятность, что женатый сын – с которым отношения давно прекратились - придет поработать в темных очках и я не узнаю его и он не узнает меня, и мы...

И что самое ужасное: может быть, это произойдет даже на разрядке, без презерватива - и он вошьет свое семя туда, откуда появился сам.

Ты придешь и осеменишь родную мать, - воспаленно думала я, не видя партнера. - И если по невероятной случайности я забеременею, то у меня родится одновременно и сын и внук, а у тебя – и сын и брат, и...

Откуда взялся этот бред, я не знала – скорее всего, от нервного перенапряжения, вызванного долгим ожиданием заказного секса. Но фантазия меня настроила на занятие и я начала непроизвольно подыгрывать мальчишке.

А в последний момент даже напрягла все что нужно, чтобы доставить мальчишке дополнительное удовольствие.

- Спасибо... - пробормотал он, прильнув ко мне потным телом и даже поцеловав меня куда-то между ухом и плечом.

По привычке забытых дней я едва не перевернулась на спину, чтобы совершить некоторые процедуры последствия. Но сообразила, что я все-таки на работе, а не дома с любовником и потому, не глядя, ответила просто:

- Пожалуйста.

И добавила:

- Еще приходи!

Так отвечала на любые слова благодарности моя покойная бабушка, а в данной ситуации фраза звучала двусмысленно до неприличия.

Донор поспешил слезть на пол.

Я покинула горячую кушетку. Поймала на себе вопросительный Сашин взгляд, помахала ей рукой и молча проследовала в комнату отдыха.

За те несколько шагов, что пришлось пройти, из меня и поползло и потекло. В прежней жизни мне приходилось принимать приятелей сзади, лежа грудью на кухонном столе. При любом исходе лично для меня я зажимала полотенце между ног – а если такового под рукой не находилось, спешила за тряпкой, чтобы скорее затереть испятнанный пол.

Здесь никто из нас ничего не затирает: порядок наводила Саша.

- С крещением? – спросила Катя, по обыкновению пившая кофе.

- Ну не совсем с крещением, - я пожала плечами почти беззаботно. – Это был не рабочий сеанс...

- Но все равно тебя вые***ли?

- Вые***ли, - кивнула я.

Катя употребила привычное для нее нецензурное слово, я ответила ей тем же, хоть и не из моего лексикона. Коллега хотела подчеркнуть важность происшедшего, я с этим согласилась.

Мы поняли друг друга на сто процентов.

- Ну так с тем и поздравляю.

Катя говорила спокойно, но в словах я улавливала донный смысл:

«поздравляю тебя с тем, что ты стала одной из нас: сходила по вызову и тебе вставили безразличную затычку, которая желала получить удовольствие; она его получила – и пусть за акт тебе не начислят бонусов к зарплате, но все-таки это начало большого пути».

Разумеется, так оно и было; мы служили для удовлетворения сначала медицинских и физиологических нужд. Но эти тонкости мало значили, порядочная женщина все равно назвала бы нас шлюхами.

Но какое мне было дело до этих «порядочных»? Сорок три года я прожила практически порядочной и вышла на сегодняшний день с нулевым результатом. Остаток жизни стоило хотя бы попробовать провести непорядочной.

- Поздравления принимаю, - я улыбнулась я. – С меня торт или как?

- Как хочешь. Хотя работу прочувствуешь, только после сеанса.

Я была расслабленной и... почти счастливой. И даже не пошла в душ. Мне захотелось поддержать в себе следы происшедшего. Причем не только потому, что это доставляло какое-то странное удовольствие.

Мне вспомнились как я около года встречалась с одним женатым мужчиной, который был довольно приятным... - пока не исчез без предупреждения. Он доводил меня до такого экстаза, что после всего сил у меня оставалось лишь на то, чтобы закрыть за ним дверь и вернуться в постель, пренебрегая своей гигиеной. Когда утром я шла в душ, из меня текла прозрачная водичка с неприятным запахом. Все нужное организм впитывал за ночь, оставляя во мне пустой шлак.

И, возможно, доктор Шанин говорил не просто так, что работа здесь положительно скажется на моем женском здоровье.

Эти мысли блуждали в моей стриженной голове - а я, не отдавая себе отчета, села в развратнейшей из возможных поз. Одну ногу закинула на стол, вторую, уподобившись Кате – на подоконник. Мною командовало тело, которое говорило всем: вот, глядите, меня только что поимели согласно должностным обязанностям, я вся полна если не до краев, то уж точно до половины, и хочу, чтобы это видели.

В довершение к позе, я время от времени запускала в себя руку, доставала и рассматривала на свету. Пальцы оказывались влажными и скользкими - и пахли живым.

Катя смотрела на меня и беззлобно посмеивалась.

-...Ага! – приветствовала Ада, вываливаясь из душа. – По всему вижу, мадам Киськина, что вас наконец распечатали.

- Да кто его знает... - заводя неясную для себя игру, ответила я. – Сама не пойму.

- Сейчас разберемся.

Толстушка наклонилась ко мне, обдав приятным запахом недешевого геля и без стеснения залезла внутрь. Я не успела отпрянуть, как она с серьезным видом обнюхивала свой собственный палец.

- Сперма, - сообщила она через некоторое время. – Причем свежая.

Мы с Катей молчали, еле сдерживая смех. Ада исследовала меня еще раз, еще глубже.

- Теплая...

Она лизнула ноготь.

- Приятная на вкус - мужчина без вредных привычек. Молодой. И судя по всему... судя по всему... Нужна еще одна проба...

Как ни странно, мне было почти приятно, когда ее палец оказался во мне в третий раз.

- Судя по всему, блондин, - с серьезным видом заключила опытная коллега. – Достаточно аккуратный и почти нежный. Пиписька семнадцать сантиметров, в обхвате четыре или пять, изогнутая вверх и чуть влево, потому что всю жизнь носит в левой брючине...

- Откуда ты взяла, что именно блондин?! – неподдельно изумилась я.

- И какая у него пиписька, - добавила Катя.

- По запаху, вкусу и оттенку.

- Нет, серьезно, Ада!..

Катя украдкой подмигнула.

- ...Разве можно по сперме определить цвет волос?

- Это что-то новое в медицине! Я говорю как бывший медик.

- Это очень новое в медицине, – с непроницаемым видом подтвердила Ада.

Но тут же не выдержала:

- Особенно если учесть что нас со Стасюней пипирили в соседних боксах.

Мы хохотали, пока не начали икать от смеха. Потом принялись за кофе уже втроем: в чередке доноров настал перерыв.

-...И самое ужасное, девчонки, - призналась я, жуя печенье с шоколадной глазурью. – Что когда этот двадцатилетний блондинчик во мне молотил, меня посетила дикая фантазия...

Коллеги молчали, ожидая продолжения; позже я поняла, что откровения я нашей среде были привычными и неожиданными.

- Я думала, что это мой сын.

- Хм... - невнятно пробормотала Катя.

Ада хотела что-то вставить, но вопреки обыкновению сдержалась.

-...Что он пришел в темных очках, хотя был без всяких очков. Но я закрыла глаза и представила, что его не вижу, а лишь чувствую внутри себя. А сама я теперь наголо бритая и бледная, как кормовая свекла, и он меня не может узнать. И трахает родную мать без презерватива и готов в нее слить... И слил. И что из этого выйдет...

- Ну ты фантазерша, - одобрительно вздохнула Ада.

- А что... Фантазии не такие уж фантастические. Нет ничего невозможного в этом городе, - коллега пожала прямыми плечами. - Он только кажется большим. На самом деле мужчин раз в пять меньше, чем женщин. Способных на платный секс с кем попало и подходящих по параметрам еще меньше, и так далее. Меня, например, несколько раз осеменял сосед по подъезду. Именно в черных очках - прибежал тайком от жены, парню требовались неучтенные деньги. Но я с первых дней предусматривала такую возможность.

Она провела по своей голове, похожей на ежик.

- Здесь так удобнее, ты уже наверняка сама это поняла. А перед выходом я надеваю парик. И крашусь, как не знаю кто.

- И сосед тебя не узнал? - уточнила я, словно это было для меня важным.

- Ни единым намеком.

- Ну, а как он был? - плотоядно усмехнулась Ада. - Этот твой сосед?

- Сосед как сосед, - Катя скучно поморщилась. - Две руки, две ноги, одна голова, один пенис, два яйца и правое больше левого, как почти у всех... Ну то есть левое больше, если от него смотреть.

- А ты с ним кончала? - не унималась напарница.

- Даже не старалась. С ним это было невозможным. Он оттарабанивал пятнадцать минут, вцепившись мне в задницу, как в спасательный круг, сдавал презер и убегал, будто ему в скипидар окунули, без всякой разрядки. Боялся, что кто-нибудь как-нибудь где-нибудь тут узнает. Неуловимый Джо, его мать...

- А в самом деле донора могут узнать? - меня гнал жгучий интерес. - Если он не хочет и сам не скажет своего имени, как этот ваш Валерка?

- Ни фиги, - серьезно ответила Ада. - Тут конспирация - Гитлерюга отдыхает.

- Расскажи.

Мне было интересно все.

- Точные данные на всех знает один Шанин. Они у него в центральном компьютере. Каждый донор имеет кодовый номер, по которому работает.

- Только по номеру, - подтвердила Катя. - Без имен и без фамилий.

- Даже у Аксиньки одни номера. Мы тут числимся как бы при ЖК, она ведет учет по данным от Алексис, в конце месяца все передает в бухгалтерию, но тоже только по номерам. Ну не бухгалтер я, не знаю как там и что, но как-то все очень хитро.

- Без пол-литра не поймешь, - Катя кивнула. – С пол-литрой – тем более.

- Слушай, а как Саша их пускает? Они ведь в домофон ей что-то говорят. Она знает всех их в лицо? А как новенькие?

- Домофон с камерой стоит только для того, чтобы знать, что выпускаешь ровно одного человека, а не толпу. У доноров карточки с номерами. А в компьютере еще есть кодовое слово. Так Сашка и пускает.

- А откуда она знает, что этот номер не работал, к примеру, позавчера? Или это по-другому учтено?

- Учтено, но не у Алексаши. Ей и так работы полно, кондомы снимать-надевать да свои ноги сдвигать-раздвигать. Каждый сеанс записан в журнал и перенесен в компьютер. Вечером все разом к Аксинье. А у нее что-то вроде автоматического календаря. Если сегодня номер отработал, то на пять дней встает красная метка. Каждое утро перед началом работы у Санюши открывается календарь на день.

- Надо же...

- Объяснять долго, на самом деле все просто, - махнула рукой Катя. - Перед Сашкой номера на красном фоне – запрет, на зеленом – которые сегодня должны работать. И без фона те, которые могут прийти, потому что пропустили день.

- Я все это сразу выяснила, - Ада усмехнулась, с тоской глядя на печенье в моей руке. – Учительница же, хоть и бывшая. Привыкла везде совать свой длинный нос. Заглянула однажды к Алексис на монитор – никакого секрета, она в двух словах объяснила.

- Да, - сказала Катя. – Донор фигура глубоко законспирированная. Это мы у всех на виду, могут по внешности узнать. Как ни меняй ее туда-сюда. И вот тогда что будет...

- А что? - вырвалось у меня.

- Ничего хорошего, - Ада вздохнула с неожиданной для нее серьезностью. – Можешь себе представить, я - такая большая и толстая - живу с матерью. А она дракон ходячий. Из-за нее, ведьмы, прости меня господи, замуж не вышла. А вариантов было хоть отбавляй, я ведь не всегда была такой...

- Ты и сейчас *не такая*, – вставила я.

- Когда-то красивая была, как пиписька – самой теперь не верится. В общем, когда сюда ушла, наврала ей три короба, будто меня взяли на работу в РОНО... ну то есть в райотдел народного образования. Где не уроки по расписанию, а целый день от и до и даже после, потому что я к тому же начальница.

Катя присвистнула.

- Вы представляете?! – Ада, хлопнула себя по голым бокам. – Меня – начальницей в РОНО?! Ели бы она узнала, что я тут писькой машу...

- А если бы моя невестка узнала, - зло сказала Катя. – То обозвала бы проституткой и разными другими словами и заставила бы братца меня из дому выгнать. Нет на свете ничего хуже, чем родители, братья, сестры и

прочие родственники. Счастливой женщиной может быть только одинокая. Такие вот наши дела...

- Выходит, девчонки, среди нас я одна счастливая, - со смущением проговорила я. - Живу одна, ни на кого не оглядываюсь и на всех мне мягко говоря, плевать, даже если бы пошла в настоящие проститутки.

Катя промолчала.

- Ладно, хватит о грустном, - махнула рукой Ада. - Оно само нас найдет, нечего заранее... Я тебе, Стасёк, рассказывала, как етилась с собственным племянником?

- С племянником?

- Так это целая история, - усмехнулась Катя, размешивая нескончаемый кофе. - Адка, расскажи, мне это и в сотый раз интересно послушать.

- Да, то была эпопея, - кивнула Ада, устраиваясь поудобнее на своих двух стульях. - Это давно было, в самом начале, когда приемщиц работало двое - я да Татьяна. Вместо которой тебя, Настюня, приняли...

Я кивнула.

- Тут нужна предыстория. Племяннику тогда было девятнадцать лет. Он сын моей младшей сестры. Можно сказать, вырос у меня на руках. Я ему служила второй матерью, своих не имела, к тому же учительница, график неплотный, а сестра как раз бухгалтер. Жили мы тогда все вместе в большой квартире. В общем, я его выходила и вынянчила, разве что грудью не выкормила... Славный был парнишка. А потом мы разъехались. И сестра, змея гремучая - это я нормальная уродилась... - так сделала, чтобы ей отдельно, а меня с матерью оставить. В общем то да сё, в итоге разругались в хлам, как сейчас говорят. Последние лет не помню сколько даже по телефону не общаемся. Она только с матерью разговаривает - «мур-мур-мур, кис-кис-кис, мамочка лапочка», а меня вроде как не существует. Легко с нашей мамочкой мурлыкать, когда каждый день перед ней ее рожа не мелькает... Ну не в этом дело. В общем, племянника я тоже много лет не видела...

- ...Как и он тебя, - вставила Катя.

- Ну естественно. Я даже не знаю, как он тогда жил. Где-то учился, наверное. Не знаю уж как, но завербовался донором.

- И тебя отымел? - не выдержала я.

- Разумеется. Как и все.

- И вы друг друга не узнали? - уточнила я, примеряя все к собственной фантазии.

- Он маскировался по всем законам жанра. На голову чулок. А я вообще никогда ни к кому и не присматриваюсь.

- А что смотреть - все одинаковы, - жестко отрезала Катя, поведя головой в сторону лозунга над дверью. - Двадцатилетние хорьки, которые нас обрабатывают ради денег. А в качестве бонуса всегда просят Сашку.

- Именно, - Ада кивнула. - Что внешность - в мужчине мне интересна только пиписька.

- А он тебя? Ты же без чулка! Ты что - за это время так изменилась?

- Он лица моего вообще не видел. Я сеанс проводила на четвереньках. При моих окороках так удобнее. В общем, отдолбил пятнадцать минут, кончил, вынул, подошли к Алексис. Я стою полный ноль. Жду, когда он распишется, чтобы черкнуть и отдыхать. А он вдруг застопорился. Журнал стал читать – а что там прочитаешь, кроме номера? Тогда на меня взглянул. Быстро так, недоверчиво. Потом опять в журнал, как будто подпись мою можно разобрать.

- Бразилия, одно слово, – прокомментировала Катя.

- И карнавал с голыми сиськами... И тут меня вдруг пробило. Когда Алексаша к окну отошла, я говорю: *«Лёничик, это ты, что ли?»* А он отвечает – *«Нет, тетя Ада, это не я и вы, пожалуйста, маме не рассказывайте, что я вас тут... видел»*. Я ему: *«Хорошо, только и ты молчи. Никому-никому... А то дойдет до нее, или до бабули твоей и ты представляешь, что будет»*. *«Представляю»*, - говорит. В общем, двое в тылу врага. Саня вернулась, села данные переносить. На нас зыркнула, ничего не сказала. А мы так и стоим. Все трое...

- А третий кто? – не поняла я.

- Хрен в пальто! То есть у него! – довольная шуткой, захохотала Ада. - И он говорит тихо-тихо: *«Тетя Ада, вы такая вся сдобная, как булка... можно еще немножко вас... потрогать»*. И красный весь. Я отвечаю: *«Можно, Ленчик. Идем, ты мне сисю потрогаешь, я тебе писю поцелую»*. Беру его за руку, веду в бокс. В самый дальний. Хорошо, тогда уже разрядку ввели.

- Как «ввели»? – опять перебила я. – Разве разрядка была не всегда?

- Нет конечно. – Первые полгода мы работали без разврата. Чисто по-медицински, мензурками. А потом доктор заметил, что доноры долго не держатся. Шутка ли – молодому мужику пипириться один раз в пять дней. Вот тогда он и превратил нас в бесплатных лебедей. А то все развалилось.

- А когда я пришла, тут уже только свист стоял, - вставила Катя.

- Ну, короче, сели мы с ним на койку... А я чувствую, ему и хочется, и стесняется он, что тетку родную, которая вместо матери была, етить собрался. Ну я с него чулок сдернула, и тут уж завелась не по-детски от одной мысли, что вот это самое тельце, что меня отпипирило я когда-то на одной ладони носила... Давай его гладить да целовать, сиськи ему в руки вложила, сама в рот взяла. И до того мне сладко стало - я его обрабатываю, а он только пыхтит, как взрослый. Потом чувствую – освоился. Легла, раздвинулась сколько могла. А он сам тощенький, а пипирочка длинненькая. Хватило мой глобус обогнуть и войти на чуть-чуть. Как раз в то место, где у меня писька еще почти узкая. Я его зажала покрепче, сиськи у него отобрала и на плечи закинула...

- Как это «на плечи»? – не поняла я.

- А вот так...

Ада взяла одну из своих никогда не работавших молочных желез и потянула вверх, обнажая серовато-розовую темную изнанку.

- В общем, лег, ухватился как следует и давай меня пипирить... И тискает меня, и целует по-всякому... Наверное, етится ему кто-то походя давал, но до тела по-настоящему в первый раз допустили. На следующий день у меня вся шея в засосах, сиськи в синяках. Доктор увидел – послал на анализы, думал я с кем-то на стороне сорвалась. А всего-то навсего родной племянник отпипирил от души.

- Он с тобой испытал оргазм? – спросила Катя.

- Кончил три раза подряд почти без перерыва. И еще в рот перед этим. И еще в кондом сдал. Девятнадцать лет, сама посуди. Лежит, етит меня и шепчет – *«тетя Ада, на вас так хорошо, как будто на облаке лечу»*. Етит и кончает, етит и кончает...

- А ты? – продолжала уточнять Катя, хотя, конечно, все давно слышала.

- А как же? Но в тот раз не от того, что чувствовала уж очень нечто такое. Просто возбудилась от сознания, что меня пипирит племянник, считай названный сын. Зато потом...

- Так ты что – не один раз с племянником? – почти поразилась я.

- Скажешь тоже – *«один раз»!* – Ада усмехнулась. – Он был донором целый год и каждые шесть дней мы с ним етились. И как етились! Это была сказка, писанная сама понимаешь чем - но не пером. Он ходил сюда, как на праздник, и я его ждала, как подарок.

- Но послушай Ада... Если вам так понравилось, то разве обязательно это было делать именно здесь? У всех на виду и вообще?

- А представь себе – где еще? У него дома моя сестра - лахудра драная - у меня мать-извергиня. Кроме того, нам всем и мне в том числе пипириться на стороне запрещено, не забывай. Это серьезно. Если бы мы с Лёнчиком стали встречаться, ему бы пришлось из доноров уйти, потому что пяти дней уже не выдерживалось. Он бы жил свободно, и где гарантии, что помимо меня не етил бы какую-нибудь мокрощелку, у которой в письке весь набор кожвена? А мне хоть и хорошо было, но работу терять даже из-за него не хотелось. И потом не знаю, как бы у нас с ним получилось в обычной обстановке. Сюда он как бы на работу приходил. Тем более, что и на сеансы ему почти всегда Татьяну давали, это в самый первый раз я попалась.

- А почему так? – я решила выяснять все до конца.

- Так получилось. Сейчас мужик средний пошел, а в первый год все доноры такие подобрались, что с ними только я и могла работать. У Танюши писька была – мышинный глаз и не растягивалась, не знаю зачем ее Шанин взял. В общем, приходил Леня, сбрасывал в Татьяночку за деньги, а потом пипирил меня за удовольствие.

- И вам это позволялось?

- А почему нет? Мы тебе сто раз говорили: разряжаться можно сколько угодно и с кем угодно. Но я Танечке не говорила, что это мой племянник, у нее язык был, как метла. Вот Катрина когда появилась, ей уж я призналась. Невмоготу ведь с племянником етится, и не никому об этом похвастаться - ты меня понимаешь?

- Понимаю, - я кивнула, хотя не понимала потому, что племянников не имела.

- А вот я... - начала Катя

-...Катя – работать! – раздался из цеха Сашин голос.

- Работать так работать, – вставая, сказала коллега. – Я это все знаю, правда. А вот Настьке дорасскажи.

- Представь себе, какая я была в школе, - продолжала Ада, устраиваясь еще удобнее. – Во-первых, толще в два раза.

- В два?!.. – вырвалось у меня.

- Если не в три. Здесь физические упражнения с утра до вечера, а там целый день на стуле. Во-вторых красилась, как индеец. В третьих – кудри до плеч...

Я вспомнила первую мысль, пришедшую при виде Ады и поняла, что была права.

- Ладно, ты давай про племянника, – прервала я очередной поток воспоминаний. – Того и гляди, тебя тоже сорвут. А мне интересно.

- А, племянник... Так вот, потом он стал меня пипирить в попку.

- В попку?! – я перепросила машинально.

- Ну да. Какая ему разница – и там дырка и там. Сначала я ним раком етилась, как со всеми. Но ты ведь знаешь... - махнув рукой, Ада рассмеялась. – Хотя откуда тебе знать, просто еще раз скажу: у меня писька, как ведро. У входа узко, внутри трактор развернется и ничего не заденет. И ведь самый феномен, что я не рожавшая... В общем, я входом кончаю только так, а он ничего не чувствует. Тогда я говорю – *«Лёнчик, пора еще одно теткино место узнать»*. И оказалось, что самое лучшее с ним – именно в попку.

- А почему?

- Ну ты, насколько знаю, в этом не сильна. Не беда, научим. В анале самое неприятное - что?

- Что ?

- В попе есть такое коричневое колечко, которое ее замыкает. Катюня говорила, как называется, я не помню. И вот когда...

- Знаю, - перебила я. – Я не сильна, но не совсем уж невежественна. Меня один знаток еще в институте пытался научить – двадцать лет прошло, а до сих пор помню, хоть и была в стельку пьяная. Чуть концы не отдала. Думала, это я такая, что мне больно - а другим нет...

- Не такая, нет, - успокоила Ада. – Всем больно, когда колечко проходят. Особенно когда мужик не умеет в попку пипирить - старается как лучше, а выходит наоборот.

- А как надо правильно? – невольно вырвалось у меня. – Я не собираюсь, но...

- Ничего особенного. Просто когда в письку начинают, то надо вводить медленно, а в попку – наоборот. У каждого второго мужика, как ты знаешь, пиписька с утолщением посередине. И когда он ее медленно запихивает, то

можно именно концы отдать. Нужно очень быстро впихнуть до упора, а потом уже распикировать до нужной кондиции.

- До какой? – мне было интересно, раньше я не думала, что такая вещь, как совокупление в задний проход, имеет свои правила.

- Чтобы попка твоя расслабилась и колечко разошлось. Когда раскроется, там уже можно все что хочешь делать. Не то что пипиську – руку засунуть... а в мою, так и ногу. Ну ладно, я теорию тебе долго могу рассказывать... А с Лёнчиком у нас вообще легко прошло. Пиписюлька у него была, длинная, ровная. Зато елда - с кулак.

-...И ничего подобного, - вставила Катя, выходя из санузла. – Преувеличиваешь, Адка, как всегда и везде.

Влажная и благоуханная, она была даже по-своему красивой в свой мускулистой худобе.

- Будто я с ним не работала? Большая, конечно, головка, но уже не с кулак.

- В кондоме не так заметно. А в натуральном виде... Признаюсь, когда он ее мне пропихивал, звезды летели. Но зато потом!

Ада замолчала и мечтательно закрыла глаза.

- А потом он пиписил меня на весь размах. Вынет-вставит и яйцами по клитору – шлеп! Полметра туда и полметра сюда. Ощущения – обалдеть. Песня... Сказка... Как будто сначала просто изнутри массируют, потом в матку отдает. Бывало, пока Лёнчик сам доходит, я раза три кончить успевала.

- Попой? – серьезно спросила я. – А разве... Это можно?

Сама я считала анальный секс уступкой женщины перед извращенной похотью мужчины. Точно так же, как лет тридцать с лишним назад, воспитанная социалистическими родителями, полагала, что сам секс есть вынужденная мера, поскольку без удовлетворения гнусного мужского желания не сможет появиться ребенок.

- Ох, Стасюленька...- Ада вздохнула грустно, но без иронии. – Дитё ты еще, учить тебя и учить. Во-первых, задница близка к переднице и там все переплелось...

- Адка права, - сказала Катя, быстро вливая в себя кофе. – Иннервация женской промежности такая, что там переплелись нервные окончания и трудно отделить ощущения одного органа от другого.

-...А во-вторых, когда как следуешь распикиришься, то можно кончить мизинцем правой ноги...

- И это верно, - Катя обернулась уже из двери. - Эрогенные зоны есть и они действуют прежде всех, но когда мозг настроен на удовлетворение этой потребности, то чувство наслаждения может дать любой тактильный рецептор.

- Я, наверное, до этого просто не доросла, - вздохнула я.

- Не горюй, дорастешь.

- Дай бог, дорасту...

Мне было жутко слушать анальные откровения толстушки Ады – но я понимала, что разговор о них на нашей работе столь же естествен, как

обсуждения очередности асфальтировки дворовых территорий в моем прежнем ЖЭУ.

- Ну а что твой племянник?

- Племянник етил меня и етил. Знаешь, так хорошо, как с ним, мне не было ни с кем вообще. Я однажды взяла из дома вибратор...

- У тебя и вибратор есть?! – моему удивлению Адиным опытом не было границ.

- А как, по-твоему, я всю жизнь прожила вдвоем с мегерой матерью, не имея возможности привести мужика хоть на час? Вибратор у меня зашибенский, не какая-нибудь китайская соковыжималка, а настоящий немецкий, в свое время из-за границы привезли со страшным трудом, работает бесшумно. Да и вообще, как говорила наша школьная директриса – хороший вибратор лучше плохой пиписьки... Хотя, если честно, лично я плохой пиписьки в жизни не видела. Принести, попробуешь?

- Не надо, - отказалась я. – Не все так сразу на бедную девочку. Что там дальше у тебя было с племянником?

- А дальше племянник взял и исчез, будто и не было его. Не знаю уж, что с ним стало. То ли женили его, то ли из института отчислили и забрали в армию.

- И ты ему не звонила?

- А куда мне было звонить? Выдре сестре? Раз он сам меня не искал, значит, что-то изменилось...

Ада замолчала и безмятежно раскинула свои толстые ноги.

Рассказ был циничен донельзя; я никогда в жизни никому не поведала бы таких подробностей, которыми она запросто делилась с мной и, судя по всему, уже многократно с Катей. Моя белотелая коллега не просто работала тут, а жила сексом и была готова не только получать наслаждение, но сутками напролет о нем говорить.

И непонятно было, что в конце концов будет со мной.

Сделаюсь ли я почти злой, суховатой и видящей все насквозь, как Катя?

Или стану истинной сексуальной маньячкой вроде Ады?

Это было трудно сказать сейчас, когда я еще не пробовала настоящей работы. Но по крайней мере мне не казалось невероятным, что я дойду до удовлетворения на чужих глазах.

Подумав об этом, я вдруг поняла, что в нижней части живота у меня от всех разговоров скапливается тяжелое тепло.

А лицо мое, кажется, расплывается в глупой и блаженной улыбке.

-...Кайф ловите? – спросила Катя, вернувшись из цеха.

Сев на свое любимое место, закинув ногу на подоконник и посмотрев в наши лица.

- Вечер... То есть день воспоминаний. Все давно прошло, но как вспомню своего Лёнчика, так в трусах мокро.

- Особенно если учесть, что носишь ты их полчаса утром и полчаса вечером.

- И всю ночь, чтоб ты знала! Потому что не могу ночью пописать выйти, не наравшись на свою... мать!

- Послушай Ада, - я все еще думала о своем. – А вот тебе мысль о том, что тебя имеет не просто пацан, а родной племянник... Эта мысль тебе не мешала?

- Если честно... Вначале мешала. То есть в самом начале это вообще была игра. Титьку пощупать, пососать, и так далее. А потом я стала фантазировать.

- О чем?

- О том, что это не племянник, а мой ученик,

- Ученик?! – переспросила я. – Так ты с учениками в школе занималась сексом?

- К сожалению нет, - Ада просто покачала головой. – Но хотелось.

- Даже так! – утвердительно спросила Катя.

- А ты как думаешь? Мой предмет в одиннадцатом классе. У девчонок сиськи почти как у Алексюленьки, юбки писек не прикрывают. И вот такая стоит у доски – и пытается найти на карте Африки столицу Украины - а парни сидят и на нее лупятся. А школьные столы сейчас знаешь какие? Крышка и ножки, ничем нигде не прикрыты. И вот я смотрю на класс. Эта дура что-то плетет у меня за спиной и трусиками сверкает, а я вижу, как у парней джинсы лопаются. И у меня от этого у самой трусищи хоть выжимай... - не поверишь, я, Катрин, их тогда весь день носила - я на перемене со стула не встаю: боюсь, что платье насквозь промокло. Можете себе представить?

- С трудом, – призналась я.

- А я вот это все выносила. Сижу, смотрю как у какого-нибудь Антона инструмент в штанах разворачивается, а сама думаю – *«На кого ты, дурачок, смотришь. Остаться бы нам с тобой после уроков, я бы тебе такое показала, что ты бы на своих мокрощелок ровесниц и не взглянул. А потом...»*

-...Ада, работать!..

Сашин голосок, как всегда, прервал нас на самом интересном месте.

Впрочем, потоки воспоминаний нашей толстушки всегда был интересен во всех местах – несмотря на непрерывные поименования всех любимых мест мужских и женских тел.

- Да уж, - сказала Катя непонятно о чем. - История с географией и всем прочим

Посмотрела на меня, потом на белые ягодицы Ады, сверкнувшие в дверном проеме санузла, вздохнула и стала насыпать себе кофе.

10

- Урод! - с сердцем воскликнула Ада, искоса глядя на свой белый зад в зеркале. – Синяк будет сиять целую неделю.

- И ты еще сомневаешься, что все они козлы, - сказала Катя, рассматривая свое колено на подоконнике. – Несмотря на параметры их пиписек.

- Лучше бы живот тискал, - продолжала толстушка. – На нем один жир, следов не остается.

- Уроды - все, - Катя повернулась ко мне. – Ты, Настька, еще всерьез ничего не знаешь. И чем дольше не будешь знать, тем лучше для твоего здоровья.

- Катаржина, не пугай Асюню! Она от нас убежит, и что мы с тобой будем делать?

- Меня уже ничем не напугаешь, девчонки, - возразила я, невольно погладив себе низ голого живота. - Я сама кого угодно съем и даже костей не выплюну.

Коллеги обменялись взглядами.

Я победительно усмехнулась, но на душе у меня было, мягко говоря, не слишком победительно.

Мне казалось, что морально я готова к началу всего дальнейшего, я пыталась себя в этом убедить... но получалось плохо.

И когда – именно в этот день - настал момент, внутри у меня что-то сжалось.

- Анастасия, - отсутствующим голосом сказала начальница. – С сегодняшнего дня ты начинаешь работать. По общему графику.

Мои напарницы переглянулись еще раз.

- Мне... проспринцеваться? – я вскочила и засуетилась, не узнавая себя.

- Сейчас не надо, - Саша тряхнула черной челкой. - Я просто зашла предупредить. Перед сеансом, когда вызову. Если забудешь, коллеги напомнят.

- Напомнят, - подтвердила Ада. – Не беспокойся, Санёчек.

Я сидела, как на иголках.

Ведь я и ждала этого дня и боялась перемены в образе жизни, когда меня в любую минуту, три-четыре раза в день, будут вызывать в цех на... на работу. Я тряслась, как заячий хвост, и от кофе, заваренного Катей, мне стало еще хуже.

Но все-таки, как в приемной зубного врача, я ощутила невероятное облегчение, услышав Сашин голос:

- Анастасия, работать!

Я схватила спринцовку и пошла в душ.

- Подожди, я с тобой, помогу, - сказала Катя, сбрасывая длинную ногу с подоконника.

Набрать в резиновую грушу спецраствор из емкости, ввести, выдавить содержимое, потом напрячься и подождать, пока оно вытечет, затем обтереть ноги бумажным полотенцем... ничто из этого не составляло проблемы для любой женщины.

Но я страшно волновалась перед первым сеансом и была благодарна немногословной напарнице, которая не только помогла морально, но и направила спринцовку, которой я никак не могла попасть куда следует.

Вышла из душевой я скорее мертвая, чем живая.

- Удачи! – сказала Ада, напугав меня шлепком по заднице. – Отпипись ему пипирку!

Это отчасти вернуло меня к жизни.

- И помни о главном, - Катя протянула руку к полосе обоев над дверью.

Когда я подошла к столу, козла там еще не было.

- Моется, - коротко сказала Саша. – Процедура не на три секунды, три раствора по очереди. Иди сюда, я подготовлю тебя.

Я переступила ближе.

Девушка достала пластиковую бутылку с каким-то спреем, вынула из стеклянного цилиндра с наклейкой «Анастасия» наконечник, насадила и воткнула в меня. Что-то зашипело и я ощутила в себе холодок.

- Что это? – я невольно дернулась, хотя ожидала почти чего угодно.

- Интим-смазка, – ответила Саша. – Иначе с одного раза натрет тебе так, что неделю будешь «хером» ходить.

Я сомкнула ноги и ощутила между них какую-то маслянистость. И тут же вспомнила, что у моих напарниц после сеанса внутренние поверхности бедер блестели до самых колен...

Наконец появился донор. Невыразительный парень лет двадцати шел на прямых ногах, и предмет, для которого тщательно готовили мое нутро, покачивался из стороны в сторону.

Саша выдернула из коробки пару стерильных перчаток и занялась им. Я видела это близко в первый раз и потому смотрела, как дурочка.

Донор сразу убрал руки за спину. Саша ощупала его бегло, как музыкант флейту - выдавила, понюхала пальцы, удовлетворенно кивнула, достала презерватив.

В плоской упаковке голубого цвета, на которой был изображен голый, мускулистый и отвратительно гладкий мужик.

Саша вынула колечко, тщательно раскатала резину донизу, проверила мешочек для продукта, после чего бросила перчатки в урну.

Взглянув на часы, она взяла маркер и поставила время на моем животе – от щекотки я нервно пожалась. Потом повернула меня и повторила то же на заднице.

- Распишитесь! – сказала она. – Сначала донор - и в первый бокс.

Как я уже поняла, место для сеанса выработки каждая пара выбирала сама. Начальница же направила нас на кушетку, ближайшую к стойке ресепшн. Я не думала, что парень, пришедший на половой акт за деньги, сделает мне что-то нехорошее. Но забота о том, чтобы во время первого в жизни сеанса я оставалась поближе, тронула всерьез, и я ей благодарно улыбнулась Саше.

Девушка вспыхнула ответной улыбкой и вышла из-за стойки.

Подалась ко мне и губы ее быстро коснулись моих губ.

- Не бойся, Анастасия, – вполголоса проговорила она. – Не бойся... Настя! Все будет хорошо. Это не страшнее, чем...

Я шагнула вперед, уже почти ничего не видя от волнения, только сейчас осознала, что за все это время на «разрядку» меня вызывали только один раз, и поняла, что милая девушка оберегала меня от работы до последнего момента из всех возможностей.

Парень стоял около бокса; казалось, что он держит перед собой резиновую дубинку. Я присела на кушетку, не зная что делать. Но помня, сколь вежливым был тот единственный, который тут мною попользовался.

Этот манерами не отличался: молча опрокинул меня на спину, грубо воткнул орудие и навалился всей тяжестью. Посмотрел поверх моей головы на часы и заработал.

Ощущение первых секунд было шокирующим. То ли мешал этот синий, толстый даже на вид презерватив, то ли я была слишком взволнована, но мне казалось, что меня долбит неодушевленный предмет.

Я задержала дыхание, пытаюсь понять: много это, или мало – пятнадцать минут, которые мне предстояли.

Через некоторое время донор приподнялся, и я изумилась тому, как быстро пролетело это неприятное время. Но изумилась я зря и время никуда не торопилось: он просто оперся на руки и продолжал колотить меня на весу.

Мне показалось, прошла целая вечность тупого механического совокупления.

Очень быстро мне стало неудобно. Дело было не в том, что он меня натер – нет, смазки Саша не пожалела, сквозь прерывистое дыхание партнера и скрип кушетки я слышала, как во мне хлюпает. Да и дубинка его по всем параметрам не дотягивала до того, чтобы меня разодрать изнутри.

Просто мне было... как-то не так, как должно было быть, когда женщина бывает с мужчиной.

Я стиснула зубы и закрыла глаза, надеясь, что этот человек не автомат и орудие его вот-вот потеряет свою жесткость. Но донор свое дело знал очень хорошо и чужеродный предмет оставался твердым.

Наконец я почувствовала настоящую боль. Я перестала ориентироваться в этом проклятом времени. Я родилась на этой разбитой кушетке с этим жестоким колом внутри. И я знала, что умру насаженная на этот кол и меня похоронят, с него не снимая...

Но вдруг донор упал на меня и яростно стиснул мне груди – обе сразу, до потемнения в глазах. А нижняя часть моя перестала существовать и казалось, что я уже никогда больше не смогу даже сидеть.

Удары изнутри сделались частыми и пошли все быстрее.

Я ничего не заметила – донор что-то пробормотал и очень осторожно, как изделие из драгоценного хрусталя, вытащил свой инструмент. Теперь он не казался дубиной, а напоминал ацетиленовый баллон, стоявший в мастерской нашего ЖЭУ. Правда, покрытый плотной пеной, он был не синим, а не пойми каким.

Я закрыла глаза, не ощущая в себе сил встать и пойти к ресепшн.

-...Настя...

Не сразу поняв, где нахожусь, который час и что произошло, я села на кушетке, подтянула к себе ноги и обхватила руками колени. Как ни странно, сидеть я могла и мне не было больно, только внутри все тряслось. Хотя ничего особенного я не пережила, в молодые годы со мной случалось и не такое...

-...Настя, распишись, пожалуйста!

Надо мной склонилась начальница с журналом в руке. Из-под татуировки, синевшей у точки схождения ее ног, на пол капала мутная жидкость. За время моей прострации донор успел разрядиться у стойки.

- Саша...

Я спустила ноги на пол. Лак на ногтях казался неуместным в ситуации, когда меня использовали как резиновое влагалище.

-...Зачем ты... Я сама собиралась к тебе подойти.

- Сиди-сиди, Настя!

Девушка ласково тронула мое плечо.

-...Я что – не понимаю? Сдача не разрядка. Прости меня, но Шанин дал указание тебя работать, и все такое...

- Все нормально, Саша! – я потянулась к начальнице и спрятала лицо у нее на груди. – Первый и есть первый, дальше будет легко.

- Тебя в бытовку проводить? Первый и есть первый, это точно. Вообще можешь идти домой – доктор велел, чтобы тебя сегодня использовали только один раз. У Татьяночки после первого раза нагрянул гость из Красной Армии, хотя она ждала его только через неделю. И гостил десять дней.

- У Татьяны?.. - я не сразу поняла смысл выражения. – Которая была до меня?

- Ну да. Иди домой. С тебя на сегодня хватит.

- Нет, Саша, домой не пойду.

Я поднялась, с неожиданным сожалением отрываясь от надежного тела девушки.

- Я сюда пришла работать, а не на пять минут забежала.

- Ладно, как знаешь. Иди отдыхай и набирайся сил на завтра.

Вздохнув, я пошла вон из бокса.

Дорога до комнаты отдыха показалась бесконечной.

Привычный запах крепкого кофе показался мне надежным, как никогда.

-...Как у ослов... - авторитетно заявила Ада. – В точности, как у ослов, только тоньше

- А ты что – и с ослами пробовала?..

- Нет, конечно. Но...

Я упала на кушетку и раскинула ноги так широко, как могла - не думая о том, на кого похожа со стороны. Казалось, во мне еще сидела жесткая резиновая болванка, и хотелось вывернуться наизнанку, чтобы она выскочила.

- Отработала? – спросила Катя, обрывая разговор.

Я молча кивнула. У меня не было сил говорить.

- Поздравляю, - коллега грустно усмехнулась. – С твоей помощью население перенаселенного земного шара увеличится еще на одну пустую голову.

Я продолжала молчать.

- Сейчас намочу ватный диск, сотру тебе время с пуза.

- Время?.. – я не сразу поняла, о чем идет речь. - А, время... Какое там время... А спирту я бы сейчас внутрь приняла...

- Что там у тебя?

Я машинально сомкнула бедра: это мое место во взрослом возрасте не рассматривала ни одна женщина, все гинекологи были мужчинами. И тут же расслабилась, поняв, что это смешно - и пожала плечами, не будучи в состоянии понять сама, что именно у меня там.

Катя наклонилась и я почувствовала, как ко мне прикасаются ее крепкие прохладные пальцы.

- Не натерто, нет. Санька тебя обработала на совесть... Хотя она всех всегда обрабатывает как следует. Где болит?

- Везде, если честно, - ответила я. - А... что там у ослов?

- Не у ослов, а у негров, - Катя криво усмехнулась. – Наш пиписечный теоретик читает лекцию про негритянские пенисы и утверждает, что они особенные.

- Именно, - подтвердила Ада. – У всех мусульман пиписьки слишком длинные и поэтому никогда по-настоящему не встают. Пипирит гибкой, мягкой кончает. Я, правда, никогда не пробовала, но читала много где.

- Ну, во-первых, не все негры мусульмане и не все мусульмане - негры, - возразила я, невольно включаясь в дискуссию. – Во-вторых, мусульманин у меня был. Не негр, вполне обычный турок. Пиписька у него ничем особенным не отличалась – так себе, пиписька как пиписька. Ну, было, конечно, нечто именно мусульманское - но скажу тебе, ничего приятного я от того не почувствовала. А в-третьих, про негритянские недовстающие пиписьки я тоже читала. И честно говоря, предпочла бы, чтобы меня сегодня меня оттрахали трое негров, а не один белый урод...

- Да уж, я тебя понимаю, - Ада сочувственно кивнула. - Тебе на первый сеанс попало электрическое буратино.

- А какая разница: к нему – не к нему? – поморщилась Катя. – Все одинаковы. Хоть первый, хоть последний.

И шагнула к столу.

- Чай, кофе, потанцуем?

- Или так поваляемся... - через силу выдавила я окончание старой присказки.

И в очередной раз прочитала великое изречение над воротами цеха.

- Ожила! – радостно захохотала Ада. – Ожила наша девочка!

- Которая наконец-то не девочка.

- И будет жить, - подтвердила Катя, насыпая гранулы кофе. – Если осталась жива сейчас, то будет жить и дальше, это я как бывший врач говорю.

- А я как бывший учитель добавлю: еще и научится всему. С любым придурком ее писька будет кончать вперед пиписьки.

- Ну уж и кончать... - пробормотала я. – Мне кажется, я теперь вообще ни с кем и никогда.

- Знаешь, - призналась Катя, подавая мне чашку. - Когда со мной в первый раз отработали сеанс, было ощущение, будто меня отымели железным прутом, вставленным в шланг. Я потом полчаса лежала, как ты, засовывала в себя палец и мне чудилось, что из меня несет вонючей резиной.

- Немудрено, - серьезно подтвердила Ада. – Стася, ты же видела, какие тут используют презервативы?

- Какие-то синие. И почему-то с голым мужиком.

- Вот именно. «Голубая луна». Для педерастов.

- А почему для педерастов?! – я даже привстала, капнула кофе себе на живот и ничего не почувствовала в продолжающейся горячке. – Разве мы...

- Потому что обычные смазаны спермицидом и для наших целей не годятся, - пояснила Катя. - А голубым беременность не грозит, для них ни чем не обрабатывают

- И вовсе не поэтому, - возразила Ада. – Для анального секса прочнее и толще. Их дают, чтобы донор не кончил раньше времени. И не порвал в случае чего.

- Но если я ощущаю только чужеродное тело, то что чувствует в таком он сам?

- Не забывай, коллега, - Катя грустно поморщилась. – Он нас на двадцать лет моложе. И чувствительность у него совсем иная.

- Но все равно... - я почувствовала, как у меня начинает болеть все тело. – Мне показалось, ему было не так легко.

- У них тоже система. Пятнадцать минут работает на автомате. А когда приходит время, резко возбуждается, вызывая оргазм. Вот тогда он тебе может и молочные железы оторвать и все прочее.

- Сама знаешь: взрослый мужик если не спустит, когда пиписька скомандует, может так перепипириться, что все намертво опадет, - добавила Ада. – Молодому удастся выдержать, но и ему нужен последний толчок.

- Да, - вздохнула я. – Толчок, о котором завтра напомнят синяки на некоторых местах.

- К этому придется привыкнуть, - Ада вздохнула. – У каждого свой прием. Ты видела мою попу. Некоторые ляжки щиплют. Про сиськи я уж молчу.

- Иные за колени хватаются, другие за лобок. Будто если он тебе клитор потрет, то сам скорее эякулирует. Насчет молочных желез Адка права – это самое любимое их место. Мне соски скоро оторвут, пришивать придется.

- А есть такие, что палец тебе в задницу засовывают. Так что ничему не удивляйся... Привыкай терпеть.

- Да уж не удивляюсь, - я вздохнула. – Странно. Когда меня тот белобрысенький взял на разрядку, я решила, что все уже ясно. Но только сегодня поняла, что то был... просто перепих. А работа есть работа.

- Это да. Но зато во время перепиха он спешит и думает только о себе, ты фиг кончишь, - возразила Ада. – А во время сеанса за пятнадцать минут легко.

- Вот теперь мне в это совсем не верится, - сказала я. – Как можно при таком машинном акте...

- Ну как...- толстушка посмотрела в потолок. – Трудно объяснить. Вот мне при моей массе удастся заставить мужика занять такое положение, чтобы был правильный угол и все прочее. Иногда, бывает, сама себя пальчиком догонишь в последний момент. Но главное – привычка и желание. И чем больше привыкаешь и желаешь, тем чаще получаешь.

- Я работаю в основном фантазиями, - сказала Катя. - У меня так ловко, как у Адки, не выходит. Раз в день и то не всегда. Хотя есть другие способы...

- А какие? – я изумилась, поняв бездонность глубин непознанного.

Катя пожала плечами, явно не желая рассказывать о себе чего-то лишнего.

- Но ты, Асюня, не переживай, - сменила тему Ада. – Тебя тут никто всерьез не обидит. Максимум наставят синяков, это можно пережить. Не смотри, что тут одни бабы, а единственный мужик за полкилометра. У Санюшки под столом дубинка-парализатор.

- В самом деле? – я почти не удивилась. – Надо же, вот зачем она меня на первый сеанс к себе поближе определила.

- Да. С лошадиную пипиську и силой в тысячу ампер.

- Вольт, - машинально поправила я. – Если Ампер – от него одна головешка останется.

- Вольт-ампер, один хер, - отмахнулась толстушка. – Какая разница, не меня же ей будут етить! Одно скажу: Алексис врежет – мало не покажется.

- Это только с виду ей все нипочем, - подтвердила Катя. - На самом деле Сашка все держит в поле зрения.

- Я это уже поняла, - кивнула я.

- А вот теперь ты отдышалась и ступай в душ, - учительским тоном сказала Ада. – Сними отрицательную энергию. После первого раза это сильно помогает.

- Точно, - кивнула Катя.

И зачем-то поднялась вслед за мной - видимо тоже решила освежиться, хотя работы сейчас не было.

Но когда я вошла в кабину, где были развешаны мочалки, а на полке стояли гели и не нужные при наших волосах шампуни, Катя взяла мягкую губку и предложила:

- Вставай под воду, я тебя помою.

Я не помнила, когда меня в последний раз кто-то мыл и зачем это делал, но сейчас поняла, что рада чьему-то живому участию в моем ноющем теле.

Поэтому я спокойно подставила напарнице спину, которая – я знала! – до сих пор отличалась и гладкостью и плавностью линий.

Катя обрабатывала меня медленно и тщательно. Дойдя до поясницы, она спустилась ниже и без всякой на то нужды помыла мне то место, которое я сегодня не использовала и вообще использовать не собиралась. Это было странно, но... приятно.

- Поворачивайся, - сказала она, огладив мои бедра.

Я послушно развернулась.

Коллега налила геля в ладонь и положила руку туда, где у Саши имелась татуировка, а у меня по указанию доктора Шанина не осталось единого волоска.

Я невольно вздрогнула.

В этом прикосновении, неестественном по своей сути, для была какая-то жгучая новизна. Я не отдернулась, не оттолкнула Катиных пальцев – хотя как нормальная женщина должна была сделать мгновенно. Но...

Сейчас мы были вдвоем в уютной закрытой душевой, где тихо шумела вода, теплые струи мягко катились по голове и падали мне на плечи, расслабляя и успокаивая.

Катя не торопилась убрать руку: спокойно держала ее в решающей части моего живота и молча глядела мне в глаза.

А я вдруг попыталась разобраться в своих эмоциях: к Кате меня не тянуло, но и от нее не отталкивало.

Разобраться я так не успела: дверь распахнулась и в проходе возникло белое тело Ады.

- Воркуете тут, ничего не слышите, - без насмешки сказала она. – А тебя, Катюшенька, на работу.

- На работу, так на работу, – пожала смуглыми плечами напарница.

Ничем не выразив отношения, не проявив смущения от того, в каком положении нас застала Ада.

Убрала руку и пошла в соседнюю кабину, где стояли банки с раствором и контейнеры с нашими личными спринцовками.

11

Первый рабочий сеанс в самом деле показался мне чем-то из ряда вон выходящим.

Но подруги-напарницы говорили правильно.

Ко всему на свете можно было привыкнуть, обладая правильным взглядом на вещи.

К этой работе следовало относиться не как к каторге, которую приходится терпеть, считая каждую минуту, а пытаться уловить реакцию своего тела и найти способ получить удовольствие.

Сначала мудрый доктор приказал не бросать меня в омут.

Но уже на следующий день я работала в общем графике.

И сама не заметила, как наравне со всеми стала обслуживать по трех доноров за день и проводила еще пару актов разрядки.

Очень скоро я полностью прочувствовала обстановку донорского отдела.

Она распадалась на две части.

Первая была рабочей: подразумевала строгое промывание, перчатки на Сашиных руках, регистрацию захода и время отмеченное на частях тела... и сам половой акт как нечто совершенно бесполое.

Но почти всегда оказывалось, что когда я работаю, в одном из соседних боксов донор просто имеет кого-то из женщин. Аду, Катю или вызванную из приемной Оксану. А чаще всего – Сашу. Не в боксе, а с журналом в руках, опрокинутую на стойку ресепшн. И это уже напоминало просто бесплатное развлечение для ненасытных мужчин.

Чем по сути эта самая «разрядка» и являлось.

Как-то раз, сидя за кофе вдвоем со смуглой напарницей, я решила узнать, что думают по этому поводу другие люди.

- Слушай, Катя, скажи мне как врач... - начала я.

- Как бывший врач, - криво усмехнулась Катя, сломав пополам песочную печенинку. – И нынешняя медицинская проститутка.

- Ну пусть как бывший, - согласилась я. – Но скажи. В нашей работе вообще есть какой-то реальный смысл? Во всем этом обеззараживании, потрахе обязательно с женщиной в презервативе для педерастов? В сравнении с тем простым способом, что принят в обычных пунктах донорства спермы?

- Ты знаешь, Настька... - она пожала плечами. – На это трудно ответить. Именно как врач могу сказать, что сами сперматозоиды ужасно живучи. В медицине зафиксированы случаи, когда они проникали в матку с трусов, на которые партнер уронил каплю семени - и женщина беременела. Но бывает наоборот - ничего не получается даже при регулярной половой жизни. Николай Николаевич часто говорит одно и то же: человек заканчивает период своего существования как биологического вида. Вымирает, как бамбуковый медведь. Нас приговорила природа и первый удар нанесла по репродуктивной функции, то есть затруднила размножение. И тут что ни делай, но если она решила, что нам пришел срок – ничего не изменишь.

- Так значит, вот это, - я махнула рукой в сторону цеха, где из бокса на нас слепо смотрели глаза Ады, содрогавшейся на четвереньках под ударами тощего мужика. – Все это - зря ?

- Ну... - Катя отпила глоток. - Думаю, что если бы все было совсем зря, то этого ничего бы и не было. Все-таки тут вложены деньги - чего стоят одни ремонты и системы безопасности. Да и получаем мы неплохо. Думаю,

показатель беременности тут на самом деле выше, чем в обычных пунктах искусственного осеменения. Хотя, если честно, и это ни о чем не говорит. Все просто на бумаге и в научных статьях, которые каждый пишет в свою пользу. На самом деле все оказывается проще и не требует ни профессора Ивановского, ни доцента Петровского, ни даже ассистента Сидорова. Может быть, в нашем отделе лучше готовят сперму. Или правильное ее вводят. Или точнее определяют срок овуляции у реципиенток...

Катя опять замолчала и потянулась за печеньем.

-...А может быть, конечно, что этот ученый дурак – а все врачи и есть ученые дураки, уж поверь мне! – который носит с идеей получения спермы коитусом, а не мастурбацией, в чем-то прав. И какие-то проценты выше, и на общей картине мы даем результат.

- Значит, все это в самом деле не зря. Только...

- Только тебя коробит, что после того, как ты отработала научно обоснованной приемщицей, тебя тут же используют как простую б***ь для удовлетворения, так ?

- Ну... пожалуй именно так.

- Я тоже сначала воспринимала именно так. Но потом подумала и поняла, что для них нет другого выхода. Адка ведь рассказывала, она тут с самого основания: вначале были только сеансы сдачи семени. И доноры держались пару недель, не больше. Но уже тогда и генетический анализ, и этот чудовищный медпрофиль оплачивался фирмой. Получались большие расходы, которые наполовину шли впустую. Вот и пришлось привязать доноров, причем Шанин догадался сделать это самым простым способом.

- Да уж... - я вздохнула. – Ада бы сказала - лучшего способа, чем пиписькой к письке, и не придумаешь.

- Конечно, с человеческой точки зрения разумнее было бы нанять пару молодых девиц с генитальным изобилием, уже собиравшихся стать проститутками, и создать отдел разрядки, - продолжала напарница, которая, как видно, размышляла над той темой всерьез. - Но сама понимаешь, это из области фантастики. Мало того, что нужны дополнительные средства, но держать бордель в медучреждении никто не позволит. А так... Мы тут целый день, в официальном штате и с приглядными должностями, нам приплачивают по чуть-чуть. Работаем и работаем.

Я вздохнула еще раз.

-...Я тебе уже сказала!!!..

Мы переглянулись.

Наша милая начальница даже по телефону всегда говорила тихо и спокойно. Хотя в ее простых словах неизменно ощущалась такая скрытая сила, что мне порой становилось страшновато.

А сейчас Сашин голос взвился из цеха так, что в углах нашей комнаты отозвалось эхо.

-...Сто раз все пересчитано!..

- Опять Оксанке шлея под хвост попала, - вздохнула Катя. – И так каждый месяц.

- А что там? - невольно спросила я. – Зовет трахаться, а та не хочет?

- Да нет. Трахаться ее звать не надо, вперед всех прискачет. Сегодня вообще незачем – мы в норме, козлов не переизбыток.

-...Тебе журналы принести?!..

Саша крикнула почти отчаянно и тут же сбавила тон, заговорила тихо и невнятно.

- Рабочий процесс, - сказала Катя. – Во всем есть свои проблемы.

- Да уж, проблемы, - согласилась я.

- А твоя проблема, милая Настюшка - в том, что ты еще не научилась испытывать с ними оргазм. Научишься, и сразу работа покажется иной.

- Что-то мне не верится, что я научусь, как Ада...

- На Адку не вообще смотри, – оборвала Катя. – Не сравнивай себя с ней и ей не завидуй. У нее особый склад. Гиперсексуальность плюс способность к повторяющемуся оргазму. Родись в прежние времена, Адка стала бы первой куртизанкой с очередью из величайших умов Европы. И для нее наша работа просто рай.

- Да уж... Но ведь ты тоже умеешь, разве нет?

- Умею, да. Но не скажу, что это так просто. Я тоже долго шла. И сейчас не всегда легко. Честно тебе признаюсь... только между нами, ладно? Ведь все такие штуки тут запрещены!

- Могила! – сказала я, прижав ладонь к груди.

- Так вот... Иногда я целый день шаг за шагом возбуждаю сама себя, чтобы быть готовой. Иду с одним, с другим, с третьим, на работу и на разрядку – каждый раз уже почти дохожу, но чего-то недостает. Тогда в конце концов я тихонько глотаю разовую таблетку...

- «Экстази»?! – я с восхищением выпалила единственное известное название.

- Нет, не наркотик, до них я еще не дошла. Что-то вроде «*Виагры*», но для женщин... Я тебе принесу упаковку, тут в жакете россыпью храню, как бы от головы. Все такое запрещено потому что в этом самом экстазе можно сеанс запороть, но я себя сдерживаю...

Катя улыбнулась в забеленное окно.

- Время действия примерно рассчитываю – и потом выстреливаю сама в себя, как вагинальный автомат. А иногда...

Что – «иногда»? – хотела переспросить я.

Но вспомнила, в какой позиции застала нас Ада в душе, когда Катя нежно мыла меня после первого сеанса. И подумала, что лучше не выяснять того, о чем и сама уже начала догадываться.

И мы продолжали молча пить кофе, думая каждая о чем-то своем.

-...А вот и я! – как всегда потная и счастливая, Ада плюхнулась на два стула.

- Кончила? - спросила я .

- Как обычно, - просто ответила она. – Вода в чайнике горячая?

- Как обычно, - я засмеялась; мне почему-то стало радостно за нашу толстую подругу, хотя к себе я еще не сумела примерить ее состояние.

- А мы тут с Настькой обсуждаем серьезную проблему, - сказала Катя. – Как ей выйти не на твой, но хотя бы на мой уровень.

Вопреки моему ожиданию, Ада не улыбнулась, а заговорила совершенно серьезно:

- Да, Ася. Это в самом деле очень важный вопрос. Пока не научишься кончать хотя раз в день, как Катрина, тебе эта работа будет казаться занятием старой шлюхи.

Над головой коллеги Катя послала мне дружескую улыбку.

- На меня посмотри – песня! Сказка! А почему? Потому что при каждом пипире я имею ощущения и положительные эмоции. Но мы разные, у каждой из нас все устроено по-своему. Ты должна просто приспособиться к своему организму. Точнее, приспособить условия своей работы под него. Чтобы не тебя кто-то пипирил, а ты кого-то и получала от того удовольствие.

- Я пытаюсь, но... - честно призналась я. – Сегодня на разрядке один мне так задницу стиснул... Я даже подумала, что если подольше так потрахует, то я смогу от всего отвлечься, расслабиться и кончить. Но не успела.

- Ну, на разрядку ты даже не надейся, - Ада махнула рукой.

- Это да, – кивнула Катя. – Мне за все время раза два удалось. И то... как бы случайно.

При последних словах я вспомнила ее признания насчет таблетки.

- Ты вспомни среднего мужчину, - продолжала Ада. - Не любовника, который к тебе хорошо относился, а случайного мужика, которого случайно удалось затащить к себе в постель. Или которому случайно поддалась – так еще точнее. Наверняка у тебя такие бывали?

- Бывали и еще как! – я невесело усмехнулась. - Если честно, после замужества у меня возник страх перед любой долгой привязанностью вообще - случайными и перебивалась. Странно, как еще ничего не подцепила.

- Ну так вот, - Катя удовлетворенно кивнула. – О ком думает случайный партнер, забив по случаю в тебя немытый пенис по небритый скротум - о тебе или о себе ?

- О себе, ясное дело. Насчет козлов точно написано. Не на обоине надо, а золотом по мрамору...

-...Скиньтесь с квартальной и закажите! – вставила Ада, явно не присоединяясь к мнению о козлиности мужского племени в целом.

-...Вот видишь, ты все понимаешь, - не сбиваясь с мысли, продолжала Катя. - А когда мужик думает только о себе, он всегда торопится и ты не успеваешь разогнаться – это элементарно.

- Наша Каша говорит правильные вещи, - Ада кивнула. – С этим полностью согласна, а я это дело знаю, как никто. На разрядке они спешат, да еще вертят тебя так и сяк, как алюминиевую табуретку. Даже мне бывает трудно поймать момент истины.

- То есть, девчонки, я вас правильно поняла? Надо научиться кончать на сеансе?

- В общем да. Там все условия. Прежде всего, время и постоянная поза, потому что ни один донор не будет тебя вертеть, ему нужно просто продержаться и не спустить.

- И еще резинка, - напомнила я.

- Резинка – это верно, - вздохнула Катя. – Вот если бы ее не было, то и вообще не было проблем. Но ты подумай и вспомни – как именно ты испытываешь свой привычный оргазм?

- Именно что вспомни этот самый привычный, - я усмехнулась. – От которого я уже и не помню когда отвыкла.

- Но ведь когда-то привыкла?

Ада посмотрела мне на живот, и я непроизвольно сдвинула бедра.

- Как ты кончала раньше?

- Ну... - я почувствовала, что краснею от расспросов о своей прежней интимной жизни, которая не имела ничего общего с нынешней жизнью производственной. - Как обычно.

- Что значит – «как обычно»? Объясни. И не журишь, подруга – мы не от нечего делать тебя спрашиваем. Хотим помочь, ведь все-таки мы тут подольше, чем ты. И звёздами своими успели по-всякому поработать.

- Вот именно, - Катя передвинула ногу на подоконнике и промокнула себя салфеткой. – Мы тебе желаем только добра. Расскажи точно, как это у тебя происходило.

- Да нечего рассказывать. Как у всех. Мне надо, чтобы во мне был член. Не обязательно толстый, но был. И чтобы мне давили на клитор. Ну не давили, а просто касались.

- Это нормально, - авторитетно сказала Ада. – У меня то же самое один в один.

- Чувство наполненности влагалища большинству из нас нужно даже при мастурбации, - подтвердила Катя. – А воздействие на вершину больших губ можно легко получить, придав своему тазу нужное положение. Это все решается.

- И еще я люблю, чтобы мне сначала как следует наласкали грудь...

Вспомнив себя прежнюю, я вспыхнула пламенем и отвернулась в угол, чтобы не видеть лица своих коллег. Но продолжала, потому что уже не могла остановиться:

- Но не просто сосали и не кусали сосок, а по спирали...

- Это как – «по спирали»? – Ада приподнялась на стульях. – Даже я такого не знаю, поясни.

- Да так... Чтобы меня просто трогали языком по груди около соска по кругу и все ближе к нему.

- А что, это так приятно? – спросила Катя.

- Не то слово, - честно сказала я. – Когда так немножко языком поделают, у меня вся грудь сам по себе поднимается... вслед за ним... И вот когда я уже вся изныла и чуть сознания не лишилась, и в этот момент хватают губами за сосок... Я улетаю, и если меня начать трахать, то я не кончу уже сама не замечу как.

- Н-да, подруга... - Ада мечтательно посмотрела в потолок. – Ты у нас, Стасюня, оказывается, гурманша... Сисек по спирали ты тут вряд ли от кого дождешься, придется как-то иначе приспособливаться.

- Да и вообще все мужики – не просто козлы, а скоты и сволочи, - подытожила Катя. - И чем дольше тут работаю, тем сильнее в том убеждаюсь. Хотя и ощущаю необходимость совокупления.

- И кончить хоть иногда, - вставила Ада.

-...И во время разрядки получить внутрь сперму, что для организма в тысячу раз важнее ста оргазмов подряд. С паршивого мужика хоть три кубика семени.

- ...Девчонки!

Неузнаваемо скромная в белом халате, Саша стояла на пороге нашей комнаты, зажав подмышкой кипу бумаг.

- Я к Оксане. Если кто придет – ответьте, чтобы минутку подождал!

- Не вопрос, - сказала Катя.

И встала, чтобы насыпать Аде кофе.

12

-...Денис-онанис-упал-жопой-вниз!

Ада ввалилась в комнату отдыха и сразу шагнула к санузлу, хотя после сеансов всегда падала на стулья и некоторое время нежилась, расслабленная последствием.

- Держись, подруга, - она смотрела только на меня. – Лиха ты еще не знала. Так вот теперь узнаешь.

- Почему именно Настька? – Катя поморщилась. – Этот урод заказал на разрядку ее?

- Да. Именно Стасю. Он ее вроде как до сих пор не пипирил, - напарница вздохнула. - Не пипирил ведь еще?

- Нет. А что этот Денис? Я про него от вас еще не слышала.

- Немного потеряла, - отрезала Ада и скрылась в душе.

- Настька, мой тебе совет, - сказала Катя, насыпая нам обеим кофе. – Наври Сашке, что у тебя неожиданно начался менстр.

- Думаешь? – я пожала плечами. – Ну ладно, я откажусь, так тебе придется идти.

- Я не Адка и он то прекрасно знает!

Подруга разлила кипяток. Руки ее незнакомо дрожали.

- Я этого дЭниса оставлю без пениса. С корнем вырву и в анус вставлю. Потом скажу, так и было.

Я встревожено посмотрела в цех.

- А ты девочка нежная и мне тебя жалко.

- Но я...

-...Настя... - голос Саши прозвучал виновато. – Извини, но...

- Я тебя предупредила и предлагаю в последний раз! – Катя сверкнула глазами. – Откажись.

Не отвечая, я махнула рукой и пошла в бокс.

Зашла в бокс и легла на кушетку: Аду отделявали на четвереньках, а девять из десяти при разрядке желали сменить позу.

Когда претендент подошел к мне, я бросила на него взгляд.

С самым первым, кто мной наслаждался, мне несказанно повезло: он оказался вежливым, аккуратным и даже почти нежным. Другие таким подходом не отличались, но все-таки на разрядке пытались установить хоть какой-то контакт парой предварительных слов или жестов.

Этот же без слов схватил меня за плечи, ткнул на кушетку и сунул мне под нос свой рабочий орган:

- Дрочи.

- Чем?... - глупо спросила я.

- Жопой, - бросил он и схватил меня за соски.

Не просто схватил – принялся выкручивать так, будто хотел отвернуть их и привинтить по-новому.

Сказать, что мне стало больно – было ничего не сказать... Боль пронзила все мое тело, у меня потемнело в глазах. Я знала, что уже к вечеру на мне появятся синяки – но прежде чем увидеть их в зеркале, мне требовалось пережить несколько минут на этой кушетке.

Рука моя онемела от работы, я ничего не ощущала.

Не знаю, сколько времени прошло так, когда жесткие руки донора схватили мой затылок и притянули мою голову к своему животу.

Никогда в жизни со мной не обращались так грубо.

Я закрыла глаза, пытаюсь отключиться от происходящего; я знала, что попытка не продлится вечно, но время остановилось... точнее пошло назад.

Грудь уже ничего не чувствовала, когда меня пронзила новая боль; никогда еще в жизни не испытанная; я поняла, что мне сейчас порвут горло. Спасения не было и мне уже стало все равно.

-...Чувак, не увлекайся!..

Сашин голос донесся из другого мира.

Чужеродный предмет проник в меня так, что голова моя следующую секунду должна была треснуть пополам...

-Ты понял меня, или нет?

Я открыла глаза.

Из-за громады донора выросла фигура Саши. Левая рука ее была спрятана за спину, правая сжимала его плечо.

Тот уже хрипел и содрогался – я уже почти захлебнулась и снова закрыла глаза. И вдруг ощутила облегчение.

- Понял или нет?!

Донор что-то промычал, не отпуская моей груди. Сашины тонкие пальцы стискивали его нос.

- Или добавить?!

Раздался грохот – мой мучитель лежал на полу.

- Вставай, чего разлегся?

Саша легонько пнула его черным носком – мужчина скорчился, прижав руки к тому месту, которым чуть меня не изуродовал.

- Все в порядке, Настя! – начальница нежно улыбнулась. – Он больше тебя не тронет... и никого тут не тронет вообще.

Донор встал, озираясь. Из свернутого носа текла кровь - струилась по лицу и капала на грудь.

- Такое бывает, хоть и редко. Подам сведения, его уволят...

- Спасибо, Саша... - пробормотала я.

- А ты, урод, - она обернулась. – Долго терпели, но борзومتر зашкалил. Сюда больше не придешь и за последний месяц ничего не получишь.

- Но я...

- Головка от банана! За базары сейчас ответишь по полной!

Помахивая дубинкой, Саша отошла.

С кушетки я поднялась не без труда.

Голова моя кружилась, горло саднило, в носу щипало от попавшей жидкости.

Я поползла до комнаты.

Ада посмотрела на меня с сочувствием и махнула рукой.

Катя приподняла мою чашку и бросила вопросительный взгляд – я молча кивнула, прошла в санузел, плотно затворила дверь и обняла надежный белый унитаз.

Меня рвало.

13

Время в «Астарте» текло быстро.

Я оглянуться не успела, как в одно прекрасное утро у меня начались месячные. Я достала свой лунный календарик, который все еще вела по привычке, и с удивлением отметила, что предыдущая красная точка поставлена ровно 28 дней назад.

Помня правила, я позвонила Оксане и поделилась новостью. Секретарша нескрываясь обрадовалась – я представила, как она приняла высокую стойку в ожидании вызова на кушетку - и сказала, что выставит мою нулевую отметку для отсчета производственных планов на дальнейшее. А также дала указание лежать дома и отдыхать до тех пор, пока у меня не перестанет мазать.

Я поблагодарила, но промолчала о том, что моя «нулевая отметка» может оказаться именно нулевой. Ведь уже давно она наступала у меня то на двадцать третий день, то на тридцать второй, а мазало у меня порой по две недели, в течение которых я испытывала почти непрерывную боль...

Но на этот раз у меня все уложилось в классические пять дней, привычные для подростковых просветительских книг, где утверждалось,

будто правильный женский организм никогда не дает сбоев. Доктор Шанин был прав, предрекая мне нормализацию цикла.

Из неприятных ощущений оказалась только неожиданно сильная скука от сидения дома, родившая желание поскорее вернуться на работу.

Да, как ни странно, я поняла, что три недели непрерывного бесчувственного секса совершили во мне разительные перемены.

Мне стало неудобно находиться даже в простой домашней одежде: я уже привыкла весь день ходить в чем мать родила, дышать всем телом, не потеть и принимать душ хоть каждые пять минут. Я попыталась раздеться, но в дома – в отличие от нашего «центра» – было слишком холодно, я побоялась простудиться и застрять хоть на два лишних дня.

Да, именно застрять: в собственной уютной квартире, в спокойном одиночестве мне вдруг стало некомфортно.

Мне расхотелось делать все, что прежде заполняло свободное время.

Я потеряла интерес к чтению, перестала смотреть телевизор, потому что все передачи показались мне тупыми, а фильмы – искусственными в сравнении с той реальностью, в которую нырнула.

Пару раз я зашла на сайт знакомств, и мне стало смешно.

Невозможно было не смеяться, читая страдальческие ухищрения всяческих ловцов – зная, что другие ловцы ловят без малейших усилий, да еще и получают за это деньги.

Конечно, ни я, ни мои коллеги не подходили под тот модельный стандарт, в которомставляли себя посетительницы этого паноптикума озабоченных. Но от моделей мы отличались лишь внешне, а внутри все женщины были устроены одинаково и по сути не представляло разницы в какой именно колодец нырять за тем самым жемчугом...

Я ощущала себя на такой высоте, что их возня казалась мне детсадовской игрой.

Ведь механический процесс, сначала повергший меня в шок, перестал быть противным.

Наверное, в основе его лежали столь глубокие естественные вещи, что мой женский организм реагировал сам по себе и исподволь перестроил мое человеческое сознание.

Мне осталось одно: научиться выжимать из осеменителей конечное удовольствие для себя самой.

Я была уверена, что рано или поздно и это у меня получится.

14

В предпочтениях на «разрядку» прослеживалось почти полное единство: большинство выбирало Сашу.

Мы, конечно, тоже не оставались в стороне.

Не без ложной скромности я обнаружила, что мои экстерьеры ценились высоко; а при отсутствии прекрасной девушки, годящейся в дочери, именно я оказалась бы грудью №1.

Впрочем, находились и такие, кому абстрактное обилие телес казалось важнее, эти любили Аду.

Наименее востребованной по всем показателям казалась Катя. Но зато истинные ценители прекрасного в сексе не желали никого, кроме нее. Ведь она не просто закидывала свои метровые ноги куда угодно и как угодно, но могла даже упереться ими в потолок.

Некоторые же, не удовлетворяясь наличествующим материалом, заказывали себе десерт: Оксану.

На время ее отсутствия приемная запиралась с табличкой

«ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ПЕРЕРЫВ 10 минут».

Меня разбирал смех от мысли, что случилось бы, догадайся добропорядочные семейные пары из очереди о сути «перерыва». И как удивлялись бы, узнав, что за эти десять минут наша милая секретарша не только успевала обслужить заказчика – а порой даже двух подряд – но и полностью удовлетвориться сама

Однажды утром клиенты шли непрерывным потоком: видимо, произошел средней степени аврал, о котором предупреждали напарницы.

Я провела пять сеансов. Мне было смешно вспоминать свой первый, который вынесла с трудом – сейчас я отработала бы еще пять, не вставая, если бы перед каждым не требовалась новая гигиеническая процедура.

Во время работы я видела, как то и дело кто-нибудь наслаждается Сашей: на кушетке, стоя у стола или на четвереньках на полу.

Мы вдвоем уже отдыхали, а ее драил последний, только что выдавший продукт со мной.

Наконец раздался очередной писк электронного замка и мы поняли, что наша начальница освободилась.

И, судя по всему, наступил некий перерыв.

-...Девчонки!.. – тяжело дыша, она показалась на пороге.

По черным чулкам текли дорожки разной степени свежести.

- Девчонки, не могу больше! Раскочегарили позорные, сейчас умру.

Она покосилась на меня, одним движением сняла с груди звезды и бросила их на стол.

Я уже знала, что Саша ничего себе не прокалывала, а железки держались на прищепках и носила она лишь для того, чтобы сохранять соски от ненасытных донорских лап и зубов.

-...Катюшенька, сделай меня, а!

- Всегда пожалуйста, – моя напарница спустила ногу с подоконника. – Занимай позицию.

Саша легла на кушетку. Из-под ней поползла лужа, но простыни меняли ежедневно и на такие мелочи никто не обращал внимания. Опустив ладони себе на грудь, наша начальница закрыла глаза.

Я догадалась, что сейчас может произойдет, но все-таки не была до конца уверена в реальности происходящего. Ведь Саша практически непрерывно занималась сексом с мужчинами – хотя я уже поняла, что в нашем заведении нет ничего невозможного.

А Катя ловко и как-то привычно пристроилась между ее раскинутых ног.

Она не только не попросила девушку сходить в душ, но даже не обтерла ее простыней. Но меня это не удивило: я знала, что половину женщин рвет от самого вида мужского продукта, другая же – к которой до определенного момента принадлежала я – любит и запах и вкус.

Что конкретно делала приемщица, я не рассмотрела.

Не потому, что ее черный ежик заслонял место приложения и тем более не из-за стесненности непристойностью момента.

Я просто смотрела на Сашу.

Мне казалось, время замерло, сгустившись вокруг нас, но на кушетке шел процесс.

Через несколько минут, выгнувшись с непередаваемым изяществом, девушка закрыла глаза. Лицо ее пошло розовыми пятнами, она часто задышала, что-то заговорила высоким сбивчивым тоном и, двумя руками притиснув Катину голову к своему животу, стиснула ее бедрами – очень белыми над резинкам чулок.

И все ее не слишком большое тело задрожало, словно бабочка с черными отблескивающими крыльями залетела в нашу комнату и невзначай опустилась на кушетку.

Я смотрела и смотрела – и мне казалось, будто внутри меня самой тоже что-то готово затрястись в оглушительном наслаждении...

-...Ух...- сказала девушка своим обычным глуховатым голосом.

Не сразу придя в себя, я оглянулась.

Ада сидела на стульях, бесстрастно наблюдая происходящее.

Крылья бабочки опали. Катя поднялась с пола, покрасневшее лицо ее было мокрым.

- Нормально? – спросила она, облизнув губы и вытершись тыльной стороной ладони.

- Как всегда... - начальница перевела дух. – Заново родилась. Спасибо.

Моя напарница счастливо улыбнулась.

Я почувствовала, как сильно от нее пахнет женщиной. Хотя запаха женщины никогда до сих пор не различала.

- Спасибо, Катюша!

Благодаря партнершу, девушка смотрела на меня.

- Всегда пожалуйста, - улыбнулась моя коллега.

- Тебя сделать?

- Сделай. Пока нет никого из козлов. Я быстренько проспринцуюсь.

- Пожалуйста, если нетрудно... Ты ведь знаешь, я этой гадости не выношу.

- Один миг, - сказала Катя. – Секунда тут, секунда там...

- Можешь не спешить, - усмехнулась Саша, трогая свою грудь. – Я убрала звук у домофона. Пусть эти козлы крыльцо потопчут – кому бабки нужны, им или нам?

Напарнице во встречном акте явно не хватало Сашиной женственности, но заряд матерной брани в нужный момент ударил с такой силой, что перед Шанинской приемной наверняка закачались фотографии беременных животов.

Саша встала, отряхнула черные коленки от несуществующей пыли, потом нагнулась и по очереди поцеловала Катины неженственные женские места.

Та расплылась по кушетке неузнаваемо мягкой массой и даже лицо ее - резкое, жесткое и всегда замкнутое - сделалось почти нежным, а смуглый плоский живот еще подрагивал в сладостных конвульсиях.

- Какое п***до***ительное мандоб**ство... - счастливо пробормотала она, блуждая по мне потемневшими глазами. – Как я буду сейчас работать... Ё***нарот...

- Я посмотрю журнал и, если что, тебя перекину, - сказала Саша, прицепляя назад свои звезды. - Если девчонки не возражают.

- Девчонки не возражают, - за нас обеих ответила Ада.

- Ну и ладушки, - Саша по очереди подтянула слегка спустившиеся чулки. – Попейте кофе. Если кто-то ждет, все равно ему час размываться.

И с явной неохотой пошла к ресепшн.

Вся ее фигурка выражала полную разнеженность, а белые ягодицы были еще прекраснее, чем прежде.

Мои напарницы пересели к столу и принялись возиться с чашками.

Ничего из ряда вон выходящего тут не произошло.

Просто я наконец поняла и какие-то вскользь уловленные намеки и быстрые взгляды Саши, которая до сего дня стеснялась просить «сделать» себя в моем присутствии. А такая потребность, судя по всему, у нее возникала нередко. Видимо она ловила минуты моего отсутствия в комнате отдыха или оставалась с Катей после конца рабочего дня.

Мне стало жалко девушку; она ничем не заслуживала стеснения своих привычек. Я смотрела на жизнь достаточно широко и сейчас меня не напрягло, что рядом со мной занимались лесбиянством. И, если честно, мне было немножко не по себе вспоминать ощущения, охватившие меня при виде черной бабочки-Саши, трепетавшей под умелыми губами моей напарницы.

Однако понятным мне было не все. И когда Ада – свежеемытая и счастливая, как всегда, от предвкушения событий – пошлепала в бокс, я спросила:

- Слушай... Так получается, что Саша осталась лесбиянкой? Или она бисексуалка?

- Би – это я, - просто улыбнулась Катя. – Ты еще не догадалась? Когда я тебя мыла после твоего первого сеанса?

- Ну как тебе сказать... - я, кажется порозовела.

Хотя в тот момент ни о чем подобном не думала.

- Да никак не говори, какая разница. Я би, Адка моно, а Сашка скорее полутора.

- В каком смысле? Разве такое бывает?

- Да не знаю, это я так говорю, - она усмехнулась. – Полуторасексуалка. Ввела градацию на основе собственного опыта. Адка – моно, гипер и супер. Бисексуалка - женщина, которая испытывает влечение к обоим полам и может испытать оргазм как с мужчиной, так и с женщиной.

- Удивительно, - вставила я. – У меня никогда не было... опыта и даже знакомых. А как это – наверное, совершенно по-разному: кончать с мужиком и кончать с женщиной?

- Абсолютно так. Это вещи несравнимые. Оргазм с мужиком – атомный взрыв. Ну, в крайнем случае, кувалдой по башке. Ощущение, что тебя пронзают, и по позвоночнику импульсы, у тебя не так?

- Примерно так, – согласилась я. – Именно взрыв. Ну, по крайней мере, так было.

- А с женщиной ты тихо тонешь в море блаженства. Ничего не взрывается и ничего никуда не летит, ты сама растворяешься... Это не так сильно, но гораздо приятнее. Словами не описать. И то хорошо, и другое. Вот это и есть бисексуальность. А Сашку я называю полуторасексуалкой, потому что с мужчинами она совокупляется. И они ее возбуждают, сама жаловалась...

- Жаловалась? – перепросила я.

- Ну да. Она мужиков ненавидит люто. Этот вот про козлов... - Катя кивнула в сторону двери. – Она и написать придумала и оставить тут решила. Но при том говорит, что иногда промежность сильнее головы. Однако оргазм получает только лесбиянским способом.

- Ну с Сашей понятно. Лесбиянку из нее сделали в тюрьме, ведь вы так говорили?

- Именно так. Опыт, какого врагу не пожелаешь. Попала по малолетке, что-то где-то неудачно своровала, и пошла п***да по кочкам.

Напарница употребила матерное слово в обычной речи, что показало ее полное ко мне расположение.

- И не забудь, что Сашка еще и выросла в детском доме. А детдомовские опыты еще ни одному человеку не принесли ни грамма пользы, сколько бы ни ввали о семье ровесников и так далее. С рождения кругом одни девчонки, со всеми вытекающими...

- Живи она в нормальном мире, была бы обычной девушкой, - согласилась я. - Но можно, Катя, я задам тебе вопрос...

- Задавай, какие проблемы.

- Но ты не обижайся.

- Не обижусь. Примерно догадываюсь, что тебя интересует.

- Тем лучше... Скажи мне - как ты, обычная женщина стала бисексуалкой? Без всяких «*опытов*», зато с тремя замужествами?

- Точно, именно этого я и ждала, - напарница улыбнулась.

Потом непривычно закинула ногу на ногу, и я вдруг не по-женски отметила, сколь красивы и ее чудесные колени, и ее бедра, и все ее тело в таком положении.

- Я сюда попала случайно два года назад как раз после третьего замужества, еще более неудачного, чем предыдущих два. Думала, на время, оказалось – навсегда. Втянулась как-то незаметно, но всерьез...

-...Так же и со мной, - перебила я. - Пришла из любопытства, подписалась от нечего делать, а потом так втянулась... Знаешь, когда были месячные, не знала, как дожить, пока снова на работу.

- Вот-вот. Так оно и есть. Мы живем в атмосфере постоянного секса, замечаешь?

- Замечаю. Жизнь у нас тут такая, словно кроме этих... писек, сисек и пиписек больше в природе и нет ничего. На эмблеме нашего центра должна быть не беременная женщина, а влагалище, надетое на член.

- Абсолютно согласна. А секс, ставший образом жизни и поведения, всегда бисексуален.

- Неужели?

- Я не придумала, почитывала медицинскую литературу. Всякую, в основном не отечественную. У нас здесь до сих пор уровень динозавров, вылезших из воды только верхней половиной.

- «*В СССР секса нет*»? – усмехнулась я.

- Вроде того. А в цивилизованных странах давно вышли на иную ступень. К примеру, не считается из ряда вон выходящим групповой секс, как единственное средство поддержать интерес супругов, проживших вместе двадцать лет... Но не это главное. Сдвиг ориентации может быть, например, ответом на некий конфликт в обычной сфере.

- Какой? – не поняла я. – На работе?

- Нет, имеется в виду – в половой. Я как-то раз смотрела один фильм, как-то на «*Эф*» называется – то ли «**Фаина**», то ли «**Флора**»... Про реальную женщину, мексиканскую художницу. У нее в жизни было всего два мужчины: первый, какой-то одноклассник или дворовый приятель. И второй - муж, тоже художник. Толстый е***ливый козел.

Я прыснула; сочетание слов мне понравилось.

- Типа нашей Адки, только мужской вариант: все равно с кем, где и когда, лишь бы в кого-то сунуть. Хоть при ней, хоть с ее сестрой. Так вот, с мужчинами она ему не изменяла. Зато с женщинами – налево-направо и только так. Хотя во всех отношениях была совершенно нормальной женщиной.

- Надо же... - протянула я, пытаюсь представить себе Аду в мужском обличье.

- Но и конфликты не обязательны. Сексологи утверждают, что когда организм полностью отдается чувственности, ему уже все равно: кто и чем

будет раздражать зону, вызывающую сладострастные ощущения, лишь бы было раздражение. Тут не просто бисексуализм, а гораздо глубже: и зоофилия в самом настоящем виде и еще черт знает что.

- Ужас, как все продвинуто. Даже не думала прежде. Так бы и умерла старой душой, если бы сюда не пришла.

- И я как врач, хоть и другой специальности, считаю точно так же. Не знаю, как там у мужчин в отношении гомосексуализм; у них все вообще грубее и резче - а вот у нас... Ты в пионерах успела побывать?

- Конечно, - я не понимала, куда свернул разговор. – Как без этого, мне не восемнадцать лет. А ты?

- Можешь себе представить, Настька, - засмеялась Катя. – Мне так и вовсе девятнадцать! А в пионерском лагере ты бывала?

- Знаешь – каюсь, но не бывала, - я усмехнулась, без особого удовольствия вспомнив свое детство. - Моя семья была слишком приличной, чтобы я летом шаталась по каким-то бедламам и спала в гнилых палатках. Меня возили на море, я любила плавать – до тех пор, пока меня не начала перевешивать моя несравненная грудь...

- Моя, как сама понимаешь, ничего перевесить не могла, да и на море меня не возили. Но все эти помоечные лагеря меня тоже миновали. Летом жила на даче, там было хорошо... Было бы, если бы нам с братом не приходилось спать в одной комнате... Со всеми, так сказать, вытекающими. Точнее, втекающими...

Замолчав, Катя посмотрела в глухое белое окно.

- Но не о том речь. Я лагеря вспомнила по теме. Ты знаешь, как педиатр я читала некоторые старые материалы по детской сексуальности, еще советских времен, теперь они стали доступны. Даже питекантропы тех лет отмечали, что в пионерских лагерях, в младших отрядах, наблюдается почти поголовное увлечение девочек взаимными эротическими ласками. Без всяких намерений, чисто по-дружески. Для девочек это естественно – целоваться, ласкать друг друга, случайно вызывать сладострастные ощущения вплоть до оргазма. Потом это проходит. Почти у всех проходит без следа. Но если в психике есть хоть какие-то предпосылки, тот при очень интенсивной жизни вроде нашей, женщина начинает корректировать свою ориентацию. Например, становится бисексуалкой, как я.

- А как узнать, есть эти предпосылки, или нет? – зачем-то спросила я.

- И об этом я тоже читала. Ты любишь оральный секс?

- Любила. В прежней жизни стоило мне взять в рот...

- Да я не о том. Это многие любят. А мужчины любят еще и не то.

- Именно так, - согласилась я. – У меня был один... Когда мы трахались у него на даче, прямо на траве, он всегда просил, чтобы я садилась сверху и его, извини, обсывала. С ног до головы, а он мои письки глотал.

- У меня такого не бывало. Зато первый муж любил, когда я вставляла ему сосок в мочеиспускательный канал. Соски у меня длинные, ты же видишь, и эрекция у них долгая – не знаю как, там не должно быть

ощущений, кроме болевых, но он выходил на оргазм и сперма выталкивала меня, как пробку из шампанского...

- А я...

-...Но и я бывала не хуже, - не слушая, продолжала напарница. - В определенный период жизни не просто любила глотать сперму, а добавляла ее в кофе - как кто-то льет молоко - хотя всегда пью только черный, без сахара и без ничего. Не просто сплевывала, а специально ее выдаивала, чтобы на капли не пропало...

- Руками? - уточнила я, поскольку мне самой на такой вариант никогда не хватало запаса сил.

- Руками, - Катя улыбнулась краешком жесткого рта. - Они у меня сильные.

- Помню... - я кивнула.

Тело вспомнило прикосновение Катиных крепких пальцев... и меня вдруг бросило в жар.

-...Ты любишь, когда с тобой занимаются оральным сексом?

- Я... тоже люблю, пожалуй, - я вздохнула, пытаюсь прийти в себя. - Только если он хорошо выбрит и достаточно нежен.

Кажется, я рассказывала о своих сексуальных предпочтениях второй раз в жизни - первый раз это был телефонный опрос с Оксаной. С Катей это шло еще легче и проще и даже приносило какое-то новое удовольствие.

- И ты когда-нибудь испытывала чисто оральный оргазм?

- Нет. Как бы хорошо ни было, это оставалось игрой. Для результата мне требуется ощущение, по твоим словам, наполненности влагалища. И не пальцами а - Ада бы сказала - пиписькой. Я даже по варианту «69» никогда не могла кончить, хотя сильно старалась.

- Вот. А я испытывала, причем почти всегда. Во мне есть лесбийская склонность, вот я и сделалась бисексуалкой.

- А во мне, выходит, нет?

Не знаю, зачем я задала этот вопрос: видимо, мне захотелось разобраться с чем-то неясным, вдруг созревающим во мне.

- Трудно сказать вот так прямо. С тобой когда-нибудь занималась оральным вариантом женщина?

- Нет, - ответила я, ощутив жар на щеках. - А что?

- Да ничего. Просто хочу сказать - тут точно так же, как и в обычном сексе. С мужчиной и с женщиной - небо и земля. Все равно что сравнивать... ну не знаю... Твердый шоколад со взбитыми сливками.

- Даже так? - я покачала головой. - Шоколад люблю и даже очень. Правда, взбитые сливки уже не помню когда ела.

- Я серьезно, - Катя провела рукой по своей невыдающейся груди. - Я не говорю про урожденных лесбиянок - у них это определено с пубертатного периода и в гамме ощущений они имеют все то же, что мы... что ты испытываешь именно с мужчинами и что они с тобой. Я б этом тоже читала и в общем представляю. Звериная страсть, ураган, бездна кипящей лавы, взлет и падение и все прочие взрывы со всеми вариациями. А вот я после полового

акта с Сашкой чувствую такую расслабленность, такой покой и благодать... И даже некоторое... ну пусть хоть временное примирение с той действительностью, в которой приходится барахтаться. Честное слово.

Напарница глубоко вздохнула, прямо взглянув на меня.

- Хочешь попробовать, пока не вызвали на перетрах?!

- Без всяких намерений? – я усмехнулась.

- Чисто по-дружески, - в тон подтвердила Катя. – Просто так, в порядке обогащения личных опытов. Хочешь?

- Пожалуй, нет, - ответила я, секунду помедлив. – Предложение очень заманчивое, но... Я для этих опытов еще не созрела... Наверное, все впереди.

- Конечно, - Катя улыбнулась. – Созревай. Всегда к твоим услугам. Я тебе больше скажу, как симметричная «би»...

- А что означает «симметричная»?

Поток новых знаний просто лился на меня.

- То и значит, что в обе стороны равна. По-лесбиянски называется «универсалка», это я такое слово придумала. Мне кого-то удовлетворять – не меньшее удовольствие, чем получать самой.

- Видела сегодня, - я кивнула. – На вас с Сашей было смотреть одно удовольствие.

- Спасибо, приятно слышать... - Катя потупилась. – Но знаешь, если честно... Я тебе, Настька, еще кое-что скажу... Признаюсь... Я уже тебе кое-что о себе поведала, ты не болтливая, я сразу поняла...

- Признавайся, - позволила я и добавила, почему-то вспомнив собеседование при трудоустройстве. – Мечтаешь, чтобы тебя доктор Шанин отымел на своем столе?

- Мечтаю да, но не о том, - подруга лучисто усмехнулась. – «Шанин»... Было бы о чем мечтать...

- А что? У него... вроде как все нужное очень даже ничего.

- Именно, что *ни-че-го*. Он по специальности гинеколог, а у всех гинекологов сексуальная деформация – гипервагинальный синдром.

- Гипер какой? – не поняла я.

- Вагинальный. Еще одно мое слово. Эффект пресыщения влагилицами, неизбежного при такой работе. Профессиональная болезнь. Одни гинекологи каждый день ищут новую женщину, потому что с одной и той же два раза не возбуждаются. А другие становятся импотентами. Так вот Шанин как раз из других.

- Думаешь?.

- Не думаю, а знаю, потому что сама все это видела... На прошлое восьмое марта тут все перепились в доску...

Напарница замолчала, посмотрев через мое плечо в цех; я привыкла почти всегда садиться спиной к входу.

- А расскажи? – я вспомнила еще одно впечатление первых дней: волосатую руку доктора на Сашиной тугой ягодице.

- Потом как-нибудь, сейчас договорить хочу, пока Адка с сеанса не пришла... Потому что о ней речь.

- А что она? Зоофилка?! Она же вроде только о мужиках и их пиписьках и может говорить!

- Так вот именно, что только о мужиках! А я...

- Что «ты»?

Катя вспыхнула, как влюбленная третьеклассница.

- Я, б***ь, хочу ее. До оп***нения хочу, как никого и никогда не хотела! У меня п***да скоро лопнет...

Подруга говорила теперь сплошным матом — я поняла, что она вскрывает глубочайшие тайники души. Но признание меня не удивило; меня уже ничего здесь не могло удивить.

- Я хочу... Хочу ее булками задохнуться. Из п***ды ее, б***ь, захлебнуться... чтобы она, а я...

Катя выбрасывала слова незнакомо хриплым, срывающимся голосом, я разбирала не все, но мне был понятен смысл. И он меня, как ни ужасно, не пугал.

- А Адка... Эта Адка... Адка...

...Что — «Адка»? - добродушный голос раздался неожиданно для нас обеих.

Толстушка, будто подглядывая, опять являлась в самый патетический миг наших с Катей моментов.

- Да ничего! — ответила та, мгновенно возвращаясь в привычное состояние. — Обсуждали тут с Настькой: после утренней смены ты смогла опять кончить, или нет?

- И сейчас смогла, и еще раз смогу! — Ада довольно усмехнулась. — Работала бы я тут, если не могла каждый раз и сколько угодно! Вы же знаете!

- Именно, что знаем! — сказала я.

Катя улыбнулась, поверх моей головы посмотрелась в настенное зеркало и поправила несуществующую прическу

- Вас, птички мои дорогие, на сеанс, кстати. Обеих сразу — там двое пришли. Стоят и уже пиписьками меряются. Так что решайте, кто первая мыться, а кто со мной кофе пить.

15

- Ну что, труженицы влагалища и прочих важных органов, как настроение, как успехи? — сказал доктор Шанин, появляясь в двери.

Момент оказался подходящим: в работе был перерыв и мы тихо отдыхали.

Катя попивала кофе, закинув ногу на окно, Ада на стульях читала журнал по вязанию, а я отдалась более важному делу: сидела на кушетке, подняв и раздвинув ноги. И, опершись бюстом на колени, рассматривала себя в зеркальце пудреницы — этим в последнее время я занималась часто и находила в том странное удовольствие.

Доктора я не видела со своего первого дня, от которого меня отделяли уже несколько десятков других дней, похожих друг на друга, как два чека из одного и того же магазина.

Приветствие мне понравилось. Вряд ли кто-нибудь другой догадался аттестовать нас с таким простым и точным цинизмом. Таковыми труженицами мы и были, от обычных проституток отличались лишь тем, что труд наш оплачивали не имевшие нас, а женщины, в которых впрыскивали семя, добытое с помощью наших тел.

- Живем, - ответила Катя.

- Етимся, сколько можем, - добавила Ада.

- И как можем, - завершила я.

- Я рад, - просто сказал доктор.

И посмотрел на меня так, будто впервые в жизни увидел голую женщину – я изящно прикрылась пудреницей.

Он кивнул и присел ко мне на кушетку.

- Вы молодцы... точнее, молодницы - я вами горжусь.

- И кем из нас больше всех? – хихикнув, уточнила я.

- А вы не догадываетесь? – ответил Шанин и, протянув руку, щелкнул Аду по толстому животу.

- Я прикинула, у Адки в целом как минимум полторы сотни актов, - серьезно сказала Катя. – Угадала?

За «разрядку» мы расписывались в журналах, давая согласие на использование своих тел. А половой акт бесплатный ничем не отличался от такого же акта оплаченного.

- Почти, - Шанин кивнул. – Сто шестьдесят восемь. Когда утвердят звание **«Золотая Вагина России»**, наш номер первый станет первым кавалером.

Мы рассмеялись.

Доктор обнял мое плечо.

- Как тут Анастасия? Прижилась?

- Не то слово, - улыбнулась Катя. – Мы не знаем, как без нее работали. Я так вообще...

Она не договорила, бросив нежный взгляд на Аду.

- Что ж, молодцы, - как-то невесело повторил Шанин. – А пришел я в это далеко не прекрасное утро, чтобы сообщить вам пренеприятнейшее известие...

- К нам едет ревизор, - автоматически сказала я.

- В точку, Анастасия, - доктор потрепал меня по щеке. – К нам приезжает комиссия из горздравотдела. Проверить нашу работу, заклеить недостатки, отметить достоинства и передать наш уникальный опыт по эстафете. Мир нуждается в новых и новых особях вида *«человек неразумный»*.

- Когда? – спросила Катя, отставив кофейную чашку.

- Этого никто не знает, на то она и комиссия. Но разведка донесла, что могут явиться хоть завтра. Поэтому срочно переходим на осадное положение.

- В каком смысле? – уточнила Ада.

- В прямом. Сейчас забираю вашу спецодежду, завтра получите ее выстиранную, выглаженную и накрахмаленную, и чтобы вплоть до особого распоряжения голышом не шатались, сисьëm и письëm не трясли.

- И пипириться тоже в халатах? – с невинной ухмылкой спросила толстушка. – Или хотя бы нижние пуговицы расстегнуть позволяется?

- Пипириться можно без халатов, – серьезно ответил доктор. - Зашли в бокс, сняли, повесили, отработали, снова надели – и сразу под душ не расслаживаясь. Чтобы были все время чистые, свежие и без всяких... следов интравагинального вмешательства.

- А на что вешать халат? – Катя была настроена серьезно. – Донору на стоячий х**й?

- Все учтено. После обеда придет роддомовский слесарь, просверлит в стене дырки и прикрепит крючки. Вы только его не изнасируйте походя.

- Постараемся, - Ада жеманно опустила глазки.

- Во время работы задерживаться наглухо. На-глу-хо, ясно? Сегодня принесут занавески, их опять повесим на время. Екатерина, поможешь Александре, с твоим ростом это можно без стремянки.

- Будет сделано товарищ майор, - напарница отсалютовала ладонью – А как станут разряжаться в Сашку? Ресепшн тоже завесим вкруговую?

- Никак. На время проверки вульва вашей начальницы отдохнет от чрезмерного использования. Она тоже будет сидеть пристойно одетая – губки бантиком, лапки крестиком - заполнять журналы, принимать и сдавать продукт, не более того. Они увидят, как прилично тут у нас все устроено.

- Ясно... - я почему-то вздохнула.

- Мы должны будем на какое-то время превратить наш узаконенный бордель в обычное медучреждение. По крайней мере, внешне. Проверять нас станут по всем пунктам. Вывернут, выстирают и на веревочке просушат.

- А контрольная поё***ка будет? – с нехорошей усмешкой продолжила расспросы Катя. – С председателем комиссии?

- Контрольной. Поё***ки. Не будет, - раздельно отчеканил доктор. – Председатель - женщина.

- Жаль. Я как раз на это и надеялась...

- Контрольной не будет, - повторил Шанин. - Но любую вашу... поё***ку... могут снять на видео. Так что работать аккуратно, точно и без оргазмов.

- Совсем-совсем? – Ада скорчила умильную рожицу.

- Совсем-совсем. Идите в душ и там... И лесбиянство у всех на виду, кстати, притормозите на неделю.

- Ясно, - сказала Катя. – Как все запущено, однако!

- Дальше. Оперативные указания...

Доктор потер лоб.

- Екатерина, не матерись под клиентом.

- Постараюсь, но не обещаю.

В голосе моей подруги слышался некий вызов.

- Аделаида Ромуальдовна... - доктор взглянул на Аду и замолчал.

- Что «Ромуальдовна»? – невинно переспросила толстушка.

- Что-что... Сама знаешь, что!

Ада молча пожала круглыми плечами.

- А я? Мне чего не делать? – напомнила о себе я.

- Тебе? Тебе ничего не делать... То есть как раз наоборот – делать все, что умеешь, - ответил доктор и похлопал меня по тому месту, которое я рассматривала через зеркальце. - Ты, Анастасия у нас само совершенство.

Все молчали; сведения о грядущей проверке, с одной стороны, не радовали, но с другой – обещали что-то новое в нашем разгульном однообразии.

- Ладно, я пошел... - сказал доктор, забрав подмышку наши халаты. – Да, совсем забыл..

Он остановился уже в двери.

- По результатам работы за минувший месяц мы имеем пятнадцать забеременевших.

- Как сказал бы академик Королев в фильме «Укрощение огня» - это не нам, Шарику спасибо, - криво усмехнулась Катя.

- Пятнадцать? – Ада состроила довольную ухмылку. – Неслабо.

- Да. Еще пятнадцать идиотов прибавится к поголовью человечества. Будет кому голосовать за грядущих мерзавцев и кому погибать в грядущих войнах.

- С последним нельзя не согласиться, - сказала я. - Что искусственно беременеющие – дуры набитые, тоже ясно, – Но почему младенцы рождаются идиотами?

- Потому что только идиот способен рваться к жизни, зная, какая гадость ожидает его на этом свете, – с неожиданной тоской сказал Шанин.

И поспешил вон из цеха, не остановившись около Саши,

- Бедняга грустный, как пиписька, – Ада вздохнула. – У него одни неприятности.

- Проверка из горздравотдела не может быть приятностью, – согласилась Катя. – У нас все идеально, но его именно что вывернут наизнанку. Знаю я эту околomedicalскую п***добратию.

Я промолчала.

- Не в этом дело. Вся беда нашего Санта-Клауса – в его пипирке.

В этом я не могла не согласиться с нашей неукротимой маркизой. Профессиональное расстройство доктора не могло не убивать каждую секунду его жизни. Он утратил способности, но не лишился желаний; это было ясным хотя бы по тому, что обнимал и похлопывал он меня далеко не как евнух. И можно было только представить, что ощущал он, видя нас - жриц медицинской любви, благосклонных к нему, но лежащих вне сферы его возможностей.

- Хороший человек наш Николай Николаевич, - повторила Катя, читая мои мысли.

- Если бы у него еще и пипирка работала... Мужиков люблю всех без исключения, но если выбирать, то первому ему, а уже дальше всем в порядке очередности.

- А знаете, девчонки... - призналась я. — Даже не верится, что наш Шанин тоже мужчина, как и те козлы, которые тут нас работают.

- *Excerptio* что-то там *regulam*, - сказала Катя. — Типичный случай.

- Что-что? — переспросила Ада. — В моем доме попрошу не выражаться!

- «*Исключение подтверждает правило*», - пояснила бывший врач. — Одно слово не помню, я эту латынь учила черт знает когда и черт знает как.

- Примерно так, - я кивнула.

- А я... - начала Ада, поправляя грудь.

Я не слушала — смотрела в цех на жемчужные ягодицы Саши.

Вытянувшись белкой, она снимала с гвоздей наши непристойные фотографии.

На полу вдоль стены стояли рамки на замену — три улыбающихся краснолицых младенца.

16

Комиссия Горздрава, которой был озабочен доктор, явилась к нам через два дня.

Ею оказались две молчаливых женщины моего возраста с одинаково обесцвеченными волосами, в одинаковых простых белых халатах — в сравнении с которыми наши казались свадебными платьями какой-нибудь невесты из Нью-Йорка — очень дорогих колготках и еще более дорогих туфлях. Их сопровождал мужчина с маленькой видеокамерой на шее - словоохотливый, веселый и шумный, рядом с которым Шанин казался тощим напрокудившим школьником.

Основное время троица провела у доктора: читала его работы, изучала архивы и просматривала записи на компьютере.

К нам они заглянули на полчаса: посмотрели цех, оглядели комнату отдыха - но от предложенного кофе отказались, хотя мужчина, увидев Аду на двух стульях, был не против остаться тут до вечера - исследовали санузел, полистали Сашины журналы, по очереди просунулись в окошко и о чем-то поговорили с лаборанткой.

Мы вели себя, как стыдливые гимназистки, и даже доктор, выглядывавший из-за комиссии, ни разу не нахмурил брови.

Видео полового акта в самом деле снимали.

Для главной демонстрации Шанин выбрал меня: он знал, что я еще безопасна с точки зрения ненужных бурностей. Владелец видеокамеры зашел в бокс и фиксировал все пятнадцать минут от начала до конца.

Я отработала сеанс идеально — так потом сказал сам доктор.

Лежала на спине недвижно и безучастно, как резиновая кукла с силиконом в нужных местах, храня на лице отсутствующее выражение.

Во всяком случае, так выглядело на экране: через пару дней полностью удовлетворенная комиссия прислала нам видеоролик - сделанный профессионально и даже с затемнением на моем лице.

Мы смотрели его по сети, сгрудившись у Сашиного компьютера.

Но то было внешне; на самом деле я еле сдерживалась. Требование не впускать в себя ощущений сыграло обратный эффект. И еще больше подгонял тот факт, что за мной не только внимательно наблюдают посторонние женщины, но еще и посторонний мужчина снимает видео, которое будет растиражировано.

В день приезда комиссии я была близка ко всему необходимому как никогда прежде.

И я держалась лишь тем, что отключилась от процесса, думая о вещах, к нему отношения не имеющих.

Очищая крышу одного из домов нашего ЖЭУ, вечно пьяные дворники неудачно сбросили глыбу льда и сломали колпак, защищающий от непогод изолирующий фланец вводного газопровода, торчащий в двух метрах от земли. Общегородская обслуживающая компания заявила, что для замены жестянки нужно развинтить сгон и демонтировать весь фланец – прокладку, разрывающую электрохимическую связь подземной и воздушной частей магистрали. Причем, во-первых, расходы должно оплатить ЖЭУ из-за халатности своих работников, а во-вторых, процедура потребует отключения газа в восьми подъездах девятиэтажки на целую неделю. Препирательства с газовиками начались в середине февраля, продолжались при мне до начала мая и длились после моего ухода: я узнала о том, встретив одну из прежних сослуживиц по дороге домой.

Я вспомнила эпохальное дело и фланец изолировал меня от донора.

По результатам проверки нам была обещана премия в размере удвоенного оклада.

Примерно то же самое бывало и в том самом ЖЭУ – но оклад не удваивался, а премировали нас за работу другим местом.

17

Еще через неделю я получила от процесса свое.

Это произошло неожиданно для меня – как я ни стремилась к тому и сколь ни пыталась подогнать свои ощущения.

Наверное, совпало несколько благоприятных моментов: донор оказался не слишком грубым, я заняла удачную позу и сумела задействовать необходимые элементы, а манера его работы: не частая и не медленная, а равномерная - позволила быстро поймать ритм.

Я даже не думала ни о чем результативном, но минут через пять ощутила давно забытое тепло, разливающееся по низу живота.

Но все-таки сжала ноги - всего чуть-чуть, чтобы не вынудить донора сменить приятную для меня позицию. Сосредоточенный лишь на себе, он ничего не почувствовал, и оставшегося времени мне хватило, чтобы тепло рванулось по мне туда и сюда, а внутри все затряслось.

Я напряглась всем телом, стараясь расслабить свой станок, чтобы не сдернуть резинку, не провалить сеанс и не вселить в самую себя комплекс страха перед наслаждением на рабочем месте.

Мне это удалось – удовольствие нарастало само и наконец пролетело сквозь меня.

Я не отключилась – просто констатировала, что испытала всплеск ощущений. Все прошло, подарив секунду наслаждения и дав некоторое облегчение моему телу. Которое донор, ничего не заметив, долбил до истечения срока, обозначенного Сашей на моем животе.

Но во всяком случае, это был первый опыт.

С кушетки я встала, пошатываясь и от нежданно пережитого удовольствия, и от предчувствий.

Настоящий – хоть и кратчайший – пик вместе с телом перевернул мою душу.

Мне казалось, что не донор удовлетворил меня.

И я не просто удовлетворилась им.

Я изнасиловала его и выжала наслаждение для себя.

Наверное, лицо у меня было глупым-преглупым и блаженным-преблаженным. Потому что когда я вернулась в комнату отдыха и упала на кушетку, раскидав ноги и вывернув наизнанку все остальное, Катя улыбнулась:

- Поздравляю тебя, Настька! Первый оргазм на работе – это сильнее, чем первые вздохи на скамейке!

- А откуда... ты сразу догадалась?

- За километр видно. Молодец, подруга. Цель достигнута.

- Она сама достиглась, - зачем-то возразила я. – Ничего не ожидала, не старалась даже. Мое тело... точнее, моя писька без меня сработала, да и то на секунду. Включилась и выключилась, я даже всерьез ничего понять до конца не успела.

- В первый раз – как в первый класс, – просияла Ада. – Когда я в двенадцать лет догнала себя шаловливым пальчиком на унитазе, даже вода в бачок не успела набежать... А если серьезно, так это я кончателный автомат, меня потрогать и я уже готова. А та же Татьяна, была страшная, как пиписька, и...

- Да хера тебе эта Танька! – перебила Катя. – Мы о Настьке говорим.

- Так о том и говорю! Ты, Настюля, запомни этот час и этот миг. Это – начало твоей новой жизни. Дальше ахнуть не успеешь – станешь кончать, как пулемет.

- Поздравляю тебя, Настька! – повторила Катя. – Разреши тебя поцеловать! Чисто по-дружески, без всяких намеков.

- Целуй! - позволила я.

И зачем-то развела ноги еще шире.

- По-дружески! – напарница подняла палец и быстро поцеловала меня в губы.

И тут же добавила вполголоса, тронув тем же пальцем ту мою часть, которая недавно прогнала сквозь меня импульс наслаждения:

- Все еще впереди.

А я лежала и глупо улыбалась, вспоминая свои нескромные ощущения.

И сегодняшние - только что полученные, быстрые и простые.

И те глубокие и разнообразные, что бывали раньше.

И с некоторым разочарованием пришла к выводу, что когда я оставалась обычной женщиной и жила от любовника до любовника с длительными промежутками, то удовольствие казалось куда более сладостным.

Наверное, в последнее время я слишком много занималась сексом и само мое тело как-то перестроило свои ощущения.

Но тем не менее Ада оказалась права.

Через день я опять нашла удобную позу, потом научилась делать это регулярно.

И пусть механические пики не шли в сравнение с испытанным прежде, но я знала, что прежней жизни уже не будет никогда.

Хотя, наверное, прежнего мне и не требовалось.

Я быстро вошла во вкус, насилуя мужчин. Причем делала это не на разрядке: там я даже не старалась, вела себя резиновой куклой из намеренного нежелания доставить партнеру хоть каплю лишнего удовольствия – а на сеансе.

Довольно жестко вынуждала занять нужную мне позу. Перебивая намерения, сама задавала нужный ритм. Доходя до точки, не заботилась ни о чем производственном – шла на грани фолы, зажимала, чтобы он не выскользнул в страхе сорваться. И всякий раз успевала получить все, что требовалось.

И – что меня уже пугало – с каждой порцией наслаждения, полученной на работе, ощущала, до какой степени, оказывается, ненавижу мужское племя.

Ничтожное, грубое, похотливое – и особенно ненавистное тем, что мой организм... мое тело... нижняя часть его... зловредная точка схождения моих прекрасных ног! - требовала постоянного насыщения, которого не мог дать мне никто, кроме них.

18

Пошатываясь – не от усталости, а от пережитой сладости - шла я в комнату отдыха.

Использованный мною донор сидел на кушетке около ресепшн в ожидании Сашиного тела. Хотя, скорее всего, не сидел, а копошился в

моечной: я отделала его так жестоко, что наверняка на несколько дней отбила у него естественные желания.

С первых секунд взяла его в клещи ногами, притиснула к себе розовое безволосое тело и не позволяла отстраниться от себя хоть на сантиметр, отклониться хоть на градус. А в последние секунды - при последних шагах к уже виднеющейся вершине – так остервенелась переломила ему инструмент, одновременно сдавив все прочее, что он вскрикнул от боли. И этот крик терзаемого мною мужчины наполнил таким чудовищным наслаждением, что я в самом деле потеряла сознание. На какой-то срок, в течение которого донор пришел в себя и сумел отработать.

Теперь у него наверняка все онемело от боли, а мое тело еще блуждало в облаках.

Напарницы мои были заняты.

Ада развалилась на стульях, с карандашом в одной рукой и книжкой кроссвордов в другой. А между ее толстых, пухлых, беззастенчиво распахнутых белых бедер чернела круглая голова Кати, стоявшей на коленях.

По влажным звукам, прерывающимся стонами бывшего врача-педиатра было ясно, что именно сейчас делается.

- О, Стасюля, ты технолог, должна знать! - обрадовалась толстушка, увидев меня.

- Бывший технолог, - поправила я, глядя на очень красивую в таком положении Катину задницу.

- Все мы тут бывшие, но мастерство не пропьешь... Слушай - измерительный инструмент, четырнадцать букв, первая «ша», последняя мягкий знак. «Шпиндель» не подходит, коротко...

- Штангенциркуль, - я ответила автоматически, пытаюсь заглянуть Кате между ног.

- Спасибо, подруга! – Ада кивнула, аккуратно вписывая слово. – «Ген» или «гин»?

- «Ген», конечно. «Гин» - это уже из Катиной области.

- Катеринина область сейчас вот тут, немного пониже, - Ада засмеялась, шевельнув окороками. – А если «ген», то подходит «Богоявленский»...

Я понятия не имела, кто такой Богоявленский. Катя тоже не отвечала, но стоны стали громче.

Я посмотрела на ее крепкое тело, дрожащее на полу перед Адой. И ощутила непонятную зависть к подруге, которая наконец получила давно желаемое, причем никого не насильствовала, не причиняла никому боль... А та же Ада не реагировала на ласки лишь потому, что в ней, видимо, не было даже одного розового штриха.

И, не вполне понимая себя, провела пальцем по Катиной выгнувшейся спине.

Напарница отреагировала мгновенно и так яростно, что я поняла: ей не хватало самой малости, чтобы получить все до конца. Тяжело дыша, она упала на бок и выгнулась на полу, зажала себе руку твердыми бедрами.

Опустив кроссворды, Ада смотрела сверху вниз с ласковой, почти материнской улыбкой.

-...Ну, Адка...- пробормотала Катя, не сразу поднимаясь. - Ты... Спасибо тебе...

Она, кажется, не заметила, что последний толчок дала моя рука.

-...Дорогая - за то, что ты есть на Земле! – мгновенно ответила Ада, не дающая слову заржаветь.

Катя сидела на полу, счастливо раскидав длинные ноги – красная и горячая и обессиленная до такой степени, что оставалось лишь надеяться на некоторую задержку доноров.

- Дурочка ты дурочка, хоть с виду и большая! – кряхтя, Ада приподнялась со стульев и ласково потрепала Катин черный ежик. – Столько терпеть – это же с ума можно сойти! Ну ладно, мне лесбиянства не нужно, я без него обхожусь. Но что – от меня убудет, если я одной своей подруге из двух лучших и единственных дам полизать свою драгоценную письку?! Лижи сколько хочешь – хоть письку, хоть сиськи, хоть попку. Делай со мной что хочешь – можно подумать, со мной еще чего-то не делали эти елбаки, которых я люблю за их пиписьки, но всем другим они мне по письке!

Подруга отуманенно кивала, пытаясь сдвинуть бедра.

- Хочешь еще? Пожалуйста, хоть сразу, пока меня не вызвали. Приятно видеть, что от такой мелочи, как моя писька, ты сидишь довольная, как пиписька!

- Еще... нет... - хрипло пробормотала Катя, наконец поднимаясь. – Я сейчас... как никогда. Из меня уже дух вон. Е***ать-колотить...

Она прошла к столу и дрожащей рукой насыпала себе кофе. Я включила чайник и отодвинула подальше, чтобы напарница не обожглась.

-...Сегодня не знаю как дальше работать... А вот завтра...

- Завтра уже никак, - ответила Ада. – Завтра я уйду.

- Куда – «уходишь»? – вырвалось у меня.

- Как?! – глаза Кати вспыхнули таким отчаянием, что мне стало страшно. – Ты... Но я... И...

- Куда-куда! – добродушно хихикнула коллега. – Ну Кудыкину гору... Критические дни у меня начнутся, вот куда. Неделю перетерпишь еще, если два года терпела?

- Ну ты... - Катя облегченно всплеснула руками. – Так больше не шути! Напугала меня, б***ь...

- Виноват, исправлюсь! – ответила Ада.

Забыв про кофе, Катя поднялась и пошла в душ, по пути ласково щелкнув подругу по носу.

Из нее текло; блестело даже в подколенных ямочках, но это была не та жидкость, которая давно стала для нас привычной.

- Слушай, Кать... А в чем смысл жизни? Зачем ты живешь? – спросила я, глядя на подругу поверх чашки.

Без Ады, неизменно сводящей все разговоры, мы порой затрагивали тут очень высокие темы.

- Тебе сколько лет? – вопросом на вопрос ответила напарница.

Посмотрела на свою вытянутую ногу и любовно огладила колено.

- Ну... сорок три, а что? – без стеснения призналась я. - А тебе?

- Примерно столько же, плюс-минус миллипизер.

Катя перевела взгляд на другую ногу и пошевелила алыми ноготками.

- А то, что вопросы тебя волнуют не на сорок три, а от силы на тринадцать.

Я молча пожала плечами, потом встала к столу:

- Кофе тебе сделать?

После первого эпохального акта, произведенного с Адой, Катя преобразилась. Точнее сказать, ожила.

Ее вечно сжатое лицо разгладилось. В мыслях о своей безответной любовнице она каждый день добавляла что-то новое к своему облику. То поднимала брови, кое-где выщипав, а кое-где дорисовав, то делала простриженные узоры на голове, то приходила по-новому подкрашенная, то заранее надушенная, а вчера по моему примеру сделала педикюр. И я не знала, что она предпримет к завтрашнему событию – выходу Ады.

Это могло казаться смешным, но изменения каким-то образом отразились на ее восприятии стадом похотливых доноров, и последние три дня ее заказывали на разрядку не реже моего. А вчера, усмехаясь уголком рта, она сообщила, что повысила свой личный показатель, причем второй раз это получилось без таблетки.

И новый образ известной вроде бы Кати вызывал у меня непреодолимое желание сделать ей что-то хорошее без всяких причин и во время любого разговора.

Поэтому, не дожидаясь ответа, я подогрела воду, сделала кофе по Катиному стандарту – три ложки с горкой, без сахара и лимона - и пододвинула ей дымящуюся чашку.

А потом, поддавшись все тому же чувству непонятной нежности, наклонилась и поцеловала Катю в лоб.

- Спасибо, - коротко сказала коллега.

Я не успела понять, за что она благодарит: за кофе или за ласку – а Катя, поймав мою руку, притянула к себе.

Это меня не удивило, не испугало и не оттолкнуло. Мое созревание шло удивительно быстро. Я была готова ко всему и ждала лишь позыва, чтобы следовать указаниям.

Но Катя не шевелилась, а только крепко прижимала мою ладонь к своему бедру – к его теплой, упругой поверхности. И я стояла неподвижно, не торопя события.

- Ну и как? – спросила Катя, взглянув на меня.

- Что – «как»? – переспросила я, чего-то не поняв. – Я не знаю, как...

- Да не ты как, а я – как? – она усмехнулась. – Как тебе моя кожа в этом месте? Я купила французский крем и мицеллярную воду, неделю обрабатывала... Стало мягче и нежнее, или нет?

- Ну... я же не знаю, как было! – честно ответила я. – Я же... ну, как тебе сказать... еще не пробовала. У Саши лучше спроси, она твой гляцевый разворот изучила.

- «Разворот»! Вот именно, что разворот! – Катя расхохоталась. – Настька, Настька... Надо так сказать и в точку! Тебя тринадцатилетней обозвала, а сама ради Адки готова себя в узел завязать и мармеладом сверху обмазать!

- Любовь зла, - я философски пожала плечами. – Не ты первая, не ты последняя.

- Любовь не зла, а я вот и есть последняя дура. Ведь знаю прекрасно, что Адке моя неземная красота до лампочки, что ей вообще я с этой точки зрения – до лампочки, она меня терпела только по своей широкой доброте... Но не могу себя в этом убедить. И как дурочка крашусь, помажусь, ногти пилю и все такое...

- Но результат-то есть, - возразила я. – Разве нет? Кто стал кончать по два раза? Разве этого мало? Хотя бы для этого не стоило делать себя красивой?

- Два раза было всего один раз. А красивая я стала не для них. Это все побочно. Я веду себя, как тринадцатилетняя. Еще начала дома по утрам отжиматься от подоконника и на полу махать ногами, чтобы подтянуть живот и накачать попу.

- Так и ты права. И я иногда ощущаю себя так, будто начинаю жить. С того момента, когда начала расти грудь и пришли месячные.

- Как давно это было... - пробормотала Катя, опять погладив себе колено. – Первые месячные, скажешь тоже... И с нами ли?

- Знаешь... - продолжала я, ощутив небывалую потребность выговориться. – Была одна жизнь настоящая – когда все шло своим чередом. Именно и груди и месячные и все прочее... Родители, замужество, сын, развод, размен... Потом одна, куча любовников... Ну не куча, но все-таки не два и не три и даже не десять...

Катя слушала внимательно, даже не трогая свой кофе.

-...А потом все рухнуло. Не сразу, конечно. Но как-то незаметно и любовники рассосались и само желание их около себя держать пропало. Остался только сайт знакомств с ловцами бриллиантов, на котором я уже не пойми что делала. Я думала – все, конец. В тот вечер, когда пришло письмо от Оксаны, я уже почти всерьез намеревалась закрыть все аккаунты, оторвать у стула сиденье и плести на нем макраме. И тут рояль в кустах...

- Какой... рояль? – не поняла подруга. – Ты еще и на рояли играешь?

- Да нет, - я усмехнулась. – Играла я только на флейте... да и то которая у доноров в штанах. Это я так, к слову. Появилась «Астарта» и все пошло по новой с нуля, словно опять стало тринадцать. Первый мужчина, первая работа, первый оргазм и так далее. Но теперь...

-...Девчонки, извините, что нарушаю ваш междусобойчик, но... надо работать!

Саша – в чулках и при звездах, как всегда – покачивалась на каблуках в дверном проеме.

- Кто там по графику? – спросила Катя. – Не помню, кого из нас имели последней?

- Пока Настя, - начальница погладила свою расплывчатую татуировку. – Кто потом – не знаю.

- Кать, я в душ и пошла, - сказала я, нехотя поднимаясь. – Вернусь – договорим?

Я была уверена, что напарница предложит меня помыть... и, кажется, даже хотела этого. Но Катя не двинулась с места, только взяла чашку.

- Договорим, конечно, - ответила она, сделав большой глоток. – Удачной работы, Настька!

Определенно Ада заняла все ее мысли и чувства, это стало ясным окончательно.

Сеанс прошел незаметно: по какой-то причине настроение мое не оказалось подходящим для удовольствий, я не стала ничего предпринимать, хотя сегодня с утра работала вхолостую. Я позволила донору поставить меня на четвереньки – самую бессмысленную из всех поз, в которой я никогда не ощущала ничего, кроме неприятных шлепков своих резервуаров друг о друга – и стояла так пятнадцать минут. Глядела в дрожащую светло-зеленую стену цеха и думала непонятно о чем. Но во всяком случае не о том, что в моем половом органе движется парный орган мужской и теоретически сам факт должен приносить мне удовольствие.

Я так погрузилась в невнятные мысли, что очнулась лишь когда поняла, что во мне уже ничего не движется, а стена перед глазами стоит неподвижно.

Потянувшись, слезла с кушетки, лениво прошла к ресепшн.

- Кого? – спросила я, расписавшись в журнале. – Надеюсь, тебя, а не меня?

- Катюшу, - ответила Саша. – Она теперь пользуется большим спросом, не могу только понять, как они малявы друг другу передают... Позовешь ее, а то мне идти влом?

- Конечно позову, - я кивнула.

И пошла в нашу комнату, слегка раздосадованная тем, что блудливый донор выбрал не Сашу, а мою напарницу, и мне придется ожидать продолжения разговора.

Я не стала принимать душ, потому что не разгорячилась даже на градус, а пятнадцатиминутное пребывание мужчины в своем теле давно забывала через минуту после сеанса.

Сев за стол, я сделала себе кофе и смотрела в цех, где в одном из боксов сверкали новенькие ногти на Катиных ногах, взлетающих к потолку: этот вариант был излюбленным и для нее и для тех, кто с ней разряжался.

А еще через пару минут моя напарница: потная, горячая и одновременно расслабленная - вернулась к столу.

- Вот такая я б***ь, - она вздохнула. – Сама себе удивляюсь. Но Адка далеко, а донор близко, и одно другому не мешает... По крайней мере, мне так пока кажется.

Катя взяла чашку с кофе, еще не успевшего до конца остыть.

- Так что ты хотела мне сказать?

- Вот что... - я провела рукой по лицу. – Это покажется тебе смешным, но... Ты мне много чего рассказала о себе, я тоже тебя не боюсь... Ну не так выразилась – не «не боюсь», а просто надеюсь, что ты меня поймешь и не будешь смеяться.

- Не буду, - подтвердила подруга. – Даже не надейся.

- Так вот... Ты не поверишь, но в детстве я вела дневник...

- Ты не поверишь, но и за мной был такой грех, - Катя невесело усмехнулась. – Мы с тобой, Настька, обе были девочками из приличной семьи со всеми вытекающими последствиями. Хотя семьи у нас самих не последовало.

- И обе мы давно уже не девочки, а свою как бы приличную семью я по ряду причин даже вспоминать не хочу.

- Я тоже. Но не будем об этом.

- Ну так о дневнике... Какое-то время, когда я только научилась читать и писать и вся жизнь казалась сплошной сказкой про принцесс, я вела даже его с удовольствием. Записывала всякие важнейшие события...

- Знакомо...

-...Сколько точек было на божьей коровке, которую я нашла на кухне, как пиццала синичка за окном и какой ширины была кружева на платье, которое я пыталась сшить для куклы. А шила так: клала ее на два слоя ткани, обводила контур, сшивала по краю – а потом удивлялась, почему Люся в это платье не лезет.

-...И у меня, можешь себе представить, тоже была Люся...

Катя проследила за большой мутной каплей, которая выползла из нее, шлепнулась на пол и образовала лужицу с пузырящимися краями.

-...Толстощекая и белобрысая, как Адка...

- Нет, моя Люся была высокая и стройная, - я вздохнула. - Как ты.

- У нас с тобой была разные Люси, - сказала Катя, взяв со стола ватный диск и вытирая сиденье стула. – Но результат получился один и тот же.

- Увы. А потом все эти птички и бабочки куда-то ушли. Стала писать не о том, что происходит, а о чем я думаю. Начались письма Татьяны о том, почему мне нравится Леша и чем он лучше Гоши, хоть и не дотягивает до Вити...

- И это так. Кстати, первого и третьего моих мужей звали одинаково... так же, как и моего мерзкого братца – Викторами...

- А второго? – поинтересовалась я.

- Его имени даже вспоминать не хочу, оно для меня нецензурно. Игорь, мать его вдоль и поперек. В сорок лет молодился, как ср***й тинэйджер.

Сзади отпускал битлы, спереди выщипывал челку, ставил брэкеты, носил джинсы «слим» с яйцами, как у страуса. Прицеплял к поясу сумочку для мобильного и она болталась у него на х***ю. И сам был х***й на ножках. Именно на ножках, не на ногах – он был ниже меня ростом. Редкостный придурок и уж точно самый большой негодяй, какого я знала. Но обладал харизмой, смотрел бархатными глазками, говорил вкрадчивым голосом и трогал шелковыми ручками. И на него велись все подряд, пока не начинали понимать, какой он п***дотрадалец. Я оказалась самой большой дурой и ухитрилась за него выйти. Потом слышала, что он не то обольстил кого не следовало, не то кого-то прокинул в бизнесе... в общем, вроде бы наконец остался без х***я, а это для него конец жизни...

Я покачала головой, не зная, как комментировать откровения Кати. такой вроде бы разумной и знавшей себе цену.

- Извини, Настька, - спохватилась она. – Что-то я стала сильно материться, но этот недомерок иных слов не заслуживает.

- Не извиняйся, - ответила я. – Я твоего Игоря не знала, но поверь – почти все мои мужики заслуживают того же, просто у меня не хватает словарного запаса.

- Надеюсь, этому мерзавцу сейчас хотя бы икается... Ну его нах, давай дальше про свой дневник с Люсями. И про своих Витей.

- Да дальше ничего и нет, Люся куда-то потерялась, Леши-Гоши и прочие Вити пошли хороводом и было уже не до дневников. Я про то давно забыла, сейчас вдруг вспомнила. И вот пришло в голову: а если бы я сейчас снова взялась, то что бы там написала? О том, что вчера меня трахнули четырежды за деньги? в первый раз я сумела положить его на меня, но у него были пирсинги в сосках, он меня царапал и тем отвлекал от ощущений? во второй меня драли раком и у меня чуть не оторвались груди и мне три раза задели матку, которая потом болела полчаса? зато в третий я сумела все организовать, несмотря на то, что он трахал меня, стоя на руках – сама себе догнала пальцем клитор и кончила ровно на седьмой минуте сеанса и потому деталей четвертого не помню, мне уже было все равно? И что еще два раза меня имели бесплатно разными способами, включая оральный – кроме анального, который не прописан в моем контракте? Что я мечтаю достичь совершенства и научиться кончать во время «разрядки», потому что в раннюю эпоху своей сексуальной жизни любила сразу после оргазма выжать из себя еще горячую сперму, обмазать ею груди - и потом лежать, чувствуя, как она высыхает и стягивает меня корочкой? Ну или для начала хотя бы научиться кончать на четвереньках, чтобы в момент оргазма не видеть морду того вонючего кобеля, который на меня взобрался?!

Катя сочувственно повела головой.

- И если бы этот мой новый дневник попал кому-нибудь в руки, то человек прочитал и ужаснулся. И мне самой стало страшно. Ведь так оно и есть! Как я живу сейчас? Ведь кто-то живет иначе! Люди ходят на нормальную работу! И живут нормально – встречаются с друзьями, ходят в театры, еще чем-то занимаются... А у нас – только один сплошной трах, трах

и трах, ничего кроме траха, вчера был трах, сегодня мы сидим в перерыв между трахами и завтра не будет ничего кроме траха ...

Я замолчала, сунула в рот печенинку и прожевала, не чувствуя вкуса.

- В детстве я читала книжку... Когда меня перестали интересовать книжечки про принцесс, и...

- Тоже знакомо, - кивнула Катя. – Признаюсь честно... Я когда еще в поликлинике работала, то разговаривала по телефону, а сама на рецепте рисовала принцесс.

- А я нет. Отпринцессилась еще до замужества. Ну так вот... Когда что-то такое стало интересовать, потянуло меня к другим книжкам. И вот попалась мне одна повесть про публичный дом... Не помню кто автор, даже название было оторвано – помнишь ведь, как тогда с книжками было...

- «**Яма**», наверное? – догадалась Катя. – Не читала – врачи вообще ничего не читают, кроме истории болезни. Фильм смотрела, не так давно. По Чехову, кажется... но я могу ошибаться.

- Так вот... Помнишь, как там жили проститутки? Трахались круглыми сутками, только трах и видели. Одна была вроде нашей Ады – жила сексом, сама получала в сто раз больше, чем те, кто ее трахали... потом от всего этого сошла с ума.

- Адка с ума не сойдет, она железная. А вот у Таньки, на чье место тебя взяли, в самом деле крыша съехала.

- Ну неважно... - я отмахнулась, не заинтересовавшись своей предшественницей. - Но они там были подневольные, без паспортов и так далее, им было некуда деться. И все равно кто-то к чему-то стремился. А мы сюда пришли сами и нас тут никто не держит. Но сидим и трахаемся хуже, чем в той самой яме...

Катя посмотрела в окно так, будто там было можно чего-то увидеть

- Тебе смешно?

- Нет, не смешно.

Напарница поднялась, взяла остатки своего кофе и мою пустую чашку и пошла в санузел – я невольно проводила взглядом ее высокую стройную фигуру, которая теперь казалась даже хищной. Придя с чистой посудой, выплеснула остатки старой воды в драцену, набрала свежей из кулера, поставила греться.

Шагнула на середину комнаты и остановилась перед зеркалом.

Посмотрела на себя анфас, обернулась спиной, заглянула через плечо. Затем повернулась боком и, скосившись, изучила свой профиль. Взяла в две пригоршни свою грудь, сделала ее почти выдающейся. Охлопалась сзади, подхватила ягодицы. Опустила руки, выпрямилась изо всех сил и втянула живот, хотя втягивать было нечего. Вытянула ногу, поиграла сверкающими пальцами. Встала на цыпочки и подняла руки над головой, став чуть ли не вдвое выше.

Оторвала одну ногу от пола, согнула перед собой и сделала молниеносный пируэт...

Щелкнул чайник, сообщая о готовности заварить свежий кофе.

Мгновенно сделавшись прежней, вернулась к столу, сделала две чашки и села в любимой позе – вытянув по подоконнику одну ногу и глядя на меня тем своим местом, которое не волновало Аду.

- Великовозрастная дура, – сказала она, грустно взглянув на меня.

- А выглядело очень красиво, - возразила я. – Я так не умею.

- Ты не поверишь, но в детстве я занималась хореографией, пока не начала слишком сильно расти.

Я улыбнулась.

- Говорят, подавала надежды. Жаль, не подала...

- Жаль, да, - согласилась я.

- Тем более, все балерины лесбиянки.

- Но ты же все-таки «би» - я улыбнулась еще раз. – А не полностью розовая?

- «Би» - это, наверное, просто промежуточный этап на пути к полному совершенству цвета.

- Даже так?

- Даже.

Катя отпила кофе и поставила чашку на стол.

- Ну а если серьезно... Ты, Настя, затронула серьезную тему.

- А я все-таки думала, что ты будешь смеяться.

- Неужели ты думала, что если я работаю в «Астарте», где мы совокупляемся как жрицы той самой Астарты, только не на грядках, а на кушетках, то в моей голове не осталось никаких мыслей? И я просто ходячее влагалище, как...

- Как Ада! – невольно подсказала я и тут же осеклась – Ой, извини, Катя, я не хотела... Я...

- Не извиняйся! – напарница подняла руку. – Я же говорю, не дура. И если мое тело извращенно запускает третий основной инстинкт при виде Адки и у меня горит *glans clitoridis* при одной мысли о ее *ostium vaginae*, то мое сознание не забывает, что все есть лишь временное помутнение рассудка. И на самом деле Адка есть то самое ходящее влагалище, живущее от пениса до пениса. И тем она счастливее всех остальных вместе взятых – нас с тобой, по крайней мере, уж точно. Кроме мужчин ей не надо ничего вообще.

- Сейчас, может быть, и счастливее, - согласилась я. – Но что будет, когда состарится?

- Такие, как моя... наша Адка, не старятся. Она и в гробу раздвинет ноги и кого-нибудь затащит к себе, извини за мрачную шутку... Медицински она называется нимфоманкой, но на самом деле так любить мужчин может только женщина, всю жизнь проходившая в невестах. Замужество эту нимфоманию рукой снимает. Ты не согласна?

- Пожалуй, согласна, хотя твоими опытами не обладаю. Но зато я успела вкусить еще, как говорят, «сладость материнства»... чтоб им всем подавиться этой сладостью!

- Совершенно верно! Я ее не вкусила лишь потому, что перед каждым из своих разводов успела вовремя делать аборт...

Я помолчала, размешивая сахар в остывающем кофе.

- Но можешь себе представить – все три раза я выходила замуж по любви. Хотя с каждым разом ее запас оставался все меньше...

- А вот у меня этот запас кончился уже во время первого, - я вздохнула. – А наши с тобой семьи, к сожалению, были именно слишком приличными, чтобы мы изначально нацеливались на брак по расчету, как то делают нормальные люди.

- Да уж, - Катя кивнула. – Вбивали нам в головы – «любовь», «любовь» и еще три раза сбоку «любовь». Мать ее через жопу три раза... А на самом-то деле для нормальной жизни от этой хЕровой любви никакой пользы, кроме вреда.

- Что доказали наши с тобой замужества, - согласилась я.

- И вообще... Я говорила тебе как-то раз, что любой серьезный секс бисексуален – но это относится только к телу, на какой-то момент помутнения рассудка. А вот в душе все куда глубже и не обязательно требуется слишком бурная половая жизнь и так далее. Замужество любую женщину толкает в лесбиянство... ну по крайней мере, среди как бы русских уродов. Ты знаешь... раз у нас идет час откровенностей и козлы где-то застряли рогами в заборе... Хочешь, расскажу, как я все это поняла, еще до нашей «Астарты»...

Катя опять посмотрела на свою ногу и погладила колено.

- Конечно хочу, - вставила я, хотя в поощрении необходимости не имелось.

- Однажды мы хорошо сидели с подругой. Я только что развелась в третий раз, она была еще замужем, по какой-то причине не могла в тот момент развестись. Муж улетел в командировку, мы встретились у нее, напились до оп***денения... Сама не помню, как обнаружила, что я стою на полу, а она меня трахает искусственным членом, анальным способом. И самое главное, что мне это не было противно, я испытала оргазм и снова отключилась. Утром нашла себя уже в постели, Анжелика целовалась и каялась. И призналась, что когда пристегивает к поясу пластиковый пенис и трахает в зад все равно кого из подруг, то представляет, будто унижает своего мужа...

- А было за что? – невольно спросила я.

- Думаю, что было. Хотя бы за привычку драть Лику во время менстру по пять раз на дню. Как она выражалась, его кровь сильно «втыкала», как будто он ее вновь и вновь дефлорировал.

- Не знала, что существуют такие гориллы, - я вздохнула, интуитивно поняв незнакомое медицинское слово. – При всем своем опыте. Меня-то мой только беременную трахал до последнего, потому что было можно без презера кончать в меня сколько угодно. Правда, с седьмого месяца – только сзади и на боку. В последний раз в меня спустил и повез в роддом.

- И не такие существуют... От своих фантазий Личка доходила почти до оргазма, но для завершения ей требовались оральные ласки, а я накануне была уже никакая. В общем, мы обработали друг друга уже по-человечески и с полным взаимным удовольствием. Я прожила с ней целую неделю. И была счастлива, как никогда. Мне было ничего не нужно, кроме Анжелики в постели – и мы из этой постели вылезали только пописать да чего-нибудь пожевать.

Катя замолчала и двумя руками огладила себе бедра – от колен, снизу вверх, до живота.

- И ты понимаешь, мне было... извини за выражение, наср***ть – даже не наплевать именно наср***ть! – на все вокруг.

- Понимаю, - призналась я. – У меня был один мужик, которому я говорила: *«хочется отрезать твой член, засунуть в себя и ходить так, ничего большего мне не надо»*...

- Мне с ней было отлично, она от меня просто таяла – ты мою фигуру видишь, сзади я ей казалась мужиком. Мы с ней встречались до тех пор, пока я не пришла работать сюда и у меня не стало свободного времени.

- Да...

Я вздохнула, пытаюсь представить себе Катю, стоящую на четвереньках, и какую-то женщину, пристроившуюся к ней сзади.

Картина получилась живой и... убедительной.

- А что теперь эта твоя Анжелика? – спросила я.

- Личка в Италии. Развелась со своим уродом мужем, уехала туда уже не помню как, вышла замуж за итальянца, осталась. Сейчас развелась и с тем, радуется жизни при местном гей-клубе как буча. Хотя на самом-то деле она универсалька, только с садистским уклоном.

- Как кто? – не поняла я. – И при чем тут геи?

- Как активная лесби. А гей-клуб у них – общее пристанище для всех меньшинств. Мы переписываемся, она зовет меня в гости.

- Так что же ты не съездишь?

- Знаешь, Настька, если честно – не тянет. Личка меня только подтолкнула, на самом деле эта грубость и насилие и все прочее... не для меня. У меня желания чисто лесбиянские, в задницу меня и мужчина может отодрать... Как и дерут на разрядке - это не то, что мне нужно на самом деле. Я Сашку нашла, она совсем другая, нежная и ласковая, ты же видела, как у нас с ней все негрубо

- Видела, да, - подтвердила я. – Очень негрубо и приятно посмотреть.

- Вот именно. А теперь вот Адку наконец получила – и поняла, что мне вообще ничего не надо, только кому-то *labiua minorum* поцеловать и испытать влаги из источника, говоря высоким слогом. Хотя из этой дыры прокатиться в Италию, если приглашают, было бы не совсем уж плохо.

- Так съезди, кто тебе мешает? Возьми отпуск... или справку добудь у гинеколога. Вроде как таблетки кончились, купить не собралась, в днях сбилась, после разрядки опомнилась, пришлось срочно пить *«постинор»*,

который как любая нормальная женщина всю жизнь носишь с собой, да и растеклась на две недели с лишним... Ну не мне тебя, врача, учить!

- Именно, что меня как бы врача тебе и учить, - усмехнулась Катя. – Я, например, понятие не имею, что это за постинор... Но не в том дело. Разобралась бы как-нибудь и с Шаниным, но у меня на Италию денег нет.

- Нет?!

Я не просто изумилась - я всплеснула руками и округлила глаза, вспомнив свое расчетные выписки, которых еще и было всего две, а Катя провела тут целых два года.

- У тебя что, другие расценки?

- Те же самые и, может быть, даже повыше твоих, по выслуге. Просто у меня есть цель. Поближе, чем Италия, но гораздо более серьезная.

Я молчала. Слова о цели в нашем вертепе узаконенного разврата звучали дико. Сама я ни о каких целях не задумывалась, просто жила по быстро возникшей инерции именно *«от траха до траха»*. Но, похоже, моя коллега, лишь сегодня раскрывшаяся до самого конца, была еще глубже, чем мне уже казалось. И оставалось лишь сожалеть о том, что такую подругу я встретила слишком поздно – когда для душевных бесед остались лишь какие-то даже не часы, а минуты между моментами, когда одну из нас позовут раздвигать ноги...

- ...Я кино люблю до жути, купила себе в комнату телевизор с интернетом и смотрю перед сном. Был один сериал, про необитаемый остров – начало хорошее, потом погнали всякую чепуху и я даже досматривать не стала. Но помню, там была песня: *«Почему ты здесь и кто ты здесь есть»*? Знаешь?

- Нет, - призналась я. – Телевизор включаю редко. До того, как попала сюда, читала книжки, потом несколько лет все вечера шарилась по сайтам знакомств, а теперь уже вообще ни на что нет сил. А что это за остров? Какой?

- Остров – место нашего нынешнего обитания, - сказала подруга, обведя рукой вокруг себя. – И он на самом деле необитаемый, разве что дикари время от времени спрыгивают с пальм. Имеют нас и забираются обратно.

- Слушай, Кать, а ведь верно! – сравнение показалось мне точным. – Именно на острове! Кто-то где-то ходит, о чем-то думает, куда-то стремится, и так далее... А от нас все – как от жопы до Луны. Хотя и сидим мы за глухим окнами всего на втором этаже.

- На самом деле даже на первом, - Катя криво усмехнулась. – Просто мы сюда попадаем со стороны центра, а по пути ОПН... ну, отделение патологии новорожденных роддома – такой закрытый блок, через него прохода нет, приходится по лестнице сначала вверх, потом вниз. А тут окна со стеклопакетами, снаружи ничего не слышно, плывем на небесах. Ну так вот... Хлопнем еще кофейку, пока нас не сорвали?

- Давай, - согласилась я. – Только чур теперь я тебя обслуживу!

- Эх, Настька, Настька! – улыбалась подруга, наблюдая мою возню над столом. - Было бы свободное время, встретиться бы нам с тобой не здесь и хлопнуть бы не кофе... Ты что больше любишь, водку или коньяк? Или виски, хотя ты вроде и не из современных дур московского разлива?

- Ни то, ни другое, - ответила я, насыпая заварку. – С определенных времен после некоторых последствий я вообще перестала пить. Но встретила бы с тобой с радостью. И...

Я улыбнулась.

- Обработала бы тебя, хоть и нет пристяжного члена. Но постаралась бы... Чисто по-дружески, без всяких намерений.

- Спасибо, - Катя улыбнулась в ответ. – То была моя ошибка немолодой молодости. Сейчас у меня, кажется, нашлась Адка и стало ясным до конца все, что мне требуется. Но возвращаясь к разговору о судьбах всего человечества... Наша женская половина которого бы, кстати, на девяносто процентов позавидовала нам. Удовлетворяемым и накачиваемым мужскими гормонами регулярно, без готовки, стирки и подтирания носов – этих атрибутов женской сексуальной жизни в условиях законного брака - и хождения по *библиотекам*... Я не о том. Вот «*кто ты здесь есть*» – кто мы все здесь – это ясно без слов, кроме матерных. А «*почему ты здесь*»? Вот ты, Настька – почему?

- Я... - пожав плечами, я даже задумалась. – А вот пёс его знает. Если разобраться, то нипочему, просто так. Как я сюда попала? Да от отчаяния... Нет, не от отчаяния – я же говорю, от нечего делать. Кем я была в жизни? Ну инженером в одной конторе. Работу свою не любила... такую работу любить было не за что – но получала достаточно. Походя ссорилась с родителями, выходила замуж, рожала сына, ссорилась с мужем, разводилась, ссорилась с сыном... Осталась одна в своем доме, потеряла ту работу, находила новые – такие же тупые, но без денег... Перед тем, как меня прибило к этому острову, опустилась уже до ЖЭУ, но еще шарилась по сайтам, которые до сих пор не могу забыть. Потому что хоть и перебрала к тому времени свою сотню мужиков, но у меня все еще – как сказала бы Ада – «*в письке зудело*», пусть даже теоретически. Приглашение пришло случайно, приехала сюда оттого, что тупее, чем в этом ЖЭУ, не могло быть вообще нигде... И что мне теперь надо? Все мои запросы на счастливую жизнь исчерпались. А здесь в общем хорошо, если не думать ни о чем лишнем. Кормят, трахают, платят деньги ... которые мне в общем не очень и нужны. Вот подруг новых нашла. Тебя особенно...

При последних словах я взглянула Кате в глаза.

- Спасибо, - просто ответила напарница. – Я тебе ничего хорошего не сделала, у тебя еще все впереди – но доброе слово и кошке приятно. А вот у меня цель вполне определенная.

Она нахмурилась, сразу став похожей на прежнюю жесткую Катю

- Я коплю деньги на квартиру. Больше не могу жить со своим п***дорванцем братом, его женой и их сыном – двадцатипятилетним дебилом, которому покупают диплом экономиста в то время, как он каждую

ночь до утра лупится по интернету в японские аниме для умственно неполноценных. Я уже давно не могу так жить. И вообще как вернулась в этот дом после последнего развода, так и начала медленно умирать. В поликлинике платили уже гроши, ипотека мне не светила. Я искала новое место работы – все равно какое, пусть самое радикальное, лишь бы что-то зарабатывать. Сюда меня, кстати, направила та самая моя итальянская Личка. Ей про «Астарту» рассказал какой-то мужчина из времен, когда она еще не начала лесбиянничать. Спать она с ним давно перестала, но дружба осталась. А у того ее друга был друг-сосед, а у соседа сын лет девятнадцати, который уже не помню как попал в доноры. В те времена тут еще все только разворачивалось, осеменяли одну Адку, да еще Сашка была на подхвате. Этот сын соседа друга моей подруги от нашей нынешней начальницы узнал про планы Шанина и все условия, приятель предложил Анжеличке – но ей на мужчин уже и за деньги было смотреть тошно, не то что с кем-то в койку. В общем, она мне рассказала, я сюда пришла, и... понеслось. Мне в общем почти понравилось, и мои задатки тут расцвели пышным цветом.

Я смотрела на коллегу с возрастающим уважением.

- Платят тут очень даже хорошо. На себя почти не трачусь: кормят прекрасно, а из одежды два года ношу один и тот же брючный костюм...

- Я видела, - вставила я. – Большого нам тут и не надо.

- Вот именно. И я своего добьюсь. Куплю себе уютную квартирку. Недорогую, на окраине, но в зеленом местечке, и чтобы какая-нибудь речка во дворе и утки под окном круглый год... У нас есть такие районы, все время строят что-то новое. Я сделала анализ цен и подсчитала все перспективы, даже с учетом повышения. Мне надо проработать тут еще два года. Всего два года, ни неделей больше – и я окажусь в своем доме. Через четыре месяца хватит денег вступить в долевое участие. Это дополнительная гарантия всего, и, кроме того... Я буду еще тут, но в тот момент, когда меня будет еб***ть какой-нибудь козел в вонючем презере для педерастов – или я буду принимать в рот у него же, только без презера - в этот самый момент кто-то будет строить мою квартиру. Понимаешь? И это поможет мне дожить. А ровно через два года уволюсь отсюда к е***ням и устроюсь штатным педиатром в детский садик где-нибудь в своем квартале...

- Ты – в детский садик?! – я не удержалась, взглянув на обнаженную, непристойно раскинувшуюся Катю.

- Да, а что? – ответила подруга, по-своему истолковав мое изумление. – Я все просчитала *ab origin* до самого конца. Врачебный диплом сохраняется, если перерыв стажа не более пяти лет, а у меня получится всего четыре. Я уже полностью определилась. Я знаю, что мне надо для счастья и полной гармонии в семейной жизни и я это себе обеспечу...

- Кать, ты что? – я всплеснула руками. – Ты так расслабилась, что после своей неудачной троицы решила, что изба не строится без четвертого угла?! Сама же сказала...

- Сказала, да, - она улыбнулась. – И угол будет. Четвертый и последний, но не прямой. Мне Адка полностью раскрыла глаза на меня саму.

Ты не смотри, что я как дура крашусь и помажусь... в самом деле как дура, но кто из нас не дура, когда в одном месте свербит! Я прекрасно понимаю, что Адка – чистая натуралка, ею и останется. Я ей на х**й не нужна, она мне дала лишь от широты своего доброго сердца, и что эта широта не беспредельна и я ей надоем, потому что ей самой все такое безразлично. Но зато я поняла, что мне нужно – понимаешь? Поняла! Вот тут отработаю, всех их нах***й пошлю, а утром следующего дня пойду к пластическому хирургу, чтобы он мне п***ду зашил, и больше ни одного мужика во мне не будет. Я найду себе такую же, как Адка – ну, толстую, белую и веселую, только универсалку. И мы будем жить дружно и счастливо... и умрем в один день.

Я улыбнулась; когда-то эта формула казалась мне символом.

-...Уволюсь отсюда – волосы отпущу. Ты не представляешь, какие они у меня густые...

- Почему не представляю? – возразила я, глядя на ее черный ежик. - Очень даже представляю. И...

- Да нет, ты не поняла, - Катя махнула рукой. - Я не эти волосы имею в виду, а эти. Знаешь как они растут? Две недели не побрею – и уже джунгли... Лучше, чем у Оксанки – у нее просто жесткие, у меня густые.

Она провела ладонью по животу.

- А откуда ты знаешь какие у Оксаны? – спросила я, вспомнив, как мы втроем обсуждали «небритую письку» секретарши. – Ты что... и с ней тоже?

- Знаю уж... - подруга криво улынулась. – Только вспоминать не хочу... Сашку нашла, и то ладно. Но к Адке долго боялась подступить – она не Оксанка, не озабоченная, вполне адекватная. Если бы не ты, так бы и маялась своей кошачьей страстью.

- А при чем тут я? – я искренне удивилась.

- При том. Я к тебе в душе приставала – помнишь?

- Не приставала, - возразила я. – А очень нежно меня мыла и помогала снять стресс.

Вспомнив те мгновения, я поняла, что телу моему тогда было приятно, хотя голова не впустила эти ощущения глубже самой поверхности.

- Ну неважно... Главное, что ты не оттолкнула, да и Адка нас увидела и ничего не сказала против. Ну я и решилась наконец, и все у нас... у меня получилось. Благодаря тебе.

- Да ну тебя, мне неловко слушать.

- Нет, Настька, правда! Ты же не знаешь, что у нас было, пока третьей была не ты, а эта драная вобла Танька! Вспоминать не хочу. А ты пришла – и все по маслу пошло. А почему? Да потому что ты – такая.

- Ну да, - я усмехнулась. - Титькой размахнусь – и наповал с одного удара.

- Да нет... я серьезно. Душа у тебя – широкая и глубокая.

- И влажная – как Адина писька. Будет тебе...

- Нет, я же говорю. Ты даже не представляешь, какая ты есть на самом деле!

- Представляю, - возразила я. – Прекрасно знаю, какая я есть. Недобрая, черствая и... неудобоваримая.

- Это ты сама решила, или тебе сказали?

- Ну... - я пожала плечами. – Какая разница? И если бы один...

- Сами они козлы с х***ями переваренными, кто тебе говорил, - Катя взмахнула рукой. – На самом деле ты...

- Ладно, Кать, - я перебила подругу. – Хватит славословий в мой адрес. Еще поверю и возгоржусь. Лучше скажи, зачем ты свою драгоценную письку хочешь отрастить?

- А, письку... - напарница снова по-хорошему оживилась. – Писька – как Адка бы сказала – она и в Африке писька. Отращу как следует. Сделаю себе интимную стрижку. Видела в инете, у меня будет еще лучше. Горы, над ними луна, а на переднем плане сосна - кудри оставлю, как будто ветки пушистые...

Я с трудом подавила улыбку; я знала, что прически для причинных мест никогда не выходили из моды, но не представляла, что умная со всех точек зрения Катя может по-тинейджерски загоняться насчет такой чепухи.

-...А в лучшие дни на чисто выбритое небо буду приклеивать звездочки из стразов...

Видимо, я все-таки не смогла сдержать эмоций, потому что подруга встряхнула ежиком и продолжила:

- Гляди на эту сорокалетнюю дуру и смейся... Вот завтра Адка с красных дней вернется и у меня башню снесет. Самой смешно слушать, как я тебе эту прекрасную жизнь расписываю. Но... Но могу же я хотя бы помечтать, что когда-нибудь поживу, как мне хочется, если сейчас хочется именно этого? Или нет?

- Можешь, конечно, - ответила я. – Тем более, ты этого заслужила.

- Как и все мы тут... И меня не интересуют ни судьбы прогрессивного человечества, ни будущее всего мира, пока для меня весь этот мир сосредоточен в том месте, где сходятся мои срамные губы. И это кажется нормальным.

- И это в самом деле нормально, - поддакнула я, хотя время от времени в том сомневалась.

- А что будет через двадцать лет и какие у меня тогда будут интересы - через двадцать и посмотрим.

Катя замолчала, взглянула в слепое окно и добавила изменившимся голосом:

- Если, конечно, проживу здесь ближайшие два.

- Кать... - проговорила я. – У меня есть... Ну пока еще не очень есть, но будут деньги. Мне уже почти ничего не нужно, честное слово! Выше головы хватало даже того, что имела в ЖЭУ. Давай я тебе помогу, чтобы ты смогла раньше выбраться отсюда и зажить в своем доме своей новой жизнью, а?

- Нет, Настя, - подруга покачала головой. – Спасибо тебе, но не надо. Каждая из нас должна пройти свой путь сама, иначе потом не будет никакой

радости. И кроме того, поверь – это сейчас тебе кажется, что ничего не нужно. На самом деле не так. Ты тоже найдешь себя - откроется второе дыхание и ты увидишь свет. Честное слово, так будет! Хотя бы потому, что я этого очень хочу для тебя.

- Но давай, я хотя бы...

В глазах моих встала картина: самодостаточная Ада с кроссвордом про штангенциркуль в руках, припавшая к ней Катя и ее невыносимо красивая задница...

- Все мужики – козлы? – отгоняя видение, провозгласила я.

- Винторогие! – согласилась Катя.

- И с левой резьбой.

Напарница кивнула с выражением полного счастья на просветлевшем лице.

- По-дружески! – спросила я, выйдя из-за стола и склоняясь к ее губам

- И никак иначе, - ответила подруга, подняв голову и не позволяя мне больше говорить...

Где-то за моей спиной в цехе простучали Сашины каблуки. Похоже, она не решалась нарушить наш пылающий поцелуй.

-...Грудь мне... пожалуйста... поцелуй... чисто по-дружески...

Пытаясь восстановить дыхание, Катя облизнула губы.

- Ты рассказывала про какой-то спиральный метод. Покажи, пожалуйста, хочу понять, что при этом можно почувствовать. Вдруг пригодится. Потом пригодится...

Я взялась за Катю так, как когда-то обрабатывали меня мужчины, которым я была безразличной не только в те моменты, когда они вставляли в меня свой половой орган. Обошла ее грудь по кругу – тело подруги выгнулось, а объект, как будто увеличившись, подался ко мне и просил еще, еще и еще. Женские соски всегда казались мне увеличенной копией мужских – но дойдя до центра спирали, я поняла, что это не совсем так. Точнее – совсем не так. Вкус оказался неожиданным и очень нежным.

Во мне самой вдруг всколыхнулось нечто.

Именно нечто – напоминающее тяжесть в нижней части живота, когда-то привычную при прикосновении к желанному мужчине – но наполнившее все мое тело. Ставшее жарким и томным и толкнувшее в голову единственное желание: обнять крепкое тело Кати, притиснуть к себе и не отпускать уже больше никогда.

Никогда, никогда, никогда...

-...Ну все, все... Все, хватит, Настька... - пробормотала Катя, мягко расцепляя мои руки на своей спине. – Настюшенька, хватит уже... Ненасытная... Я, кажется, все поняла. Хватит, а то сейчас заведусь и потом не смогу работать.

- Извини, погорячилась...

Выпрямившись, я провела ладонью по лбу.

Кажется, пришла в себя – но между ног у меня стало горячо. И липко, как никогда не бывало прежде.

- Спасибо, Настька. Мне понравилось, буду использовать... - Катя двумя руками огладила грудь. - Нас что-то забыли. Пойду проспρινцуюсь не торопясь, пока не вызвали на кушетку.

- Думаешь, тебя?

Я потянулась и поймала Катину руку.

- А какая разница... Тебя или меня – никто не знает, кого из нас вызовут первой. Все равно придется готовиться.

- Может... вместе?

Я сказала последнее слово – всего одно слово – и почувствовала, как меня бросило в жар. Точнее, не почувствовала: даже моя рука, не отпускающая смуглое Катинo запястье, стала красной, словно неразделанный хвост уже сваренного омара.

- Насть. Если мы пойдем туда вместе, то обратно уже не выйдем.

Катя наклонилась ко мне и прижалась ко мне всем телом.

Я притянула к себе за обе руки и уткнулась куда-то, задохнувшись от запаха ее подмышек...

- Все, все-все, Настька...

Катя оттолкнулась от меня.

Я обернулась к ней. Никогда в жизни ни одного из семидесяти пяти мужчин, имевших меня... равно как и ни одного из трехсот, которых хотелось иметь мне, я, кажется, не хотела так, как хотела сейчас свою подругу.

- Настя. Настя...

Я закрыла глаза, чтобы хоть несколько секунд не видеть этого чудесного, смуглого и стройного, единственного на свете и до судорог желанного тела.

Ведь я сама еще не понимала себя, а Катя уже нашла себе Аду.

- Иди... Мойся, - сказала я, отпуская ее руки. – Я следом.

Ничего не ответив, подруга прошла к санузлу.

Я смотрела ей вслед почти спокойно. Только что на этом стуле сидела не я.

- ...Ты спрашивала меня о смысле жизни и всем прочем... Так вот я что тебе скажу... - она остановилась на пороге. – Вот если бы мы с тобой писали музыку! Или работали в фармкомпании, которая ищет средство против рака. Или хотя бы снаряжали экспедицию на Северный полюс... или на Южный, один хер, все равно оба нахер никому не нужны... А чем ты работаешь тут и сейчас?

- П***дой, - просто ответила я, предугадав правильный ответ.

- И я тоже ею. Так какое у нас может быть видение мира, кроме взгляда через п***ду?!

- Никакого, - я кивнула в полном согласии. – Ты права на все сто.

- Поэтому живи спокойно. Изменится жизнь – изменится взгляд.

- Ты думаешь?

- Не сомневаюсь. И не забудь... - она усмехнулась, опять шагнула ко мне и нежно похлопала как раз по тому месту. – Что я почти стала твоей первой женщиной. А это так приятно... хоть почти, но все-таки первой.

- И я рада, что это именно ты, - сказала я, ни капли не кривя душой.

- А они козлами так и останутся, - завершила Катя и скрылась за дверью.

Я подошла к зеркалу и встала в профиль.

Впереди у меня все стояло и торчало, сзади ничего не требовало подтяжки.

Конечно, можно было слегка убрать живот... Да и ноги мои были короче Катиных.

Но себе самой я нравилась и такая – как нравилась себе всегда..

20

Я сидела за нашим чайным столом и медленно пила кофе.

Минуты одиночества выпадали мне нередко, но они никогда не бывали тихими. Либо шумел душ в санузле, либо грохотали кушетки в боксах, либо слышались голоса от ресепшн.

Сейчас же во всем отделе нас осталось двое: я тут и моя начальница не ресепшн. И, надо сказать, от пустоты и тишины мне было не то что не по себе, а как-то незнакомо волнующе, хотя волноваться мне не имелось причин.

Я подумала, что если в работе наступило затишье, то стоит позвать Сашу и предложить ей кофе. Ведь ей редко выпадало время зайти к нам и посидеть тут просто так.

Словно притянутая моими мыслями, она сама появилась на пороге.

- Уфф... - начала она и тут же осеклась, увидев меня одну. – А... Катюша?

- Катюша твоя сейчас занята. Давай кофе выпьем!

- А где она? И Ада... ее тоже нет?

- Нет, как видишь, - я обвела рукой пустую комнату. – Что-то случилось? Их ждут?

- Нет, еще не ждут... Просто я... Так где они, Настя? Или это секрет?

- Да какой от тебя может быть секрет?.. – я вздохнула. - В роддоме на первом этаже продают антиварикозные чулки. Оксана позвонила Аде, чтобы они сбегали и взглянули. Пять минут, от силы десять. Ты, наверное, в боксах полы протирала и не заметила, как они выскользнули. Если кто-то и придет, то как раз успеет размыться. Но это страшная тайна и я ничего не знаю. И ты меня не выдавай, пожалуйста.

- Ладно, - девушка кивнула и повернулась, собираясь уходить.

- Стой, - не очень уверенно проговорила я. – Саша... Ты для чего приходила? Ведь для чего-то же, разве нет?

- Я...- Саша смутилась впервые с того дня, когда я ее увидела.
- Хотела попросить Катю, чтоб она тебя сделала? – подсказала я.

Умышленно подстраиваясь под ее лексикон, я неизвестно зачем хотела разрушить стену, которая все-таки еще возвышалась между нами.

- Ну да, типа того. Но раз их нет... Приду попозже.
 - Саш...- неожиданно заговорила я, чувствуя, что мучительно краснею.
- Сашенька... А может быть...

Начальница молча смотрела на меня, переступая красивыми ногами в черных чулках. Звезды на ее груди сверкали, как ртуть.

Не знаю, что нашла ее прежняя любовница в Аде: у той были лишь телеса, у этой – тело, привлекательное каждым своим кусочком.

И я не удивилась, когда кто-то, сидящий в моем теле, сказал моим голосом:

- Давай... я тебя сделаю. Чем я хуже Кати?
- Ты?! – начальница взглянула на меня с неподдельным удивлением. -

А ты разве умеешь?

- Не знаю. Если честно, никогда прежде не пробовала, - я решила не врать. – Но почему не попытаться? Не выйдет – дождешься Кати.

- Ну если так...- Саша нерешительно пожала плечами.

Но все-таки отцепила свои звезды и со звоном положила на стол.

- Поцеловать тебе грудь? – сразу предложила я, вспомнив Катю.

- Спасибо, Настя, не надо, - отказалась Саша. – Грудь я сама себе люблю. А сегодня еще и соски что-то болят от этой железной фигни.

Она шагнула к кушетке, но лечь не стала – со стуком сбросила черный туфель на шпильке, поставила на край узкую ступню и принялась скатывать чулок.

- Ноги у тебя устали? – догадалась я, увидев узорный след от чулочной резинки, отпечатавшийся на ее белом бедре. – Снимешь – отдохнешь.

- Да нет, не устала... Просто хочу подмыться. Выполощусь как следует, а то в меня сегодня литр напускали, тебе будет противно.

- Не надо ничего выполаскивать, - я покачала головой. – Я люблю... ну, когда-то любила этот запах. И вкус. И вообще пусть будет, как ты привыкла...

Улыбнувшись, Саша легла – ничего не поправляя, в наполовину спущенном чулке.

А я опустилась на коленки перед кушеткой и подумала, что сорок три года – это, конечно, не слишком большая радость, но еще и не конец жизни, и еще не поздно попробовать что-то новое.

Честно говоря, я испытывала какое-то странное чувство.

Все имевшееся у Саши имелось и у меня, и у Ады и у Кати и у Оксаны. Но подробности моих коллег я видела только издали, да и свои рассматривала лишь через ручное зеркальце. И, разумеется, не подражала современным девчонкам, делающим селфи своих прелестей, обменивающимся ими с подружками и друзьями и выкладывающим неведомые красоты в соцсетях.

И сейчас мне было просто интересно увидеть вблизи, как там все устроено.

Сашин рабочий орган цветом и опухлостью напоминал надрезанный помидор. Видимо, интимная смазка при таком обилии соискателей уже не помогала.

- Надо же, как эти сволочи тебя отделали... - пробормотала я. – Тебе, наверно, больно?

- Да не отделали нифика. Что они мне сделают, пипки комариные...- успокоила девушка. – У меня с детства там всегда все такое красное и большое, как будто я только что напихалась с полком гусар. Давай, Настя, время идет...

Девушка положила руку мне на голову и легонько притянула к себе.

Дрожащими пальцами я прикоснулась к впервые исследуемой мною плоти.

Из темного провала несло привычным мужским духом – и в то же время очень сильно пахло самой Сашей. И этот аромат, смешиваясь с неожиданно восхитительным запахом ее мокрых эластиковых чулок ударил меня так, что на секунду закружилась голова.

- Ты мне... скажи, как надо тебя делать, - облизнув пересохшие губы попросила я. – Я ведь только со стороны все и видела...

- Да ничего особенного. Просто вылизывай мне губки снизу вверх, захватывая все, что можешь...

И я захватила все, что могла захватить. Я не могла сказать, что процедура мне сильно понравилась, но...

Но новизна ощущения пробила меня насквозь. И еще мне вдруг захотелось как-то приласкать, успокоить эту девочку – мою начальницу, используемую на службе вдоль и поперек.

-...Палец в меня запускать не надо, - голос прозвучал, как с небес. – Назапускались уже... Просто к - снизу вверх, снизу вверх, снизу...

Я неожиданно для себя почувствовала, мои ласки отдаются теплыми волнами между ног у меня самой. Это было странно... и это что-то обещало.

Видимо, Саше стоило прийти сюда как раз в тот момент, когда моих коллег не было.

-...Настя, не так быстро, я не успеваю...

Тонкие пальцы девушки коснулись моих волос, пытаюсь показать, как именно нужно.

Я, кажется, поняла все. Сашино тело слегка поддалось и выгнулось навстречу – и в этот момент из цеха донесся стук.

Не звонок в домофон, а именно стук в дверь, ведущую из внутреннего коридора. Саша что-то пробормотала и опустилась на кушетку.

Я поднялась с пола и поспешила к ресепшн.

- ...Тук-тук! Это мы, проститутки!!! – раздался из-за двери голос Ады. – Пустите, мы хотим поепстись!

Я открыла, посторонилась, пропуская своих коллег – неузнаваемо целомудренных в своих неношеных белых халатах – и почему-то осталась тут.

Саша появилась из бытовки – спокойная и бесстрастная, с неизменными звездами и в аккуратно подтянутых чулках.

- Я совсем безнадежна? – тихо спросила я, когда девушка зашла за стойку.

- Не совсем, - она улыбнулась мне почти по-детски.

Подняла руки и быстро, ласково погладила мне грудь.

– Нам просто помешали, а мне... не хотелось, чтобы девчонки нас с тобой застали.

- Понимаю, - сказала я, хотя ничего не понимала. – Катя вернулась, она тебя сейчас сделает как надо и без проблем.

Хотя в последнее время ее прежняя верная любовница все глубже погружалась в безразличную к ней Аду.

- Да, да... - рассеянно согласилась Саша. – Она меня сейчас сделает, да... Конечно, сделает.

Но почему-то продолжала стоять над стойкой и смотреть на меня. Снизу вверх, хотя мы с ней были одного роста... точнее, на шпильках она была даже чуть выше.

- Послушай, - заговорила я. – Ты где живешь?

- В медобщге, а что? Доктор меня туда поселил, и...

- Да ничего. Просто у меня отдельная квартира, где никого нет и никто ничем не помешает.

Начальница молчала, выжидающе глядя на меня.

- У тебя сегодня какой день?

- Сейчас на компе гляну, а что?

- Да не на компе, а у тебя!

- А, у меня... - она улыбнулась. - Не помню точно. Если честно, не слежу – мне по барабану, так и так на работу выхожу. А зачем тебе?

- Под выходные не растечешься?

- Нет, не должна. Сейчас какая-то середина. А что?

- А то, что ты все это делаешь или здесь на кушетках, или в своем общежитии неизвестно на чем. Приходи ко мне в воскресенье – расслабишься... и получишь удовольствие. Я постараюсь из всех сил, раз уже не совсем безнадежна.

Я сама не знала, зачем это мне потребовалось. Но, видимо, причина была.

Какая именно?

Только ли внезапная острая жалость к девушке, оставшейся без ласки, к которой она тут привыкла? Или нечто более глубокое, сидящее во мне самой?

- Что, правда, что ли?

Сашины глаза блеснули, как никогда прежде.

- Нет, не в воскресенье, - я уже не могла остановиться. – Поедем ко мне в субботу, сразу после работы, отсюда. Побудем у меня, поужинаем, примешь ванну, выступишься по-человечески, а в воскресенье и займемся...

Девушка смотрела на меня с каким-то новым выражением.

- Грудки твои по крайней мере от железа в себя придут. И ножки отдохнут от этих чулок.

Саша вздохнула, явно готовясь что-то сказать.

- Я от всех резинок всегда просто умираю, - добавила я зачем-то. – Перед свиданием надену, потом не дожусь, когда эти чертовы чулки можно будет снять, а ты в них целый день...

- Ага... - она кивнула. – Ноги отдохнут и я в себя приду.

Я улыбнулась.

- И я тебя... тоже... попробую, да?

- А почему бы нет? – с усмешкой ответила я, хотя еще минуту назад ни о чем подобном не думала.

Саша просияла.

Вышла из-за стойки, приблизилась ко мне вплотную. Меня ожгло прикосновение ее звезд, только я не сразу поняла, что именно ощутила: холод или тепло. Сашины глаза смотрели в мои, притягивая и не отпуская.

Я стояла, как замороженная, ощущая всей своей кожей приникшее ко мне тело девушки.

И вздрогнула, вдруг ощутив ее руку там, где уже однажды лежала Катина рука. Но Саша была не Катей... да и я стала чуть-чуть иной. Во всяком случае, девушка ничего у меня не спрашивала и ничего не выжидала – просто скользнула ниже всех пределов...

И черт бы меня побрал прямо тут, вместе со стойкой ресепшн и всем нашим осеменительным центром, если внезапное ощущение тонких женских пальцев в том моем месте, которое до сих пор было известно лишь нескольким десяткам мужчин, не было... очень мягко говоря, непротивным.

- Да, - прошелестела я, не отрываясь от Сашиных бездонных глаз. – Да, да, да... В субботу... и в воскресенье...

И запечатала ей губы судорожным поцелуем прежде, чем она смогла что-то ответить.

Мы стояли так, наверное, целую минуту, на протяжении которой мне не просто не хотелось выпускать из себя Сашину руку. Мое тело пыталось всосать ее целиком и моя голова уже ничему не противодействовала. Наконец мне не хватило воздуха и я отпустила девушку.

Глаза ее заволоклись чем-то неясным, она пошатнулась и оперлась спиной на стойку.

- Сегодня у нас что? – пробормотала она.

- Вроде бы вторник, - предположила я. – Дотерпим?

- Ага... - Саша кивнула. – Типа постараемся.

Потом провела ладонью по лицу и на секунду ткнулась мне в грудь, как обрадованный ребенок.

21

- Девчонки! – стуча шпильками, Саша влетела в комнату. – Помогите бюзик застегнуть!

Помимо привычных чулок и вечерних туфель на ней сиял невероятно красивый бюстгальтер. Темно-бордовый, с прозрачной кружевной планкой и плотными чашечками, украшенными цветами. Не напечатанные, а вышитые настоящей ручной гладью, лепестки плавно меняли цвет от нежно-розового в середине до белоснежного на краях.

Сейчас я перестала уделять чрезмерное внимание своему нижнему белью, но еще лет десять назад отдала бы полжизни за такую вещицу.

Цветочное чудо было надето на плечи, концы двухрядной застежки болтались подмышками.

Я не думала, что существует хоть одна женщина, не способная справиться со своим бюстгальтером за три секунды, застегнув его спереди и потом перевернув. Но почему-то этого не озвучила: если начальница пришла к нам с нелепой просьбой, то в том явно имелась какая-то цель.

А Саша стояла перед нами, но смотрела только на меня. И грудь ее смотрела на меня в упор из-за фигурного выреза приспущенной чашечки.

- Зря ты лифон надеваешь, – Ада покачала головой. – Звезды надежней - их трогать боятся, а его расстегнут как нечего делать.

- Эти козлы тебе новое бра в два счета уделают, - добавила Катя. – Потом не отстираешь, только испортишь.

- Давай застегну, - сказала я, вставая из-за стола. – Тебе на какую?

- Пока на среднюю, - ответила Саша, поворачиваясь спиной. – Там видно будет.

Я свела концы, аккуратно зацепила оба крючка. Девушка стояла неподвижно, опустив руки и глядя перед собой в стенку. Испытывая какую-то странную иллюзию, будто надеваю первый в жизни бюстгальтер своей дочери которой у меня никогда не было, проверила на ощупь, хорошо ли он сел, выправила закрученную бретельку, поцеловала Сашино тонкое плечо.

- Ну как? Удобно? – спросила я, снова разворачивая ее к себе. – Нигде не давит?

- Нет, отлично... И как я?

Девушка говорила вполголоса – словно опять обращаясь лишь ко мне.

- Смотрите! – Ада всплеснула руками. – Научились-таки узкоглазые делать нормальные вещи!

- Не нормальные, а высший класс! – покачала головой Катя. – И это далеко не Китай и не «Милавица»!

- По-моему, даже не «Лаума», хотя сейчас и она была бы за счастье, - подтвердила я. – Что-то эксклюзивное.

- Это чистая Италия, - сказала Саша, и добавила, коснувшись пальцами своих цветков. – Чуть маловат, но другого не было. А мне этот...

- Стоило на такую прелесть тратиться, когда все равно весь день голышом скачешь! – назидательно продолжала Ада. – Лучше б еды себе купила, от тебя от такой жизни скоро одни глаза останутся...

Катя молчала, явно думая о чем-то своем.

-...Ну и еще пара сисек со звездами в облаках.

- Так я тебе нравлюсь или нет? – очень громко спросила Саша, не глядя ни на кого.

Я медленно кивнула.

Сказать, что Саша мне нравится – было не сказать ничего.

Сними девушка свои непристойно увлажненные чулки и надень хоть какие-нибудь трусики, скрывающие след татуировки, она могла бы сниматься в рекламе белья для кинозвезд.

Нежная грудь ее, подхваченная розами, казалась еще нежнее, чем всегда.

Я взяла с подоконника свою пудреницу, открыла зеркальце, тут же закрыла, бросила ее на простыню и пересела к столу.

Катя насыпала мне кофе, Ада налила кипятка и подвинула мне чашку. Я отпила, обожглась, закашлялась и подняла голову на подруг.

Они молча переглянулись и улыбнулись обе сразу.

Посмотрели на меня, потом в цех - где у стойки ресепшн стояла Саша в новом бюстгальтере, перекидывая из ладонь в ладонь свои звезды - потом снова на меня, и ничего не сказали.

22

В субботу мы с Сашей с утра кидали друг на друга странные и многозначительные взгляды.

Каждые пять минут начальница без всякой нужды забегала к нам в комнату.

Садилась на кушетку, по-девчоночьи зажимала руки между своих черных коленок и неотрывно смотрела на меня.

Сколько времени прошло с тех пор, когда она точно так же появлялась у нас, раскидывалась на этой же кушетке и горячим голосом просила Катю ее «сделать», а потом «делала» ее сама?

Несколько дней, неделя, месяц, год?

Я затруднялась с ответом: время в этой наглухо забеленной всегда одинаково теплой комнате стояло на месте – но, наверное, не слишком много.

Пришла я в «Астарту» весной, а сейчас стояло лето. Этот факт я осознавала потому, что в моем «вытрезвителе» стало по-настоящему тепло и я в самом деле носила бы дома пеньюар – если бы не привыкла ходить полностью голой.

Все то происходило недавно, но сейчас Саша смотрела только на меня.

Равно как и Катя к девушке внимания не проявляла: все свободное время она отдавала Аде.

Гладила ее и натирала кремами, выщипывала интимные волосы и брила подмышки. Делала маникюр и педикюр – подолгу, каждый день оформляя все заново. Подравнивала не требовавшую того прическу, что-то делала с бровями, Тщательно смывала с нее отметки времени, а в промежутки между сеансами работы красила губной помадой ее бледные соски.

Возилась с нею, как с большой живой куклой.

И по несколько раз в день припадала к ней. Стояла на коленях, утонув черной головой между белых бедер. Выгибалась и стонала, потом несколько раз вздрагивала всем своим напрягшимся телом, материлась, как магазинный грузчик, и падала на пол с рукой, зажатой между ног.

Насытившись, становилась тихой и мягкой.

Лежала навзничь на кушетке, раскинув длинные прямые ноги, раздвинув пальцами все, что могла – и напрягала живот, чтобы продемонстрировать нам жидкость, толчками вытекающую из того места, которое она мечтала рано или поздно наглухо зашить.

Я смотрела на подругу и тихо завидовала ее удовлетворенности. Сама я не извергала ничего подобного даже в самые лучшие минуты своей зрелой молодости.

А потом, когда мы оставались вдвоем, Катя возвращалась в привычное состояние: аттестовала бесчувственную любовницу безнадежными взмахами руки, саму себя обзывала влюбленной дурой и награждала непечатными словами.

Все это не мешало ей полноценно упражняться с донорами на разрядке, а после сеансов нередко сообщать о достигнутом результате.

Я помнила все, сказанное Катей в минуты нашей с нею близости – душевной, едва не перешедшей в телесную - и, как ни странно, ее понимала.

Не понимала до конца лишь саму себя, пригласившую девушку в гости с вполне определенными намеками, хотя еще и не осознавшую до конца, зачем мне это нужно и нужно ли это вообще.

Но тем не менее весь день ощущала, как во мне нарастало невнятное ожидание, рожденное Сашиными горячими взглядами, которые гладили мое тело и отзывались в его потаенной глубине.

Я даже не считала, для какого количества будущих счастливых матерей приняла продукт и скольких неизвестных будущих отцов обслужила просто так. Ведь чем ближе подступал конец рабочего дня, тем сильнее я ждала этого окончания... и тем сильнее его боялась.

Но конец все-таки наступил.

Вымылся и ушел последний осеменитель. Саша освободила кушетки от последних простыней и скрылась в кладовке.

Я сидела с кофейной чашкой в руке и впитывала последние минуты перед чем-то новым.

Ада ополоснулась первой, с кряхтением застегнула на себе пару парашютов, влезла в цветастый балахон и надела шляпу с широкими полями – из повелительницы пиписек превратившись в молодящуюся бабушку – взяла кошелку из соломки и ушла, тяжело ступая плоскими сандалиями. К вечеру она сильно отекала, но при нашей работе не могла носить компрессионные чулки, а объем не позволял ей по-Катиному закидывать ноги на подоконник.

Катя мылась долго. Вышла из душа размякшая и влажная, выпустив в бытовку облако пара. Подошла к простенку, посмотрелась так и сяк, взмахнула длинными ногами, отраженно взглянула из зеркала, улыбнулась, шагнула к столу и нежно поцеловала меня в губы.

Я столь же нежно пожала ей грудь – напарница хихикнула, распахнула шкафчик и принялась неспешно завершать ритуал отбытия.

Я с удовольствием наблюдала, как она досуха растерлась полотенцем: ее кожа позволяла такие процедуры. В нужный момент подошла и застегнула на Катиной смуглой спине не нужный ей белый бюстгальтер. Напарница натянула белые трусики с ленточками, бантиками и сердечками, прорезанными на интересных местах. Затем, извиваясь всем телом, влезла в узкие черные брюки, запахнула деловой пиджак, сунула ноги в черные туфли на низком каблуке. Потом некоторое время молча красилась, нагнувшись к большому зеркалу. Наконец спрятала свой милый ежик под роскошный вороной парик, повесила на плечо маленькую лакированную сумочку на узком ремешке.

И повернувшись ко мне, взглянула с ласковым теплом:

- Удачи тебе, сыщик!

- Спасибо, - просто ответила я, подумав, что моя подруга, несмотря на опьянение белотелой Адой, все видит и все понимает так, как того не понимаю я сама. – Тебе тоже.

Катя улыбнулась еще раз и походкой уверенной во всем бизнес-леди пошла к выходу.

Я бросила взгляд на ее стройное тело – спрятанное сейчас строгим костюмом, но недопустимо волновавшее в те моменты, когда оно подрагивало в натуральном виде перед Адой, раскинувшейся на двух стульях с каким-нибудь журнальчиком в руках. И вдруг подумала, что если сейчас пребываю в неясном состоянии, то оно стало бы ясным, если бы...

Это я, кажется, начала понимать, когда смотрела на грациозно одевавшуюся Катю. И полностью поняла, представив ее столь же грациозно раздевающейся... не здесь.

Здесь оба волнующих процесса я наблюдала тысячу раз, но поняла все лишь сейчас.

И черт бы меня побрал до самых кончиков моих прекрасно отпедикюренных пальцев!

- Чисто по-дружески, - сказала я, услышав стук закрывшейся двери.

Спасая от ненужных мыслей, около меня раздались мягкие шаги.

Я вскинулась – передо мной стояла Саша.

Голенькая, как куколка – без звезд и даже без браслета с электронными таблетками – в уютных зеленых сланцах вместо вампирических туфель и с комком мокрых чулок в кулачке.

И лишь татуировка, расплывшаяся до полной неразличимости, говорила о том, что эта милая девочка уже не девочка и не всегда была милой...

- Настя, я все убрала и неделю закрыла, - сообщила Саша, жарко глядя мне в глаза. – Сейчас душ приму и поедем?

- Поедем, поедем! – радуясь облегчению, я вскочила со стула. – И не надо в душ, вымоешься у меня со всеми удобствами.

Душевые кабины тут были куда лучше моей убогой ванной комнаты с кафелем, который я не успевала отмывать от растущих в сырости грибков – мне просто захотелось как можно скорее уехать отсюда.

Из этой комнаты и от своих бесперспективных мыслей.

- Но меня за день обспускали с ног до головы - грязная, как свинюшка, – возразила девушка. - Как я новое бюстье надену?

Посмотрев в сторону и опустив густые ресницы, она добавила:

- Я его специально купила, чтоб тебе нравится...

- Правда? – переспросила я, догадавшись давно, но не веря в такое отношение к своей персоне.

Я не помнила, чтобы что-то подобное совершал хоть один из мужчин, меня добивавшийся.

- Правда. Я же тогда специально с ним сюда прибежала. Что я – дура, не умею сама свой бюзик застегивать? Я их лет с десяти на ляльках ношу, а то и раньше...

- Ты мне нравишься в любом виде, - я улыбнулась. – Очень. И даже очень-очень.

В последнем я не лукавила; Саша не могла не нравиться хотя бы потому, что она с некоторых пор стала напоминать мне и молодую меня и собственную дочь, какой у меня никогда не было и уже никогда не могло быть.

- Надевай джинсы и поехали.

- Я не джинсы... - девушка виновато взглянула снизу вверх: без шпилек она была значительно ниже меня. – Я в платьишке хожу...

Меня вдруг кольнуло непонятым укором: оказывается, я до сих пор не замечала, что надето на Саше в приличной жизни – и не только потому, что утром она почти всегда приходила раньше, а вечером задерживалась позже остальных со своими отчетами.

- Надевай свое платье и вперед, - сказала я. – Ничего с ним не случится, а дома стираем в машине. Завтра за день высохнет – ну в крайности, к понедельнику.

- А ты что... Меня до понедельника у себя оставишь?! – в голосе девушки звучали такие нотки, будто я пообещала ей отдых на Мальдивах в колье с бриллиантами.

- Нет, конечно, с чего ты взяла? – я серьезно покачала головой. – Завтра утром выгоню, А может, даже сегодня вечером – это уж как получится. Платье пошлю тебе в общагу с курьером...

Просияв, Саша молча уткнулась мне в грудь. Я погладила ее по голове.

- Бюстгальтер свое возьмишь с собой. Пакет есть? Если нет, у нас что-то в шкафу лежало. Я рядом, к тебе с голыми титьками никто не пристанет. Если что, дам в глаз любому.

- Ладно. Только, Настя... Давай мы на остановке встретимся. Не хочу, чтобы нас с тобой вместе видели и все такое...

- Хорошо,

Я не стала вдаваться в подробности, кто нас мог увидеть и почему это факт, мне абсолютно безразличный, казался важным для Саши.

- Как хочешь – все для тебя, и любовь и мечты... Кто выходит вперед?

- Да никто. Ты иди через главный, я выйду с донорского. Нам с тобой в какую сторону? К Мурзину, или в центр?

- В центр, - ответила я. – Одевайся и шагай, я тоже в два счета.

В два счета у меня не получилось.

Почему-то дрожали руки и правильно нарисовать брови я сумела лишь с пятой попытки. Потом так же не сразу я по-индейски накрасила рот и стала одеваться. В последнее время я предпочитала всему остальному удобные джинсы, хотя они и скрывали от всех неземную красоту моих ног. Я надела их на голое тело, причем не для того, чтобы врезающиеся резинки не портили модернового абриса моей несравненной задницы: джинсы были толстыми и свободными – просто в последнее время я полностью отвыкла от трусов. Застегнула ремень на своем почти девичьем животе и обрушила на себя широкую толстовку. Летом я избавилась и от бюстгальтера, под плотной тканью мои богатства свободно переваливались из стороны в сторону, наслаждаясь свежим воздухом, но не дразня прохожих. Зашнуровала кроссовки и через темный коридор вышла в фойе роддома.

Около охранника – тощего, но с неизменной голой женщиной на обложке в руках – я столкнулась с Оксаной.

Подобно Саше, по субботам она засиживалась с подведением итогов недели, а сейчас спешила домой.

В кремовой блузке без рукавов с застежкой из мелких пуговиц на груди, и расклешенной серой юбке стиля пятидесятих годов прошлого века - прикрывающей ее ужасные колени и подчеркивающей достоинства бедер при почти осиной талии - секретарша казалась изящной. Волосы, поднятые высоким узлом и винтажные темные очки придавали некрасивому лицу какой-то странный шарм.

Довершали облик классические лодочки вишневого лака. Я давно отметила, что на каждый *«праздник красных трусиков»* секретарша приходит к нам в новых туфлях.

- Ты что так припозднилась? – спросила Оксана, с надеждой глядя на меня. – И Ада и Катя давно ушли. Я-то думала, ты вообще раньше времени свалила, потому что...

- Нет, просто долго мылась, - ответила я, поняв ее мысли. – Все праздники у меня по расписанию.

Вздыхнув, она пожала плечами. Мы молча дошли до проспекта Трудовой Славы и пошли в разные стороны.

Оксана жила на краю города, в богом забытом Мурзине.

Саша ждала на остановке – в легком просвечивающем платье и простых босоножках, со свежим, только что купленным пластиковым пакетом в руках.

Она напоминала девочку, скромно приготовившуюся к первому в жизни свиданию.

И мне не верилось, что это свидание назначено со мной...

В насквозь прокуренном, провонявшем плохим бензином «ПАЗе» мы прошли назад и сели на один из двух симметричных диванов, развернутых визави спинками к бортам. Автобус был универсальным, имел в задней стенке низкую дверцу для вталкивания гроба, эти места предназначались для родственников, сидящих по обеим сторонам от покойника, едущего ногами вперед.

Но сейчас экипаж, годящийся на все случаи жизни, вез еще живых, и пространство между диванами было свободным.

Поэтому я с удовольствием вытянулась поперек салона; сегодня я приняла в себя изрядное количество и нижняя часть тела гудела от усталости.

Саша поджала ноги под себя, сдвинула колени. Ровные бедра ее, тронутые едва заметным пушком, золотились под косым солнцем и казались детскими.

И только я знала, что эти самые ноги Саша разводила за день в два, если не в три раза больше моего.

Осознание факта наполнило меня такой пронзительной жалостью к девочке, сидящей у меня под боком, что я обняла Сашины плечи, подпрыгивающие на ухабах, привлекла ее к себе и потерлась щекой о ее густые жесткие волосы.

От моей спутницы сильно пахло мужчинами.

Я протянула руку и одернула на ней платье.

- Насть, по пути в магазин зайдем? – пробормотала Саша, задержав на себе мою ладонь. – Купим что-нибудь закусить, и... Ты что пьешь? Мартини или сухое?

- Когда-то всему предпочитала водку, - я вздохнула. – Но это было давно и неправда. Или ты хочешь выпить? Найдем хороший коньяк. У меня карточка с собой. Для тебя все, что угодно. Выберем самый лучший из армянских, самый дорогой и в самой большой бутылке.

- Денег и у меня полно, - возразила девушка. – Это для тебя все, что угодно, я свое тоже выпила. Думала тебе для храбрости и все такое?

- Я и так храбра, как никто и никогда. У нас с тобой все будет хорошо.

- Ты... в этом уверена? – дрогнувшим голосом спросила Саша.

- Вполне, - твердо ответила я, положив вторую руку на ее пальцы.

23

Стояла глухая и темная ночная пора.

Впрочем, действительно темной эта пора бывала зимой; сейчас за стенами невидимо шелестело лето, а из окон струился нежный серо-перламутровый свет.

О ночной поре говорила полная тишина.

Химическая тишина, какая в моем ужасном доме воцарялась лишь на пару самых глухих часов.

Во всей нашей Галактике остался лишь один звук – звонкое щелканье часов, висящих на кухне между вытяжкой и плоским настенным телевизором.

И еще один, более близкий и мягкий – сонное дыхание Саши, спящей рядом со мной.

Не просто рядом.

Лежащей на моей руке, придавившей мне бок тяжелой теплой грудью и бросившей поперек меня легкую ногу.

И в ней спала другая – моя личная галактика.

Единственная из всех прочих, мне необходимая.

Рука затекла во сне, я давно отвыкла спать неподвижно в чьем-то соседстве. Я очень осторожно высвободилась. Не просыпаясь, девушка что-то пробормотала и перевалилась на другой бок – завернув на себя простыню, стянув ее с меня и уронив на пол.

Сама я в недолгие теплые ночи предпочитала спать голой и без всяких простыней, давая хоть чуть-чуть продышаться своему богатому телу. Эту простыню я достала вечером из шкафа неизвестно для чего... словно происшедшее между мной и Сашей еще оставляло нам какие-то рамки приличия.

Но сейчас мне показалось, что моя нежная девочка мерзнет: в жемчужном полусвете мне привиделись мурашки на ее голом бедре – я сползла с кровати, на цыпочках перешла к другому краю, подняла простыню, расправила и укутала белое тело. Сделала все, с трудом преодолев желание коснуться беглым пальцем тонкой гряды ее позвонков или поцеловать треугольную ямочку над ягодицами...

Но я сдержалась – ничего не коснулась и никуда не поцеловала, только подоткнула со всех сторон мягкую махровую простыню с орхидеями неразличимого сейчас цвета и вернулась на свое место.

На левую половину кровати; всю жизнь – вернее, в те времена, когда я еще с кем-то спала – я предпочитала класть партнера справа от себя, и сегодня чисто автоматически проделала то же самое с Сашей.

Я раскинулась на освободившемся пространстве – которого оказалось достаточно, потому что, свернувшись клубочком без вечерних туфель и черных чулок, моя начальница занимала очень мало места – и легла на спину.

Я лежала долго, глядя в еле видимый серый ночной потолок, и вдруг почувствовала на своих щеках что-то теплое и влажное.

В первый момент желанием было вскочить, кое-как накинуть тот самый пеньюар и бежать на лестницу.

Мои милые верхние соседи с ранней весны уставляли пол единственной комнаты стаканами рассады – и часто заливали меня грязной водой. Она всегда капала на кровать прямо из люстры - на самом деле не из люстры, а из технологического отверстия в плите, которое я многие годы ленилась заделать. Увещевать садоводов было бесполезно – на все слова они лишь тупо смотрели в пол и по-обезьяньи разводили руками - равно как невозможно было и получить с них деньги хотя бы за обезображенное коричневыми пятнами новое покрывало. Однако я в любое время поднималась к ним, стучала кулаками в дверь, грозила полицией и судом. Говорила юродивым папуасам все, что о них думаю и напоминала, что им следовало сидеть в своей деревне, а не приезжать в город.

Но рассада давно была рассажена, а вонючие старики уже месяца два как жили на своих грядках и не могли меня затопить, даже если бы целый день мылись в ванне, хотя мылись они раз в полгода.

Однако лицо мое было мокрым.

Я потрогала себя пальцами и поняла, что это не соседская вода, а мои собственные слезы.

Слезы, исконно считавшиеся атрибутом самой женской сущности, но никогда не бывшие моим.

От чего я плакала?

От боли?

Вряд ли... Став девушкой в двенадцать лет, я не просто привыкла к периодической боли; она давно сделалась для меня привычной.

Атрибутом как раз была боль, которую любая женщина испытывает от начала до конца своих дней.

От обиды?

Обид в моей жизни тоже хватало, причем обижали меня в основном мужчины.

От обид я, конечно, плакала: и навзрыд и тихонько, и в подушку, и в уголок, и прямо на улице. Днем и ночью и в хорошую погоду.

Но и это было давно; в последнее время я плакать перестала. То ли привыкла к обидам, то сама стала обижать людей чаще, чем эти люди обижали меня. И последнее тоже казалось естественным.

Никогда не плакала я от умиления сериалами... правда, плакала над книгами, но то было очень давно.

Не плакала я от тоски по близким: их у меня просто не имелось; ни родители, ни сын никогда близкими не были и я их даже не вспоминала.

Может, я плакала от ощущения всеобщей несправедливости бытия?

Ведь весь этот мир предназначался для мужчин и был изначально враждебен к женщинам.

Потому что мужчины почти не менялись - лишь дурели к старости – а мы расцветали на годы возможного материнства, чтобы потом умереть по-женски, продолжая жить биологически.

Но правившие миром всегда мерили нас своими мерками.

Те редкие, кто пытался меня понять, остались исключениями, о которых говорила моя умная подруга и напарница.

Но я еще не умерла, хоть и знала, что годы не сулят мне больших радостей.

Но отчего же я плакала сейчас – беззвучно и незаметно для самой себя, без страданий и горечи – а просто так, переполняясь непонятыми слезами и ощущая лишь какое-то облегчение?

Наверное, я плакала просто от того, что мне было очень хорошо.

Раньше я никогда не плакала по этой причине. Не потому, что с возрастом размякла и стала более слезливой – просто так хорошо мне еще не было никогда в жизни.

Никогда и ни при каких обстоятельствах.

Я была счастлива, как может быть счастлива женщина.

Точнее, как я сама не подозревала до этого вечера.

Саша вскрикнула во сне, дернулась, взмахнула руками, перевернулась на спину.

Я приподнялась на локте и посмотрела в ее запрокинутое лицо. Света не доставало - но, кажется, все касающееся Саши я различила бы даже в полной темноте. Запавшие глаза блуждали под веками, на лбу дрожали страдальческие морщины. Я поправила сбившуюся подушку, осторожно коснулась ладонью ее щек, поправила угольно черные волосы.

Девушка задышала реже и глубже, черты разгладились и личико снова стало почти детским.

Облегченно вздохнув, я снова легла на свое место.

Зажмурившись, я попыталась вспомнить, как прошел этот вечер и что с нами произошло.

Когда мы оказались тут – по пути купив любимых мною, но не известных Саше продуктов – то между нами вдруг возникла какая-то странная напряженность.

Словно не работали мы бок о бок голышом, не успели оказать друг другу недвусмысленных знаков внимания, словно не условились без слов о цели нашей встречи.

В какой-то момент я даже пожалела, что не решилась на давно забытое, все-таки не прихватила в гипермаркете средства для раскрепощения.

И сразу, еще до ужина, предложила Саше вымыться после трудовой недели.

Смущение от первых минут оказалось столь сильным, что девушка ушла раздеваться в комнату и даже попросила разрешения накинуть мой пеньюар, висящий на крючке за дверью.

Я приняла из ее тонкой руки снятые вещицы и сразу отнесла в ванную комнату стираться: почти новое Сашино платье, было, мягко говоря, не очень

чистым; в общежитии у нее наверняка не имелось условий для ухода за собой.

Потом пошла на кухню, вскрыла вакуумные упаковки, нарезала два ломтя слабосоленой семги, освободила от косточек пару хороших авокадо и даже набрала кастрюлю воды для варки длиннозерного риса в пакетиках, чтобы сразу по готовности взяться за ужин

А в душе уже шумела вода.

Я сказала себе, что не помню, включила ли стиральную машину, положив туда вещи и насыпав порошка - и зашла в ванную.

Вода лилась и лилась, за цветочками занавески шевелились контуры Сашиного тела. Время от времени девушка касалась промокшей материи и та просвечивала насквозь, обрисовывая ее части, много раз виденные, но вызывающие сейчас незнакомое томление во мне.

Машина мигала красным огоньком и вращала барабан. Узенький черный слип, еще недавно бывший на Саше, нырял в белую пену и появлялся оттуда вновь.

Я подумала, что лишь полная дура, рассчитывающая прожить еще сто лет, может сидеть на кухне и ждать, пока моется девушка, которая нравится... по крайней мере, как дочь.

Я стащила толстовку, спустила джинсы и бросила все на ровно гудящую машину.

Посмотрелась в зеркало; висевшее над раковиной, оно осталось за краем задернутой ванны.

Окошко в тот мир наполовину запотело, но я все-таки видела, что моя изумительная грудь выглядела еще изумительней, чем всегда.

Отдернув штору, я сказала, что не могу как хочу поскорее вымыться, а мы вряд ли сильно помешаем друг другу.

Мы не мешали, хотя ванна моя была небольшой и стоять там вдвоем можно было лишь соприкасаясь телами...

...Очнулась от дальнейшего я лишь сейчас.

То есть несколько минут назад, ощутив усталость в затекшей руке.

Саша в очередной раз повернулась, ее рука легла мне на живот.

Впервые в жизни рядом со мной спала женщина.

Я нежно взглянула на Сашину головку, темнеющую на подушке, и снова закрыла глаза.

Не так давно, но в какой-то прежней жизни мы сидели с прекрасной со всех точек зрения Катей в пропахшей кофейными ароматами комнате отдыха. Ненасытная Ада стояла на четвереньках, принимая в себя одного из упомянутых над выходом в цех, хоть и не причисленных ею в сонму рогатых парнокопытных скотов. Еще непознанная мною Саша что-то делала на компьютере и о чем-то препиралась с невидимой отсюда Оксаной.

А еще не познанная ею я обогащалась знаниями об однополой любви... точнее, однополом сексе.

Мы сходились в том, что удовольствие с мужчиной подобно молнии, пронзающей позвоночник. А удовольствие, полученное с женщиной, моя продвинутая напарница описывала как погружение в тихое море блаженства.

И это оказалось верным не тысячу, а тысячу тысяч раз..

Море блаженства, в которое я погрузилась, до сих пор покачивало на свои мягких теплых волнах. И лишь опасение разбудить милую гостью не дало мне передвинуть ее руку туда, где больше всего хотелось ее ощущать.

Но тем не менее я ощущала нечто большее.

Несколько лет назад рядом со мной на этой кровати еще доводилось спать мужчинам.

Засыпали они почти все как один – хрестоматийно, насытившись и отвалившись.

Я тоже засыпала быстро, измученная и даже опустошенная.

Ведь по сути дела весь секс, который я знала до сих пор, был борьбой.

В ранние времена жизни, я иногда сознательно позволяла подвергать себя насилию. Игровому, но все-таки реальному, во время которого я ощущала, что мое тело – и отдельные его части и все в целом – служит для удовлетворения потребностей самца. Естественных в природе, низменных в проявлении.

Ведь что возвышенное могло быть в случае, когда меня использовали сзади на голом полу, поднимая за пятки и держа на четырех точках, каждая из которых гнала в меня боль?

Или когда сажали спиной к себе, выворачивали и запрокидывали мне голову, одной рукой сплющивали мне грудь и душили локтем, а второй сжимали точку, обозначенную Катей как центр ощущений всего мира. Так, что у меня темнело в глазах от боли, сквозь которую никакие другие ощущения не проникали.

Были и разные другие варианты, различавшиеся лишь способами причинения боли.

Позже насиловать себя я уже не позволяла, но все-таки каждый акт оставался соревнованием сторон, в котором каждая, забыв о другой, стремилась первой урвать свою дозу наслаждения.

Сначала урывала не я, с определенного возраста ступени пьедестала поменялись.

Потом я стала насиловать сама.

Навязывать позы, удобные для меня и почти мучительные для партнера.

Выламывать ему руки, принуждать держать в воздухе свое тело... или сознательно – и без всякого удовольствия для себя! - до боли зажимать ногами те его части, которые во время контакта оставались снаружи.

С мужчинами, которые были в числе последних, кого помнила кровать, я проделывала еще более жестокие трюки.

Научившись управлять всеми своими мышцами, я применяла пытки высшего порядка. Доводя почти до пика и в нужный момент удачно – по

выражению времен моей молодости – «*ломаю кайф*», доходила сама, потом бросала их в пучине безнадежной неудовлетворенности.

Правда, я не раз слышала, что теоретически бывает наоборот: партнеры не гонятся за удовольствием для себя, а стремятся дарить все радости другому... Но меня такие варианты любви миновали.

А этим вечером...

Этим вечером мы с Сашей припали друг к другу и ничего не брали, равно как и не отдавали ничего – мы просто были частями друг друга и одновременно были одним целым.

Как ни странно, но здесь, в своей квартире и на своей постели, я сразу оказалась не безнадежной.

И это казалось естественным.

Хотя ничего подобного прежде я не испытывала.

Саша перевернулась еще раз – на живот – и с нежностью, напоминающей жалость, я в очередной раз поняла, что она дорога мне и как дочь...

Вспомнила, какой маленькой казалась девушка в своем детском платьице – и какой действительно маленькой сделалась без него...

От мысли о платье я села на постели.

Спустила ноги, нащупала тапочки и осторожно пробралась в коридор.

Давно выстиранное, платье так и осталось в машине: отдернув ванную занавеску, я о нем больше не вспомнила.

Я достала влажные Сашины вещи, вышла на кухню, открыла балкон. На меня пахло сонными ароматами – я сообразила, что сушить вещи ночью на улице нельзя, вернулась в ванную и развесила все на лесках, давным-давно натянутых мне одним из...

Одним из, кто когда-то делил со мною постель, в которой – я знала точно! – теперь никогда и ни при каких условиях не появится даже на пять секунд ни один мужчина.

Потом снова вернулась на кухню, где в темном блюде маслились ломтики нетронутой семги, убрала все холодильник до завтрашнего... то есть уже до сегодняшнего утра.

И вышла на открытый балкон, прихватив половинку подсохшего авокадо.

Мне наконец захотелось есть, как бывало когда-то давно в редкие минуты счастья.

Ночной ветерок овеивал мое чудесное голое тело.

На дворовую парковку въехала машина – явился сосед по площадке, мой ровесник, живший слева. В пятницу вечером со всем семейством он уехал в сад, а сейчас появился тут среди ночи. Для чего именно он вернулся, я поняла, как только открылась правая дверца и в тусклом свете сверкнула голая женская нога. Девица Сашиного возраста в шортах, которые можно было бы и не надевать, вылезла под фонарь и оттянула вперед футболку на довольно хилой груди.

Сосед вышел со своей стороны и бросил взгляд на свои окна. Жена его лежала где-то далеко в дощатой будке. Мирно спала под комариный звон, вдыхая аромат свежего навоза, не ведая ни о чем. Но осторожность никогда не могла быть лишней.

Я помахала рукой, перевесившись через парапет балкона. Вряд ли он заметил меня, тем более различил среди мрака подробности моих матово светлеющих бюстов, но меня это не трогало, мне просто было хорошо.

Вспомнив опять слова подруги о море блаженства, я пожалась голыми ногами. Между ними было влажно.

Думы о Кате, пришедшие уже в который раз за полчаса, наполняли меня отголосками страсти, и это казалось вполне нормальным.

А вот мысли о Саше...

Мысли о Саше напоминали какую-то странную любовь. Любовь, бывшую естественной в возрасте открытий, но давно забытую и как бы не существующую в природе вещей.

Место, которое к месту и не к месту любило упоминать Ада, остыло и начало слегка мерзнуть. Даже летние ночи в нашем городе редко бывали по-настоящему теплыми.

Я вернулась в спальню – Саша разметалась, заняв руками и ногами всю постель.

И опять она показалась мне не женщиной, близость с которой бросила меня в то самое море, но маленькой девочкой, нуждающейся в защите.

Мне хотелось не просто укрыть ее простыней, снова валявшейся на полу, а объять ее своим телом, погрузить в себя и окутать непередаваемой нежностью, каковая прорвалась во мне впервые.

Я и не подозревала, что во мне имеется столько нежности; до сих пор я находила в себе лишь злость к окружающему миру и к самим населяющим его людям – равнодушным ко мне и безразличным для меня.

К сыну – точной копии своего отца - я испытывала минимум инстинктов лишь до того момента, когда отняла его от груди.

И только сейчас поняла, что если бог наградил бы меня не мальчиком а девочкой, то вся моя жизнь сложилась иначе и сейчас я жила бы совсем не так.

Саша опять перевернулась, скатилась почти на край кровати.

Я не стала додумывать бессмысленных прогнозов на прошлое.

Около меня было мое настоящее, которое могло стать будущим.

Забралась в постель, прижала грудь к Сашиной тонкой спине, обняла ее, не давая сползти на пол, и закрыла глаза.

24

Проснулась я от любви.

Не от той, что кружила мне голову на балконе – а от процесса, обозначаемого этим словом.

В былые времена мне приходилось покидать владения царицы Мэб от ощущения кого-то на себе, в себе или у себя – осязать всю приятность небритых щек на своих нежных местах и вдыхать все самые лучшие запахи.

А потом то подчиняться чьей-то воле, то отбиваться от нее – но во всегда ощущать неизменный утренний дискомфорт.

Но с Сашей все опять получилось иначе.

Подарив себя друг другу, мы вылезли из постели, по очереди умылись и пошли завтракать.

Меня снова переполняла невысказанная нежность к Саше. За кофе я посадила ее к себе на колени и вдруг поразилась ее худобе, которую отметила Ада, когда девушка приходила к нам в итальянском бюстгальтере с цветочными чашечками, купленном специально для меня.

- Ты почему такая невесомая? – спросила я, обнимая ее талию. – Похоже, на самом деле ничего не ешь?

- Почему не ем? - Саша пожала плечами. – Обед на работе нам всем приносят одинаковый. Очень вкусный, я никогда кусочка не оставляю.

- Обед обедом, нужно еще и ужинать. При нашей-то физической нагрузке... и твоей особенно. Ну ладно я – мне и готовить лень и вечером наедаться опасно. Но в твоём возрасте и с твоей фигурой?

Девушка опять пожала плечами, но ничего не сказала.

- У тебя в общезитии, конечно, больно-то не поготовишь. Знаю, сама жила. Но можно просто покупать что-то вкусное и полезное, чтобы просто взять и поесть. Рыбу... ну или вот это авокадо, оно в супермаркетах круглый год. И сытно, и вкусно. То, что вкусно – это главное; невкусная еда бесполезна. Лучше ничего не есть, чем есть что-то невкусное. Или ты предпочтешь килограмм деревянных макарон кусочку настоящей ветчины?

- Что я – дура из деревни? И вообще... Я этих макарон на всю жизнь наелась... там, - Саша посмотрела куда-то в сторону. – Видеть их не могу без тошноты.

- Ты уже здесь, - я погладила девушкины волосы. – И можешь позволить себе хорошую еду, разве нет?

Она не ответила.

- Ах да... - я всплеснула руками, не успокаиваясь в своем активном материнстве. – Извини не старую, но как раз дуру... Ты же получаешь меньше нашего.

- Нет, Настя, совсем не так, - Саша, не улыбаясь, покачала головой. - Вы получаете за сеансы, а разряжаются с вами бесплатно.

- Ну да, а как же?

- Так вот. Трахают вас, а платят мне. На разрядку тоже есть сумма, но она полностью идет на меня... Но это между нами, ладно?

- Клянусь, - я поднесла палец к губам, известие о девушкиных доходах наполнило меня искренней радостью. - Никому не скажу. Да кроме Оксаны тут никто и не узнает.

- Никому-никому, ей прежде всего! Доктор это как-то типа по-левому мне оформляет. Если Оксана узнает...

- Оксана не узнает, - сказала я, привлекая девушку к себе и целуя ее в нос. – А остальных это вряд ли волнует.

Я мгновенно вспомнила случайно услышанные телефонные реплики и подумала, что в нашем не Датском королевстве не все так гладко, как казалось до сих пор.

-...Денег у меня куры не клюют, но их у меня нет, потому что за учебу платить, и еще кое-что...

- Ах, ну да, ты же детдомовская, тебе папа-мама за учебу не заплатят и оценки на сессии тебе не купят... - я вздохнула. – Извини...

- Проехали, Настя, - девушка махнула рукой. – Все путем.

- Тогда о тебе надо позаботиться, - сказала я и поцеловала ее.

Сначала в нос, потом в губы, потом рука сама собой оказалась там, где было жарко моим таким же голым ногам.

- В постельку? Опять и сразу? – Саша улыбнулась. – Я не против.

- Постелька от нас никуда не уйдет, - возразила я, рассердившись на свое тело, которое не слушалось умственных побуждений. – Весь день впереди. Тебя надо подкормить. Как следует и всерьез. Гипермаркет в нашем квартале – пойдем и купим еды, какую та сама захочешь.

- Насть... - девушка нежно зевнула. – А можно... можно я с тобой не пойду, а как раз в постельке полежу? Знаешь, у меня в общежитии...

- Не знаю, но догадываюсь, - ответила я. – Ложись. Или телевизор тут посмотри. Пульт на холодильнике.

- Да ну его к свиньям, это телевизор - что там покажут, кроме тупых новостей? Я лучше так, подремлю. Или можно – книжку почитаю?

- Книжку?! – я поразилась.

Свою, до недавнего времени серьезную, страсть к живому чтению я считала вредным анахронизмом и в том же ЖЭУ никому в ней не признавалась.

- Ну да, книжку... Я люблю вечером почитать по ходу. Но планшет – это планшет, а у тебя, я видела, целый шкаф к комнате. Настоящих, из бумаги. У меня дома книжек отродясь не водилось кроме...

Саша замолчала.

- Читай, конечно. Сама найдешь, что понравится. Я в разное время разное любила, кое-что осталось до сих пор.

- Ты не спеши, мне скучно не будет. С книжкой завалюсь под подушку, и мне ничего больше не надо.

- Будь как дома, - сказала я и пошла одеваться.

Точнее – всунуться голым телом в вышитое льняное платье; после любви мне было лень даже застегивать на себе джинсы.

-...Насть... - Саша остановила меня уже в дверях. – Раз пошла такая пьянка...

Я с улыбкой смотрела на смущенную девушку, ожидая просьбы о шоколадке или килограмме настоящего пломбира.

- Ты мне сигарет не купишь?

- Сигарет... - я шагнула обратно в прихожую.

Новость меня не обрадовала, она не вязалась с обликом милой девушки.

- А ты разве куришь?!

- Курю, - просто призналась Саша. – Если честно... Меня там сперва на курево посадили, а уж потом все дальше как пошло, так и пошло. Когда откинулась, сначала пыталась бросить. Теперь бросила пытаться. Вредно – не вредно... Какая нафик разница – сорок лет еще я проживу при такой жизни, или всего двадцать?..

Я промолчала, быстро подумав, что мне-то уже и оставшиеся двадцать кажутся не жизнью, а пожизненным сроком. И сказала, кивнув:

- Куплю. Не мне тебя воспитывать, если жизнь уже воспитала. Только я в куреве не разбираюсь.

- Пустую пачку дам. У меня одна сигаретка оставалась, я ее вчера на остановке высмолила, пока тебя ждала.

Я еще раз кивнула.

- Ты не волнуйся, Настя - я на балконе буду курить. Тебе тут не задымлю.

- Я и не волнуюсь, - я спрятала образец во впервые пригодившийся карман платья. - Для тебя, моя радость, все, что угодно.

- Насть... Если можешь, зажигалку мне купи еще, а? Самую дешевую. В моей газ вот-вот выйдет, а хочется оттянуться уж на все тридцать три сразу.

- Куплю самую лучшую, - ответила я, целуя Сашу в нос. – Не скучай.

И побежала вниз по лестнице, не дожидаясь лифта: во мне кипела такая радостная энергия, что ее было некуда потратить.

В гипермаркете я пробыла очень долго. Обошла его слева направо, вдоль и поперек, по несколько раз заглянула в свои любимые отделы: рыбный, кондитерский и кулинарный.

Потом вернулась назад, уже с улицы: не имев привычки, я купила сигареты, но забыла про зажигалку.

По пути домой не могла решить, сварить ли на полуденный прием пищи тигровых креветок, прибавив к ним неизменный пропаренный рис – вкусный даже без соевого соуса - и черные маслины с косточками, или сначала съесть уже готовый салат «Цезарь».

На полу в прихожей меня ждала мокрая тряпка, из квартиры пахло свежевывмытыми полами.

- Ты как-то странно тут книжки читаешь, - сказала я вышедшей навстречу Саше. – Зачем все это затеяла?

- Ну... не знаю, - девушка пожалала плечами. – Так, захотелось.

- Я убираюсь по воскресеньям, на неделе просто сил нет, - призналась я. – Надо было в пятницу к твоему приходу... Но что-то я разленилась, меня ведь теперь дома почти не бывает. Утром уезжаю чуть свет, вечером только чай выпью и спать. Кажется, что чисто и даже пыли нет...

- У тебя и есть чисто. Я тут пол помыла не из-за грязи. Просто...

Саша не договорила. Но я догадалась, что именно она хочет сказать. Ей, всю жизнь промаявшейся то по детдомовским общим спальням, то по тюремным камерам, а теперь коротающей дни в вонючем общежитии, казалось, что собственный дом нужно содержать в зеркальном блеске. И она содержала бы, имей таковой. Я тоже вылизывала эту квартиру первое время, когда осталась тут на свободе от всех забот мира. Хотя теперь уже не видела смысла наводить лоск у себя дома, если в самой моей жизни никакого лоска не осталось.

Я поняла все это, но ничего не сказала, не желая лишний раз подчеркивать девушке ее неустроенность.

- Просто я тебя так сильно люблю, что хотелось сделать тебя хоть малость за все, что ты делаешь для меня.

- Ну, положим, сделала я для тебя лишь то, что не пожалела *«Ласки»* для стирки твоего платица, - усмехнулась я, не вникая в ее *«люблю»*. – А...

- Настя... Я так тебя люблю, так тебя люблю... - не слушая, Саша принялась быстро целовать мое лицо. – Я полюбила тебя давно... Сразу, как увидела. Еще когда Николай Николаич привел тебя в цех... Я полюбила тебя... И я умерла, если бы... если бы... если бы не...

Замолчав, девушка уткнулась мне в грудь.

- Будет тебе, - пробормотала я, ошарашенная таким признанием. – Будет... Я же с тобой и я тоже тебя люблю.

Я произнесла последние слова потому, что не могла их не произнести. Сама я уже давно не испытывала никаких сильных чувств, кроме вспышек животной страсти, и не видела никаких перспектив к переменам.

Но все-таки нечто дрогнуло во мне и я сказала то, что думаю:

- Мне с тобой очень хорошо, я даже ощущаю себя твоей ровесницей. Мне никогда и ни с кем так не бывало.

Я погладила Сашины жесткие волосы и невольно добавила со вздохом:

- Хотя ты можешь просто сказать, что я напоминаю тебе маму, которой у тебя никогда не было. И я на то не обижусь.

- Нет, Настя, - возразила Саша, отстраняясь.

Видимо, все-таки не стоило напоминать ей о несуществующей матери. Которая, возможно, еще существовала, хотя это и не имело значения.

– Нет, ты не напоминаешь мне того, кого не было и так далее прибором. Я люблю тебя не за это, не за то, а просто за то, что ты есть. Понимаешь?

- Понимаю, - я кивнула, хотя понять этого не могла; таких опытов у меня не бывало.

- А мать у меня и была и есть. И отец тоже жив-здоров, не гуляет и в карты не играет, не рыбачит, не ходит на футбол, не чинит машину, не пьет и даже не курит и так далее. Родители как родители, очень нормальные и добропорядочные люди. Только я об этой паре уродов даже вспоминать не хочу... Потом как-нибудь. А то все в один день... будет многовато. Ладно?

- Ладно, - я кивнула, решив пока не вдаваться в подробности. – Пойдем подкрепимся. Что хочешь? сварить креветок или поедим салат?

Сашин детдомовский образ пошатнулся. Но это меня не сильно удивило, своих родителей, тоже вполне живых и здоровых, я не вспоминала даже по праздникам... не желая портить себе праздник.

- Креветок, пожалуй! – глаза девушки вспыхнули. – Я их никогда не даже не видела, только в инете читала, что вкусно...

После креветок мы сразу перешли в спальню. Саша даже не собралась покурить...

-...Тебе противно, наверное, - вполголоса говорила она, перебирая мой рыжий ежик. – Эта мерзкая татуировка...

- Вовсе она не мерзкая, - возразила я, потершись щекой о ее живот. – И не в ней дело.

-...Знаешь, мне ее там накололи. Опоили чем-то... меня сначала всегда опаивали, чтобы... ну сама понимаешь, чтобы что.

- Понимаю, - ответила я, ощутив очередной удар жалости.

- Это потом я уже сама все знала и еще больше хотела. А так однажды ушла в туман, вернулась – на животе эта гадость. Не понимаю дур, которые сами себя разрисовывают всякой хренью. Потом свести пыталась. Не разобрать теперь ничего, но до конца не свелось. Порохом кололи, это тебе не какая-нибудь бормашина с краской.

- Как у Оксаны? – спросила я.

- Нет, Оксана не дурная прошмандовка, под которую косит. У нее тату – просто краской сверху покрашено, время от времени сходит. А вот у меня...

- Отрастишь волосы – все закроют, - успокоила я, вспомним Катины мечты. - Сейчас мы бритые по должностным инструкциям. Но не век же тебе в «Астарте» нагибаться вперед перед каждой сволочью! Выучишься на экономиста...

- На самом деле на менеджера, - перебила Саша. – Тупая из тупых специальность, дипломом даже в туалете попку поранишь. Просто самая дешевая, да и та в самом хламном институте. В «ВЭГУ», другого по деньгам не потянула. Правда, там преподаватели взятки не берут. Сисадмину полштуку в зачетке – и тест на девяносто баллов.

- Сейчас все институты хламные, а специальности именно тупые, поверь мне, - успокоила я Сашу, вспомнив сетования сослуживиц по ЖЭУ, обсуждавших проблемы великовозрастных детей. – Все зависит от человека, больше ни о чего. Иная дура из Оксфорда вернется еще большей дурой, чем туда поступала. А ты с любым дипломом - хоть из вэги, хоть из дрэги, хоть из академии сервиса, хоть вообще из государственного университета, где профессора на корточках по коридорам курят - пойдешь вверх в любом нормальном месте. Забудешь все, как страшный сон.

Отрастишь волосы, и все такое прочее.

Я говорила уверенно и спокойно, хотя не была уверена, что в наши дни девушке Саше где-нибудь заплатят больше, чем в «Астарте»... из которой сама даже не думала вырваться.

-...А ты отрастишь? Ты на самом деле рыжая? Я описаться как люблю рыжих и сама всю жизнь мечтала быть рыжей, но мои головешки в рыжий не прокрасишь. Когда ты к нам пришла, то...

- Я... серо-буро-малиновая, - я хихикнула, чувствуя, как нежно Сашины пальцы перебирают остатки моей пышной гривы. – Меня родили по ошибке. На самом деле рыжий – это как раз мой цвет. Отращу и буду красить.

Саша молчала, и я добавила, еще не вполне понимая себя:

- Для того, чтобы нравиться тебе.

25

- Ну что, дорогая подруга моя – с законным браком?

Я вздрогнула от вопроса и едва не уронила чашку с кофе себе на голый живот.

- Рада за тебя, - добавила Ада, глядя ласково и отложив привычный журнал. – Честное слово.

- Но откуда... - я потрясла головой. – Разве...

Встретившись с Сашей на остановке уже не помню сколько суббот назад, мы повторяли эту субботу много раз. Но уходили отсюда разными путями и приходили тоже разными, и нас еще никто не видел вместе.

- Оттуда, - коллега тепло улыбнулась. – Ходите счастливые, как две пиписки. Светитесь и сияете, разве что по воздуху не летаете.

- Ты меня просто потрясает, - честно призналась я. – Я не думала, что все так заметно всем.

- Ну не всем, конечно. Не забывай, что я хоть и бывшая, но учительница, а мастерство не пропьешь, как ни старайся. Ты себе представить не сможешь, сколько романов прошло у меня на глазах. И как легко их было распознать... Вот поверь – по тому, как она вынимает учебник из сумки, я могла догадаться, как у них было вчера и что она сегодня о том думает.

- Да уж... - вздохнула я. – Но если светимся...

Я выглянула в цех. Солнце снаружи падало под непривычным углом, глухие окна сияли, словно облачные просветы на дороге в рай, и склоненная черная головка Саши была озарена каким-то новым светом.

- Если честно – то именно светимся. Я сама не подозревала, что это возможно в моем возрасте и в таком варианте.

- Завидую тебе, Стася, - тихо сказала Ада. – Даже передать тебе не могу, до какой степени тебе завидую.

- Ты мне?!

Само слово «зависть» казалось неприменимым в отношении нашей веселой и полностью самодостаточной толстушки.

- Именно так... - она грустно улыбнулась. – Ты думаешь, меня кроме писек и пиписек в жизни ничего не интересует. Все так думают, и я сама пытаюсь в это верить. Но...

Ада замолчала и посмотрела в непроницаемое окно. Лицо ее вдруг показалось грустным и даже поблекшим.

Я сделала кофе, встала и подала ей чашку. Коллега благодарно кивнула.

-...Люблю я мужиков, слов нет. И только мужиков, больше мне ничего не нужно. Ну, пока по крайней мере ничего. Наша Кэт с моими письками-сиськами развлекается – от меня не убывает, хотя я капельки не чувствую. Но эти мужики... Знаешь, если честно...

Она опять замолчала и отпила кофе. Я приготовилась слушать; после откровенных разговоров с Катей мне стало ясным, что мои боевые подруги хорохорятся внешне, а сами скрывают свои глубокие проблемы.

-...Если честно – я сама себе все мысли затыкаю пиписьками, а на самом деле... Все бы отдала, чтобы жить по-человечески, как живут нормальные простые бабы... Иметь нормальный дом, нормальную семью... Хотя нормальных я в жизни и не видела. Одни ущербные, истинный бог.

- А тут мы и есть ущербные, - поддержала я, вспомнив недосказанные слова Саши, которая не была детдомовской, но жила в общежитии. – С тобой все ясно. Катю брат со своей семейкой доконал...

- Там все сложнее.

Ада близоруко поднесла к глазам ноготь. Накрашенный Катей накануне ухода в вынужденные «красные» отгулы, он уже потускнел и даже слегка облупился: на дню мы мылись столько раз, сколько обычная женщина не моется за целый месяц.

- Катрина с ним еще девчонкой пипирилась...

Коллега осеклась, прикрыв рот ладонью.

- Ох, Стасюлёк... Не выдавай меня старую сплетницу – не сдержалась, брякнула по секрету!

- Не волнуйся, выдавать нечего, - успокоила я. – Она мне тоже намекала. Я так и поняла: старший брат ее на даче изнасиловал и все такое прочее.

- Мне не намекала, - Ада вздохнула. – На восьмое марта мы тут перепились – она с подробностями рассказывала. Все как раз наоборот. Брат у нее был моложе, она сама из любопытства ему дала. А потом уже до самого замужества от него не могла отлипнуть. И теперь...

- Да уж... - пробормотала я, поняв, что подруга рассказывала о себе не все. – Ни Кате, ни тебе с родственничками не позавидуешь. Я-то вроде не одинокая и ничего такого в жизни не было, но о родителях вспоминать не хочу и сына своего видеть не желаю. Оксана одна с ребенком не знаю как выкручивается, да еще и бабка при ней старая карга...

- Вот Аксинью в этом списке упоминать категорически не стоит, - с неожиданной жесткостью возразила Ада. – Голосок по телефону ангельский и все ее жалеют, потому что коленки паровозные и на лоскутках две карты

Антарктиды... У нее-то как раз все нормально. Бабка при ней как служанка - подай да убери. С родителями ей повезло, как пипиське: оба разбились на самолете по дороге из Новой Хренландии, оставили трехкомнатную квартиру в центре. Она переселилась в бабкину, которую держали ей на замуж, ту сдает каким-то мормонам и катается, как сыр в масле. Всю зарплату тратит на туфли – ты ее хоть раз в двух подряд видела? Королева Филиппин хренова. И то каждый конец месяца Алексашу наизнанку выворачивает, как бы кому-нибудь лишний пипир в бухгалтерию не пошел и кто-то не получил на три рубля больше. Единственное что – не может никого к себе домой поеститься привести, так она тут все имеет выше крыши. И без всяких хлопот, даже постель не нужно самой перестилать.

Я не нашла что сказать: прямые слова Ады разбивали образ нашей секретарши. Видимо, здесь бурлили такие страсти, о которых я до сих пор и не подозревала, лишь только слышала обрывки разговора.

-...Ты знаешь, Ася... Я не такая дура, какой кажусь.

- Ты не дура и никогда ею не кажешься, - перебила я.

- Дура, дура... *«Золотая Вагина России»* - Шанин правильно, сказал, даром, что сам без пипирки... Я же говорила, не всегда была такой. Я не жиры свои имею в виду – я вообще была не такой. Вот скажи – кто из нас, нормальных девчонок, хотел стать просто шлюхой, хоть и получать от того все тридцать три удовольствия?

- Никто.

- Именно, что никто. Сейчас мне ничего, кроме мужиков... точнее, их пиписек, не нужно. Хотя честно тебе признаюсь: когда кончу, потом минуту... или даже целых две ненавижу их всех за то, что от них завишу. И хочется пиписьки им отрезать и в уши запихать. Но я...

Из цеха донесся сигнал домофона. Очередной донор пришел сдавать продукт.

- Поговорили... - Ада вздохнула. – Я что-то запуталась – кому из нас идти в пипирочную?

- Я тоже запуталась. Когда Катя растеклась? Позавчера?

- Вроде в понедельник... Да ладно, у Алексаши все учтено, сейчас вызовет.

- Еще кофе, пока он моется?

- Давай, - кивнула коллега. – А то я что-то засыпаю.

Я взяла чайник, пошла санузел, вылила осадок.

- Санек! – громко крикнула Ада. – Кому из нас письку мыть?

- Никому, - ответила Саша, сверкая звездами из двери.

Итальянский бюстгальтер она надевала только по утрам и для меня.

- Я его отправила домой.

- А что случилось? – спросила я.

- Ничего. Просто пришел простуженный, нос красный и дышать не может. Урод в речке перекупался. Мне эта дура, которой от него станут впрыскивать, по барабану – но все равно ее жалко.

- Алексис, выпей с нами кофейку, - предложила Ада. – Сейчас будет свежий кипяток.

- Нет, спасибо!

Саша смотрела на меня и я поняла, что она не хочет делить мое общество даже с Адой.

- Мне надо кое-что на компе сделать, и все прочее...

Я сделала две порции кофе и присела к столу.

- Так вот, Стася... - продолжила Ада, захваченная своими мыслями. - Я ведь росла обычной девочкой и имела самые обычные мечты. Читала обычные книжки, играла в обычные куклы. Потом носила обычные платья, ходила на обычные вечеринки. Когда меня оприходовал одноклассник на втором курсе педа, это тоже было в порядке вещей... И даже сулило некоторые надежды. Мне сразу понравилось быть женщиной, я хотела ею стать по-нормальному, и стала бы ею, если бы...

Подруга вздохнула и свободной рукой погладила себя по голому животу, где один на другой нахлобачились три временные отметки. Кати не было, а смывать с себя цифры как следует Ада ленилась. Как ленилась и я... а Саша стремилась не оказывать мне знаков внимания на людях.

- Если бы не моя мать – ни дна бы ей ни покрывки, ни гроба ни савана, прости меня, господи... Ехидна со змеиным языком. Не знаю, каким местом отец думал, когда на ней женился... то есть как раз знаю, каким именно, больше никаким. И то, когда Инна подросла, убежал от нас, только... пятки сверкали. У нее всю жизнь яд изо рта лился, ни один парень ко мне в гости во второй раз не приходил. Ты понимаешь?

- Понимаю. И даже очень.

Я кивнула, хотя у меня все шло с точностью до наоборот. Родителям я была безразличной до такой степени, что пришедший ко мне парень мог не уходить вообще.

- Я ахнуть не успела, как жизнь прошла. Эта сучка сестра, я уже говорила – по телефону «*мамусечка-усечка-пусечка*», а живу с этой змеей дусечкой я. То есть не живу, а не пойми что делаю.

- Квартира у тебя однокомнатная? – спросила я.

- Двух.

- А разменять? – мне было все равно, но я не смогла сдержаться.

- Когда хотела, мать мне не давала. Теперь перехотела. Живу, как в тылу врага. И ведь не сдохнет никак...

Откровения рисовали новый образ вроде бы давно понятной сослуживицы.

-...Энергетический вампир. Доведет меня до того, что я уже не знаю, чем ее по башке шарахнуть. А сама пойдет новости по телевизору смотреть или радио слушать. И еще напевает.

- Ужас, - искренне сказала я. – Я со своими тоже чуть не врукопашную билась. Но они все-таки переживали. В конце концов разменяли квартиру – меня тут в однокомнатной оставили, сами уехали в Вознесенск, там жилье дешевое, а отцу все равно где работать.

- О... - напарница вздохнула. – У нас война сложная. Позиционная. Она мне кровь пьет, я плакаты с голыми пиписьками развешиваю. Она их срывает – я новые покупаю, есть один киоск у нас на рынке недалеко. И кто из нас победит... Боюсь, что не я. Мне осталось одно – етиться, етиться и етиться, как завещал великий Ленин. И умереть на кушетке.

- Да уж... - я тоже вздохнула. – И за что нам это все? Чем мы перед богом провинились... Хотя бога-то вроде бы и нет вовсе.

- Есть, наверное. Ведь ты нашла Сашулю, разве нет?

- Ну... Мы обе друг друга нашли.

- Так и хорошо, что обе. Нашли ведь!

Я промолчала. Со стороны было виднее – но я никому бы не призналась, что даже бывая с Сашей, временами думала о Кате...

- Ты ведь хотела создать семью?

- Хотела. И пыталась, я же рассказывала.

- Ну так вот! Та попытка не удалась. Теперь перед тобой раскрылось то, что надо. Алесаня – это и есть твоя семья. Может быть, все в твоей жизни и делалось для того, чтобы вы встретились.

- Ты уверена? – перепросила я.

- На все сто. Совет вам да любовь. Ты не должна это упустить. В стране дураков не регистрируют однополых браков, но разве в браке дело? Вы должны жить вместе, вы созданы друг для друга, как никто иной.

- Я подумаю над твоим предложением.

Мысль о том, что Саша – это не просто внезапная нетрадиционная партнерша, влюбленная в меня вчерашняя девчонка, а именно семья, мне самой не приходила в голову.

Я посмотрела на Аду с благодарностью; ее слова что-то прояснили в моей искусственно рыжей голове.

-...Настя! – мелодичный голосок моей «семьи» вывел из оцепенения. – Извини, но по списку следующая ты.

- Готовлюсь, моя радость, - ответила я, поняв, что за разговорами мы не слышали домофона. – Уже иду.

- ...Жизнь прошла, - повторила Ада, глядя на стену через мою голову. – Сама не заметила, как. Еще немного, они и для меня станут козлами.

- Да ну тебя, - встав со стула, я махнула рукой. – Кто бы говорил...

- Говорю как есть...

Я молчала; неожиданные слова Ады, бывшей для нас обеих с Катей символом... беззаветного поклонения пиписькам, казались исходящими от какой-то другой женщины.

- Думаешь, если я все время веселюсь, то... Если честно, я просто пускаю цветные пузыри, идя ко дну. Не за горами климакс, и тогда останется только...

- Какой у тебя климакс?! – искренне воскликнула я. – Да ты бодрее всех нас вместе взятых! Я о нем еще и не думаю, а ты меня моложе!

- Да уж – моложе, по роже Серёжи... - Ада в сердцах оттолкнула пустую чашку. – Это я с виду белая и гладкая, потому что именно гладкая не

знаю с каких пор. На самом деле мне уже давно полтинник стукнул, и... Я просто молчу, чтобы себе самой не напоминать. Сколько мне еще осталось писью щелкать – никому известно.

- Ад... - я невесело усмехнулась. – Кто знает – может, в ближайшие годы с миром произойдет нечто такое, что все мы отправимся туда, где не страшны уже никакие климаксы.

- Вот только на это я и надеюсь, - серьезно ответила напарница. – Если по большому счету.

- Я в душ пойду... - пробормотала я виновато, словно мое присутствие могло чем-то помочь без меры расстроившейся Аде. – Работа есть работа, и вообще...

- Стася... - коллега поймала мою руку, задержав у стола. – Знаешь... Не разбрасывайся своей жизнью. Я никому не говорила. Но... Когда Катрина около меня, мне не знаю как хорошо. Со мной никогда так никто не возился, меня не ласкал и не ухаживал за мной так. Даже мать, пока еще была матерью...

Ада провела ладонью по лицу и я увидела, как неожиданно влажно блеснули ее щеки.

-...Я не знаю, что будет со мной дальше. Но иногда мне кажется...

Не договорив, она привлекла меня к себе и уткнулась в меня лицом.

- Будь... счастлива... Ася... - пробормотала она судорожно и глухо. – У нас, наверное, уже ничего не будет. Все мы тут отработанный материал. А вот у тебя все впереди. Будьте обе...

Белые Адины плечи незнакомо дрожали. Я провела рукой по ее бесцветным волосам – они были мягкими, как у ребенка.

А на животе у меня стало горячо и мокро.

26

Воскресное утро сияло обещанием чего-то кажущегося бесконечным, как грядущий день.

Саша тихо спала рядом со мной; за минувшие недели ее сон успокоился, она перестала вертеться и лицо уже не искажали гримасы иллюзорного ужаса. По утрам мы уже не набрасывались друг на друга, как сумасшедшие институтки, нанюхавшиеся кокаина – не потому, что насытились, а как раз наоборот.

Мы испытывали столь полное взаимное растворение, что нам уже не требовалось переизбытка физических ласк, как было в первое время.

Осторожно выбравшись из постели, я сняла с крючка пеньюар и вышла из спальни. Прикрыла за собой дверь и прокралась на кухню.

Часы щелкали совсем тихо: им тоже еще хотелось спать.

Я налила в чайник свежей воды, вскипятила и заварила себе утренний кофе. Еще год назад вместе с гранулами я сыпала сахар, но жизнь около Кати

отучила меня от той привычки. Теперь я понимала, что глубокий вкус напитка нельзя портить крестьянской сладостью.

А можно просто запить им хорошую темную шоколадку. Или заесть кофе это шоколадкой, что было одним и тем же.

Шоколадок у меня в холодильнике лежал целый штабель; я покупала их в гипермаркете даже не по десять штук, а сразу коробку. И, разумеется, не молочную замазку «Альпенгольд» и не «Бабаевский» черный асфальт без масла какао – настоящий французский или бельгийский, который заказывали понемногу для гурманов; истинные россияне типа моих верхних соседей удавились бы, потратив такие деньги на шоколад, а не на пельмени из бычьих органов.

Вынув новую плитку, я разорвала бумагу, со сладким шелестом освободила от фольги, отломила половинку. Мой любимый продукт был плотным и почти звонким, но одновременно пластичным и раскололся ровно по бороздке.

С дымящейся чашкой в одной руке и куском шоколада в другой я вышла на балкон, предварительно кое-как прикрывшись. Голой я могла отдаваться природе лишь ночью, при свете дня была тут как на ладони.

Над двором беззвучно вились ласточки – мелькали в небе, взлетали и падали, меняли направление, останавливались на месте, проносились мимо балкона, едва не задевая меня крыльями

Я стояла, овеваемая ветерком, и ощущала в себе что-то новое.

Во мне царила какая-то удивительная гармония... точнее, полное приятие окружающего мира.

Я смотрела вниз и мне не хотелось кинуть сковородку ни на одну из машин, стоящих под окнами - несмотря на то, что днем они заполняли двор бензиновой вонью, а по ночам будили меня кваканьем сигнализаций.

Я смотрела дальше и не ощущала желания расстрелять вместе с хозяевами всех вонючих собак, которые без конца тявкали, метили каждый угол и раскидывали по тротуарам свои экскременты.

Меня не бесили даже мерзкие дети, отравляющие мне жизнь в собственной квартире компьютерным воем и пещерной музыкой со всех сторон, пачкающие подъезд жвачкой и выбегающие из лифта вперед меня по моим ногам.

Я никогда не любила этот мир; я не любила людей, потому что любить их мне было не за что. Но сейчас моя нелюбовь куда-то отошла, сменившись спокойным ощущением себя на такой высоте, с которой мелочи уже казались несущественными.

Что во мне произошло?

Неужели так сильно повлияли слова, педагогически сказанные Адой в промежутке между двумя животными актами, составлявшими мои должностные обязанности?

Или я просто переросла какую-то свою ступень и поднялась на следующую, о которой до сих пор не подозревала?

Я не знала ответа, да он и не был важен. Важным было лишь мое утреннее состояние – состояние утра моей вечерней жизни.

-...С добрым утром, Настя!

Саша стояла на пороге балконной двери – нежная и теплая со сна.

На ней была лишь моя короткая футболка, не прикрывавшая того места, которое так любила упоминать наша бывшая учительница. В нижней части одежды необходимости не имелось, поскольку со двора обзревалась лишь верхняя часть стоявших.

Но все-таки стоило купить Саше какой-нибудь хорошенький халатик, чтобы она ощущала себя тут совсем как дома.

Как в доме, которого у нее не было.

- И тебя, моя радость, - ответила я, нежно целуя свои почти супругу.

И, продолжая ту же мысль подумала, что к зиме нужно будет обеспечить ее еще и теплыми вещами – чтобы моя милая незащищенная девочка не мерзла в моем вытрезвителе.

Я привлекла девушку к себе, обхватила ее плечи, и мы некоторое время стояли молча.

Ласточки пролетали совсем близко; наверняка они нам завидовали.

- Слушай, - сказала я. – Саша... Давай поженимся?

- В... каком смысле? – она, кажется не удивилась, только посмотрела на меня.

- В прямом. Переезжай ко мне. Совсем. Ты прописана в своей общаге?

- Нет, у родителей... А что?

- Да ничего. Если в общаге – прописалась бы у меня. И так пропишу, если хочешь, будешь в городе официально и все такое. Я хочу жить с тобой.

Саша не отвечала, молча глядя куда-то за горизонт, где в утренней дымке плавилось уже горячее солнце.

- Или... ты не хочешь? Все это временно? Ты выучишься, уйдешь отсюда, начнешь новую жизнь, выйдешь замуж и родишь детей, и все такое?

Я выдала стандартный, почти голливудский набор на одном дыхании, чтобы выяснить сразу: согласна ли Саша жить со мной, или наши отношения для нее лишь этап.

Хотя и сама не могла еще сказать, чем они были для меня. Может быть, просто пыталась убедить саму себя в правоте Ады.

- Нет, замуж я не собираюсь. Сдохну, но не стану плодить наследников какому-нибудь пузатому уроду. Да и непузатому тоже. Я мужчин ненавижу. Всех до единого... ну, кроме доктора иногда. Вообще людей ненавижу, если правда.

- А я что – ненавижу? – я даже усмехнулась. – Я похожа на мать Терезу?

- Нет, на Терезу ты не похожа, – серьезно ответила девушка. – А «мать» для меня слово матерное.

- Нельзя работать в «Астарте» и при том любить людей, разве нет?

- Да, конечно. Мне тоже так кажется. И вообще.

- Ясное дело, меня никто не гнал в приемщицы. Но если я, дипломированный инженер... и неплохой инженер, кстати, поверь на

слово... Если я, чтобы иметь возможность пить по утрам кофе не за три копейки с настоящим шоколадом, вынуждена каждый день раздвигать ноги в целях увеличения поголовья человечества, то за что мне любить это самое человечество? Ведь нынешний мир, в котором нет достойного места, мне устроили не марсиане. Ты согласна?

- А то, - кивнула Саша.

- Ну вот видишь. Мы с тобой сестры. Я тебя обожаю, Катю с Адой... люблю, к той же Оксане хорошо отношусь. Она мне ничего плохого не сделала. И к Шанину, в этом мы тоже одинаковы. А на тех всех...

Я махнула рукой в сторону двора и простирающихся еще дальше за ним серых городских кварталов

- На них самих и на их мнение обо мне. Понимаешь?

- Да, - Саша опять кивнула. - И полностью с тобой согласна. Мне с тобой хорошо, как быть не может. Тебя я люблю и чем дальше, тем сильнее. Век воли не видать... Хотя так сейчас уже никто не обзывается на самом деле.

Я потрепала девушку по волосам.

-...А на остальных мне плевать желтой тряпочкой. Они мне все по барабану и даже дальше.

Она потерлась щекой о мое плечо и добавила тихо:

- Как и я им.

- Ну так вот, - я поцеловала ее душистую макушку. - Предлагаю тебе стать моей женой. Ну, или прошу тебя взять меня замуж. Ну, или как там еще... я не знаю, что у них на западе в этом случае говорится. Но ты меня поняла?

- Поняла. Ты предлагаешь нам с тобой жить вместе?

- Да, именно так, - твердо ответила я. - Хочу, чтобы мы были вместе, пока смерть не разлучит нас. Ты согласна?

- Можно, я перекурю? - не отвечая, попросила Саша. - А потом кофе попьем? Я спала-спала, никак не могу проснуться, голова сонная и ничего не соображает.

Мы выпили кофе с шоколадно-вафельным тортом, напоминающим «*пранлине*» моего студенчества - достаточно вкусным, сладким и сытным. Несмотря на мои протесты, девушка вымыла чашки и блюдца.

И, на ходу избавляясь от футболки пошла в комнату.

Основное время выходного дня мы проводили в постели и это казалось в порядке вещей.

- Ты предлагаешь нам жить вместе, - повторила Саша, когда мы устроились и она закинула ногу поперек моего живота. - Я правильно поняла?

- Совершенно правильно. Я хочу, чтобы мы жили как муж и жена... ну то есть как семья в широком смысле слова.

И подумала, что вопрос для девушки чем-то важен, если она затронула его прежде, чем... начинать все составляющее смысл нашего времяпровождения.

- Но ведь ты меня совсем не знаешь, - Саша криво усмехнулась. – Ты знаешь, что я...

- Знаю, - перебила я, догадавшись, о чем идет речь. – И для меня это не имеет никакого значения. Ну, что-то где-то не так сделала по молодости, ну где-то попалась? Ты же не депутатка Госдумы, чтобы присвоить миллиард и остаться сухой? В этой стране чем меньше украдешь, тем на дольше сядешь - разве нет?

Саша молчала.

- Я бы вообще украла всю Москву.

Девушка пожала плечами.

- Я понимаю, что отсидеть год в тюрьме – это был ужас. Но все прошло, жизнь идет дальше, и...

- Я не в тюрьме сидела, отбывала в колонии строгого режима. Сначала в малолетней, потом во взрослой. И не год, а семь от звонка до звонка. И я ничего не воровала. Я шла по «сто пятой»...

Саша сделала паузу и пояснила, видя мое непонимающее лицо.

- Убийство без смягчающих.

Такого признания я не ожидала. Но...

Но почему-то оно меня не шокировало.

Как, наверное, уже ничего не могло шокировать женщину, отработавшую три... даже четыре месяца приемщицей в «Астарте».

- Ты понимаешь? Я убила человека!

Все-таки я не сразу знала, что сказать.

- Че-ло-ве-ка!

- Человека? – я, кажется, пришла в себя и даже усмехнулась. – Было бы кого жалеть! Людей много. Вот если бы ты убила кошку, собаку... или хотя бы зеленую лягушку – тогда другое дело.

-...Убила, да. Понимаешь – у-би-ла!

- Убила... Ну и что?– я пожала плечами. – Мне тоже иногда хочется кого-то убить.

Девушка молчала.

- И не мне одной, - добавила я, вспомнив слова и Кати и Ады об их родственниках. - Но... Это в самом деле ужасно. Ужасны семь лет в колонии и ужасно то, что у тебя такой опыт. Но повторяю еще раз – для меня это не имеет никакого значения. Я люблю тебя.

Я призналась Саше в любви легко, хотя до этого момента не произносила этих слов даже мысленно. Но сейчас... сейчас они были необходимы.

- Люблю тебя, а не твое прошлое. И мне все равно, хоть бы ты убила всю нашу донорскую команду. И не просто убила, а продала бы их на кошачий корм. Хотя в этом случае мы с тобой остались бы без работы.

Саша неуверенно улыбнулась.

- Теперь я знаю о тебе все? И могу еще раз позвать тебя замуж?

- Ну... Знаешь все, что было, но не знаешь, как и почему. Рассказать?

- Как хочешь, - почти спокойно ответила я. – Если тебе доставит облегчение – расскажи. В третий раз повторяю, что это для меня ничего не изменит.

Я прижала Сашины плечи к себе.

- Абсолютно ничего, понимаешь?

- Ага... - девушка кивнула с явным облегчением. – Тогда расскажу. Я так еще никому не рассказывала, даже... ну пока неважно кому. А ты слушай.

- Слушаю, - подтвердила я, опустив руку на ее колено.

- Вот издалека начну, ладно? Ну то есть не издалека, а типа с самого начала, чтобы было понятно, как все случилось, ладно?

- Как тебе самой лучше, моя хорошая...

Я поцеловала ее легкую головку.

- Помнишь, я тебе говорила... в самый первый раз... что не хочу вспоминать своих родителей?

- Помню, конечно.

- Я боялась тебе говорить такие слова, потому что везде в уши льют, что позвони родителям, их не выбирают и прочую туфту?

- Вот именно, что туфта, - согласилась я. – Если бы я выбирала, то предпочла вообще появиться на свет без родителей. Ин витро, как говорит наш безпипирочный Шанин. Так было бы проще жить. И я тебя очень хорошо понимаю.

- Я бы своих под асфальт закатала за все, что пришлось пережить по их дурости. Ненавижу, уроды! Таким нужно детей запрещать. Идиоты... Нет, не идиоты. Меня от мата тошнит, он мне зону напоминает, хотя на зоне и не матерились почти, но сейчас не могу. По-Катиному скажу – они просто уё***ки.

Саша поправила волосы; слова явно не приносили ей радости – да такие слова и не могли ничего приносить.

- Со школы помню, изучали навозного жука на ботанике...

- На биологии, - машинально поправила я.

- Ну на биологии, один фик... Этот жук из навоза шары катает, чтобы их потом есть и все такое. Так вот мой отец – даже не жук, а червяк навозный. Не катает ничего, а всю жизнь просто в дерьме копается. Ничего, кроме грядок в своем вонючем саду, не знает и знать не хочет. И мать такая же говённая огородная, другая бы за такого замуж не пошла. С детства ничему меня не учили, кроме как картошку окучивать и чем усы у «виктории» обрезать.

- «Виктория»... а что это такое? Яблоня?

- Нет, такой сорт клубники. Но эти обезьяны огородные всю вообще садовую клубнику так называют, потому что даже в своем огороде нифига не понимают.

Я вздохнула, представив, как месяца через два над нами по потолку начнут шаркать садоводы.

-...Все остальное запрещали – я не говорю про книжки или интернет, даже телевизор не давали смотреть. Дома у нас никто никогда вообще не бывал, потому что с навозниками могут общаться только такие же навозники, но они даже по-русски говорят хуже татар. Я жила, как в космосе. Но мать с рождения долбила, что девочка должна быть девочкой. Что то, чем мы на работе занимаемся – до замужества смертный грех и конец жизни и вообще. Можешь себе представить?

- Примерно, - ответила я. – Мои родители тоже были уроды, только в другую сторону.

- Ну вот. А я уже говорила, ляльки чуть не в детском саду начали расти. В тринадцать лет я была уже почти такая, как сейчас.

Саша взяла себя за грудь.

- Тут все есть, в голове – ничего. На вид взрослая, на самом деле глупая, как...

Девушка криво усмехнулась.

-...Как пиписька. Потому что эти два кретина не думали мне что-то объяснять. Отцу все было пофигу кроме грядок, а у матери на все только «нельзя». И когда я начала вроде как с девчонками в компании общаться, была дура душой во всем. Понимаешь?

- Понимаю.

- А ходила я уже тогда на шпильках, потому что мне длины ног не хватает.

- Как это – «не хватает»? – переспросила я. – С чего ты взяла?

- Так и не хватает, - убежденно возразила Саша. – По росту и по всему прочему. Вот, посмотри. Пятнадцать сантиметров...

Она подняла ногу и помахала ею над кроватью.

- Видишь, какие у меня коротенькие ножки?

- И ничего не коротенькие, а очень даже хорошие, - не разбираясь, возразила я.

- А с чего бы им быть длинными, - не слушая, продолжала девушка. – Если эти придурки лагерные меня в детстве кормили одним говном? Не мясом, даже не колбасой. По утрам холодный творог, разведенный водой, днем макароны, вечером какая-нибудь блевотная каша, которую я вываливала в унитаз? С чего бы я выросла, если отец все деньги гробил на сады, погреба и участки под картошку за городом? А потом эту картошку чужим людям за так раздавал, потому что нам ее было не съесть?

Саша расплилась; слова о родителях вызывали у нее ненависть, и я ее понимала.

-...Ну неважно, я не о том... В общем, я ходила на шпильках – как сейчас хожу. На туфли деньги у них с боем выламывала, но без них себя не человеком чувствовала. И вот как-то раз девчонки подтянули каких-то взрослых парней...

Саша глубоко вздохнула.

- Я на все без разбору вечеринки ходила. Вообще жила только мыслями, как вот доживу до восемнадцати и выйду замуж за фиг кого угодно, лишь бы с родителями не жить...

- У меня было почти то же, - вставила я. - Я приводила кого попало, ни о каком замуж не думая – лишь бы показать родителям, до какой степени мне на них наплевать.

-...И там было еще вино, а дома у нас никогда не бывало, потому что отец ангел без привычек и так далее. Я даже особенно и не пила, так, только попробовала, но все равно было как-то клево. Потом пошли танцевать в разных комнатах. И я оказалась с парнем, и он меня посадил на диван, и...

- Изнасиловал, - подсказала я, желая избавить Сашу от подробностей.

- Да нет, нифига не изнасиловал. По ходу даже не собирался, а если и собирался - увидел бы, я девушка, да узнал, что малолетка... И нафиг ему это надо, хватало тех, кого можно отпороть без проблем и с полным удовольствием... Он просто ляльки мне решил пощупать. Так, для прикола: он не пьяный был и не обкуренный, и в комнате еще кто-то, и все тискались и ржали просто так. Да в конце концов – даже если бы он с меня трусы снял? Ну и что? Земля бы упала на Луну? Годом позже, годом раньше – какая разница! А я...

Девушка постучала пальцем по лбу.

- Мне все, что мать дура недоделанная с утра до ночи повторяла, вспомнилось. Сняла туфлю – размахнулась и вмазала все равно куда. Попала в башку, наповал с одного удара. Даже понять ничего не успела. Шпилька так в висок вошла, что даже вытащить не сумела – в одной туфле меня мусора и повязали, когда приехали следом за «скорой».

- И тебя засудили... - я вздохнула.

- О-судили, - поправила Саша. – Тогда мне казалось, что в самом деле засудили и так далее. Теперь понимаю, все там было против меня. Экспертизу сделали – как обвинитель на суде сказал, *«акт не был произведен»*. И какой там нафиг *«акт»*? Когда забирали, я была одета, даже платье не порвано. И кто рядом тусовался – они подтвердили, что ничего такого не произошло. Менты, конечно, все гондовня, хороший мент – мертвый мент, сто процентов. Все они полное дерьмо – что менты, что судьи... Но смотри: они приехали, я в полном порядке, одета-причесана, а он на полу и шпилька в голове. И получилось, что он невинная жертва, а я преступница. Взяли в наручники и увезли.

Саша подняла перед собой руки и потерла свои тонкие запястья.

- И ничего нельзя было сделать?

- Можно было при нормальном адвокате. Особенно если он судью знает. Но отец говённый на частного адвоката денег не нашел, он баню строил... или курятник, уже не помню. Экономный где не надо.. Я в январе родилась, он денег на такси пожедил, из роддома вез на трамвае...

- На трамвае?! – невольно воскликнула я. – Новорожденную? Такое бывает?

- Было. Мать потом со мной в больнице лежала, с воспалением легких почти сразу... И всю жизнь одно и то же – на бани и гаражи сотни тысяч, а дома заставляет зубочистки мыть и снова использовать... Заставлял, пока я этой зубочисткой ему в глаз не ткнула... жаль, промахнулась.

Саша стиснула зубы.

- А тогда он еще сказал, что надо жить по совести, честному человеку адвокат не нужен, потому что правда не требует защиты и еще кучу всякой хрени в уши втер. Дали мне бесплатного государственного - а что тот мог? Пык-мык, все свидетели против, у меня не то что превышение необходимой, а вообще никакой обороны не было, я его типа от балды замочила.

- А у этого... убитого... родители адвоката наняли? Или как там - судью подмазали?

- Фиг знает. Не думаю, что подмазывали. Они не богатые были вовсе. Отец его с инфарктом лежал, мать на процессе сидела вся белая и даже не плакала. Да процесс и шел всего ничего – дали по максимуму, без вариантов. Мне еще как на пакость четырнадцать успело исполниться – и понеслась. Так может быть, что-то смягчили, а тут уже уголовная ответственность по полной и так далее. Сначала в колонию для малолеток, потом на взрослую зону. Ну а там... Там сама знаешь, что со мной сделали.

- Бедная девочка!.. – пробормотала я, глядя девушку по голове. – Бедная ты моя... И ведь ни в чем не виновата, по существу.

- Виновата, не стоило бить не подумав. Хотя думать тогда мне было нечем, при моем как бы семейном воспитании. Поумнела я на зоне, и то не сразу. Сначала считала, что он во всем виноват, только он... А потом поняла, что он не виноват... как и я не виновата.

- Виноваты твои родители, - твердо сказала я. – Которые вбили тебе в голову, извини, всякую пионерскую хрень.

- Не извиняйся, Настя, - Саша махнула рукой. - Я точно так же думаю. Хрень она хренью и останется, хоть шоколадом намажь.

- И как ты... жила... там? – я вздохнула. – Извини еще раз, глупый вопрос. Как там можно жить, даже мне ясно. Никак. Как ты сумела выжить?

- Как... - девушка невесело усмехнулась. – Уже самой не понять. Кажется, что именно никак. Но тогда... Как-то жила. Что началось в детской колонии... в самом деле страшно вспоминать. Сначала я плакала.

- Плакала?.. – вырвалось у меня; образ Саши не вязался со слезами.

- Конечно плакала, а как ты думаешь? Я же была домашняя девчонка, а попала в свору таких, что... Это сейчас я все свои слезы истратила до конца жизни а тогда...

Она закусила губу, глядя куда-то сквозь стену.

- Сначала просто плакала. Потом замолчала. А потом стала бить. Просто бить, без слез и без слов. Шпилек уже не было, никого не убила, срок не набавили.

Саша опять невесело усмехнулась.

- Потом уже когда на взрослую зону перевели, мне повезло. У меня одна женщина была, и она со мной... Ну неважно, кто и как. Поддержала и

научила всему, что моя дура мать считала само собой и не нужным. С ней я хорошо жила и даже поумнела. А потом уже под конец срока – не то чтобы шишку держала, но... в общем, была человеком... Если там вообще можно быть человеком.

Я ничего не сказала, только крепче прижала Сашу к себе.

Хотя было ясным, что при всей своей многогранной жизни я не обладаю даже долей ее мужества. Ведь без мужества в характере она не смогла бы пройти семь кругов ада и остаться человеком.

- Ты знаешь, Настя... Я за семь лет прожила целую жизнь. И все время все видела по-разному. Знаешь, вначале я еще ничего не понимала. Мне казалось, что меня несправедливо закрыли и так далее...

- Так на самом деле несправедливо!

- Нет, я не то имела в виду. Мне казалось, все кругом во всем виноваты и все мужики – скоты.

- Так они и есть скоты, - я не могла не согласиться. – Все как один. Скоты и козлы.

- Ну да, кто спорит... Козлы, причем вонючие. Но тот, которого замочила, ничего плохого мне не сделал, только мои ляльки ему понравились – сама виновата, такие отрастила и напоказ носила.. Но тогда я всех мужиков разом возненавидела. И ты знаешь, мечтала... Не мечтала, а видела наяву: вот откинусь, поступлю на юридический, стану судьей, и тогда всем мужикам покажу небо с овчинку...

- Небо в алмазах, - поправила я. – А с овчинку оно им покажется, когда ты все нужное покажешь.

- Ну может быть, да... Но представляешь, какая я была дура? Кто после моей статьи не то что в судьи, а даже просто на юрфак пустит?

Я хотела спросить у Саши про снятие судимости, но промолчала.

- Потом я немножко поумнела и стала ненавидеть своих идиотов родителей. Представляла, как их тоже на зону отправили и опустили по полной за все, что я из-за них вытерпела.

- Но они о тебе хотя бы заботились?

- Заботились, а то как же. В колонию приезжали – каждый раз с тонной какого-нибудь говна из сада. Другим девчонкам конфет привозили или даже шоколада – отец уши тер, что полезно есть только сырую морковь со своих грядок, а остальное баловство за деньги. Потом на взрослой зоне я уже от свиданий отказывалась, не хотела видеть их тупых рож. Но ближе к звонку уже как-то даже простила их... Что с них спрашивать, если их бог на голову обидел?

- А ты что... в бога стала верить?

Вопрос вырвался сам по себе; Саша и вера не стыковались в моем сознании.

- Нет, конечно. Что я – дура? Хотя у нас почти все верили, на зоне церковь была, все в платочках в очередь стояли, и так далее. И поп по баракам ходил, благословлял – я ему ни разу руку не поцеловала. Не потому, что мужик – кстати, неплохой был, сам бывший зэк – а потому что в бога не

верю! Какой нахрен бог?! Бог должен правду видеть и давать всем по заслугам, а он что увидел? И в чем моя такая вина, чтобы так наказывать? в том, что родилась не в человеческой семье, а у огородных питекантропов? Я бы в черта поверила... но черта тоже нет.

- Да уж... - пробормотала я. — Твои родители — конец котенку, не будет больше ср***ть... Именно, что питекантропы, по-другому не скажешь.

-...Потом о них забыла вообще. Не то что забыла - даже под УДО не стала рваться...

- «УДО» - это что?

Никогда в жизни я не только не имела знакомых, прошедших через тюрьму, но даже не читала книг, хотя бы вскользь касающихся темы. Этот вариант человеческого бытия всегда вызывал у меня непроизвольное отторжение.

Хотя факт тюремного опыта Саши ничуть не влиял наприятие именно ее.

- Условно-досрочное освобождение. За хорошее поведение и все прочее. Так я вспоминала, как с ними на воле жила — и это казалось хуже зоны. Ну не лучше, по крайней мере. Но ты знаешь, Настя... Когда я к ним вернулась, то поняла, что они и ненависти не стоят и прощения не заслуживают. Их прощать - не прощать все равно, что обижаться на обезьяну, которая тебя стукнула и того не заметила. Хотя у обезьяны-то в голове хоть какие-то мозги есть, а у этих только перегной из прошлогоднего навоза. На их башках можно наколоть грузовик дров — они от щепок отряхнутся и поедут за сто километров в Николаевку колорадских жуков снимать с ботвы. Хотя эта их картошка по-любому обойдется дороже магазинной. Да и то если кто-то за день до них весь участок не придет и не выкопает.

Саша махнула рукой.

- Никто не поверит, что есть на свете такие дегроды, как мои родители. Хорошие люди со всех точек зрения! Я же говорила - не алкаши, не пьют, ни курят, не буянят, даже мусор в мешках из окошка не выбрасывают. Никому не мешают жить. После института как устроились в одно место, так там задницы и просиживают. Порядочные, говорят только правду, за всю жизнь ни разу не соврали. За всю жизнь коробка спичек не украли. Плохого слова никому не сказали и о них никто плохого не скажет. В свободное время не песни с шашлыками поют, а на грядках пидарасятся. С них портреты писать - положительные до мозга костей! Только рожи, как у обезьян, и мозги как раз только в костях. Прикинь — я зону оттоптала и откинулась совсем не такой, какой ушла, а они ни на каплю не изменились, остались все те же! Я целую жизнь на нарах прожила — а они делали вид, будто ничего не произошло! Как будто семь лет в детском лагере маргаритки поливала и вернулась прежней. Относились ко мне, как к школьнице, которая убежала от них на ту проклятую вечеринку! Требовали, чтобы я жила, как жила. Ложилась с курами, вставала с петухами. Себя блюла до замужества, в десять вечера была дома. Чтобы с ними за одним столом опять скребла хлебово, какого

даже на зоне не ела. Чтобы с отцом таскалась по магазинам и искала самую дешевую овсянку. А по выходным ездила с ними в сад пропалывать свеклу. Они даже не представляли себе... или не хотели представить, что именно случается с девочками, если они в четырнадцать лет попадают в колонию для малолетних преступников...

- Родившиеся полными идиотами умрут идиотами еще большими, – согласилась я. – Об этом не один умный человек говорил.

- Я у них, ясное дело, деньги сначала брала и на поесть и одеться – нефиг было меня рожать, я их о том не просила. Да и все равно они бы все на удобрения спустили. Но на свою комнату замок поставила и их перестала замечать – типа пеньки с глазами около меня трещат. А потом... Ты меня прописать предлагаешь как городскую и так далее – спасибо тебе не знаю какое! Ты думаешь, я иногородняя?

- Ну да, а как иначе? если ты в общежитии?

- Да нифига... Я живу... мои родители живут в трех кварталах от роддома, меня обратно прописали без напряга. Я сразу работу стала искать, начала откуда ближе, потому что весна, холодно, пешком тяжело, маршрутка дорого... В конце концов оказалась здесь и Шанин помог с общежитием. Ты знаешь, я родительскую квартиру так ненавижу, что лучше было на зону вернуться. Там хоть какие-то приятные моменты были – а с этими каждая минута... как будто меня душат тряпкой для подвязывания помидор. Я бы сдохла около них, а они бы на моей могиле посадили картошку.

- И что теперь? – спросила я, хотя все было в общем ясно.

- Да ничего. Живу в общежитии, с этими уродами не общаюсь. Стало легко. И ты знаешь, удивительно... Моя мать в самом деле твоя ровесница – ну или там на год старше. Но она... О ней не хочу даже вспоминать. А вот ты, Настя... Я не хочу делаться твоей дочерью. Я хочу стать твоей женой.

При последних словах Саша приподнялась на локте и поцеловала меня в губы.

- Если ты, конечно, не передумала после всего, что узнала.

- Не передумаю, даже если узнаю что-то еще, – ответила я. – Одевайся и поедем в общагу за твоими вещами.

- Думаешь, это надо? Может быть...

- Надо, – отрезала я. – И не может. Хватит тебе маяться. Все прошлое прошло, как страшный сон. Мы начнем новую жизнь.

- А можно, в старой еще разок на балконе перекурю?

- Кури. Я пока достану чемодан и освобожу.

- Да не нужно чемодана, – Саша махнула рукой, слезая с кровати. – У меня вещей всего ничего. Пара платьев, пара туфель, планшет, бумажные учебники, трусы и четыре разных бюстика... Хватит просто пакетов.

- Едем с чемоданом, – я была непреклонна. – Как путешественники, которые отправляются в далекий путь.

- Ну ладно, – Саша улыбнулась, пряча тело под моей футболкой. – В путь – так в путь...

-...Сказал попугай, когда кот потащил его из клетки, - не к месту завершила я и встала на цыпочки чтобы залезть на шифоньер.

Через полчаса мы шли к автобусу и я тащила за собой роскошный чемодан на ручке.

Пустой, он грохотал на щербинах асфальта, пытаюсь сказать, что именно с ним я три года назад в последний раз летала в Турцию.

И напомнить волосатые руки турка по имени Хакан - мусульманина, но не негра – с которым днем я купалась в бикини, вечером – топлесс, а ночью...

Ночью, точнее под утро, говорила себе, что все мужики одинаковые уроды, но, в отличие от русских обезьян, турки хотя бы нежны на предварительном этапе.

Еще через два часа тот же чемодан ехал за мной в обратном направлении.

Слегка наполненный Сашиними скудными вещичками, он оставил свои намерения, уже не порывался говорить и ехал молча.

А еще через полчаса я нежно мыла свою новоиспеченную в ванне, гладила ее плечи и белую грудь, вздымающуюся из душистой пены.

И уже не помнила имени этого Хакана.

Как не хотела вспоминать ни одного из других своих мужчин.

Равно как не думать о прочих.

Думала лишь о том, как завтра утром с нежностью застегну на ее спине купленный для меня итальянский бюстгальтер – что мне нравилось, как не знаю что – и мы поедем на работу, на разъединяя рук и ни от кого больше не таясь.

- Я тебя люблю... - повторяла я. – Люблю тебя, Саша... Тебя одну и только тебя...

И теперь в словах была чистая правда.

Потому что кто-то где-то писал: мы любим людей не за то, что они делают для нас – а за то, что мы делаем для них.

27

Душ тихо шумел, мягкие струи ласкали плечи и стекали по моим ровным бокам.

А я сидела на корточках, разведя свои неземной красоты бедра, и наблюдала, как из точки их схождения выползают мутные беловатые сгустки. Падают из-под меня и тут же пропадают в небытие, увлеченные водой в черную воронку слива.

Я не могла оторвать взгляд от этой жидкости.

Жидкости, умножающей поголовье самого отвратительного из всех живых существ – человека.

Жидкости, выработка которой меня кормила на рабочем месте.

Жидкости, которую я когда-то любила.

Но сейчас я тужилась изо всех сил, не желая хоть лишних пять секунд держать эту жидкость внутри и зная, что выполощусь, вымоюсь, проспринцуюсь дважды или даже трижды, а потом вымою себя еще раз.

Потому что меня мутило от самого запаха свершившегося совокупления.

Когда во мне случились перемены? сколько времени протекло с тех пор, когда все связанное с мужчинами не только не вызывало во мне физического омерзения, но несло физическое удовольствие?

Должно быть, не так уж мало; уходя на работу, я уже не одевалась, а раздевалась, покидая наш «вытрезвитель», в котором стало уже точно как в вытрезвителе, но отопления еще не включали.

И Саша тоже снимала пушистые свитера и выskalывала из теплых брюк.

А потом застегивала на себе новую дубленку и мы обменивались последним поцелуем в передней перед отъездом на работу...

Подумав о девушке – что-то делавшей сейчас в десятке метров за несколькими стенами – я снова посмотрела на свою нижнюю часть.

Напряглась, проводила взглядом очередной тошнотворный сгусток и подумала о том месте, из которого эта гадость выпадала.

А когда было все остальное, с этим местом связанное?

Когда Катя рассуждала о сущности нетрадиционностей, когда они с Сашей каждый день «делали» друг друга, и когда моя напарница еще только мечтала о белотелой Аде, в которой сейчас растворилась полностью?

Мысли о Кате были не постыдными и совсем не мешали Саше.

Впрочем, одни из козлов моей прежней жизни, лежа на мне, вспоминал о своей жене и говорил, что любит одну, но хочет всех...

Тем более, что мысли о Саше уже связывались не со срамными зонами, а с чем-то куда более глубоким.

Дверь санузла отворилась и передо мной, словно все подслушав, возникла Катя.

Решительная и прекрасная, как всегда.

И, возможно... даже более желанная, чем прежде.

- С тобой все нормально? – спросила она, шагнув к душевой выгородке.
– Ты так долго моешься! А после того случая...

- Все в порядке, Катя... - ответила я.

«Тот» случай, когда донор чуть не порвал мне горло и за это остался без носа, вывернутого Сашиними пальцами, произошел летом. Но подруга помнила все и беспокоилась, и это наполнило душу нежной благодарностью.

- Все в порядке, я просто изгоняю из себя последнюю разрядку.

Я потерла свои места рукой и понюхала ладонь. Кажется, я наконец отмылась

- Ума не приложу - как я раньше пила эту гадость и даже находила удовольствие?

- Я тоже, - Катя кивнула. – Ума не приложу, как не просто терпела мужиков за деньги, как сейчас, а находила в том удовольствие.

- Слава богу, мы все-таки прозрели, хотя нас почти никто не поймет.

- Именно что почти никто, - Катя опустила руки мне на плечи. – Хорошо, что мы с тобой это понимаем.

- Но занимаемся, как говаривал доктор Шанин, спасением человечества, – добавила я.

Катино тело сияло перед моим лицом, и мне захотелось припасть к нему так, как подруга припадала к Аде.

Я взяла ее за бедра, и притянула к себе.

Место Катина оказалось ничем не лучше Сашиного. С точки зрения разнообразия этих самых мест женщины, видимо, ничем не отличались от мужчин. Разве что Саша из-за молодости была вкуснее... что тоже полностью соответствовало моим прежним опытам.

- Неплохо, - сказала подруга, с видимым усилием погасив дрожь живота. – Твоя женитьба, Настька, пошла тебе на пользу.

С не меньшим усилием я отстранилась. Все делаемое мною было ненужным... но бесполезным для меня самой.

- Я, конечно, еще ни разу не пробовала, но руку мастера не узнать невозможно. Точнее не руку, а язык.

Коллега хихикнула и поджалась, как девчонка.

Я выпрямилась и расправила влажную грудь.

- А если серьезно...

Катя поняла все правильно и по очереди нажала длинным пальцем на обе мои кнопки.

-...Истинное спасение чересчур размножившегося человечества как раз в однополой любви.

- Но понимая все, мы продолжаем его плодить, - сказала я. – Хотя за деньги можно заниматься и не таким делом.

- Мы – ерунда. Те искусственные ублюдки, которых мы обеспечиваем, все равно никогда не станут полноценными людьми. Человек не заяц чтобы рождаться не пойми кем. На этот счет не волнуйся.

- Но... - я усмехнулась. – Как мы спасем это ср***е человечество, если при нашем с тобой... нашим с Сашей и твоим с Адой варианте оно просто вымрет?

Я выключила воду, решив, что выпью кофе, а уж потом продолжу свою радикальную гигиену.

- И насчет этого тоже не беспокойся, - сказала Катя, сняв с крючка махровое полотенце и вытирая мне спину. – Как мы пока еще редкость, так и потом найдутся разнополые идиоты, желающие кого-то родить.

Улыбнувшись, я поцеловала свою подругу в губы.

- А вообще, Настька... я за тебя ужасно рада. Помнишь наш разговор? В нашей комнате о нашем будущем? О том, как я зарабатываю себе на квартиру, собираюсь найти сожительницу и забить на все остальное?

Подняв одну ногу, я принялась вытирать себе колено. Катя поддержала меня за бедро.

-...Ты молодец. Пока я еще только планирую, ты уже нашла себе все, ради чего стоит продолжать эту сучью жизнь...

Я кивнула. Катя взяла меня за грудь, и это было еще приятнее.

-...Нашла ведь?..

Я кивнула еще раз. В прикосновениях напарницы не было ни чувственности, ни даже простой нежности – только теплое желание помочь.

-..Так вот, Настька, тебе мой совет... Уходи ты из этой п***доё***ной промандобл***ской «Астарты». Я тут трахаюсь из нужды. А у тебя есть и любимый человек и квартира для жизни. Зачем тебе продолжать все это ё***ское бл***дство? Уходи прямо сейчас. Вытрись, прими с нами кофе и беги отсюда к х***ям собачьим!

- Ты знаешь... - я взглянула на Катю внимательно.

Такая мысль в мою умную голову еще не приходила. Я, кажется, уже жила по инерции, отделяя необходимость от желаний.

– Я об этом не думала, но...

- Не надоело тебе? не напрягает, что вас обоих вас тут трахает всякая сволочь, да еще друг у друга на глазах?! Я бы...

-...Катюня! – сияя напомаженной грудью, в дверь просунулась Ада. – Асюнина супруга зовет тебя в койку... То есть нет, не «в», а на койку. Клиент готов, пиписька ждет письки для пипира!

В толстушке не виделось даже намек на ту отчаявшуюся, почти пожилую женщину, что неожиданно делилась со мной мыслями о своей жизни.

- Е***ть его самого в анус, - ответила Катя и пошла в соседний отсек.

Одну за другой я вытерла ступни, на которых недавно обновила педикюр и пошла пить кофе.

- Настька, подумай над моими словами! – донеслось вслед сквозь кваканье спринцовки. – Мы без тебя тут сгинем, но ты мне дороже.

28

Ночь еще не настала.

Через этаж – то ли снизу, то ли сбоку наискось – в спальню доносились тупые ритмы рэпа. И оставалось лишь радоваться, что несколько бетонных плит, отделяющих нас от троглодитов соседей, заглушают еще более тупые слова.

Но даже музыка для дебилов не могла нарушить моего разнеженного состояния.

-...Ты знаешь, Настя...

Сашин тонкий пальчик нарисовал кружок у меня на груди.

Точнее между теми ее частями, которые еще не успели успокоиться после теплых волн, на которых мы недавно нежились вдвоем.

-...Смешно вспоминать...

Мы лежали в кровати – что было нашим естественным состоянием не только потому, что в квартире не было мест для совместного сидения.

Правда, единственная моя комната была достаточно длинной, я просто использовала ее неразумно, не ставя цели свить семейное уютное гнездо.

Кровать, бывшую сейчас центром всего, можно было отодвинуть из-под протекающей люстры в угол за дверь. На ее нынешнее место через полгода я смогла бы поставить удобный нераскладной диван... Еще месяца через три-четыре – купить телевизор. Побольше, чем нынешний кухонный, интернетский – и, подобно Кате, вечера проводить за фильмами, найденными нами для себя. А потом установить кондиционер с имеющим тепловым насосом – чтобы комната перестала быть вытрезвителем и мы смотреть все эти фильмы, сплетаясь голыми телами и не дрожа от холода...

Но сейчас еще текло лето, мы без проблем лежали голые на горячей простыне, и Саша тихонько рассказывала о себе.

Я все еще поражалась и глубине и скрытности своей возлюбленной. Мы жили вместе уже не один месяц... точнее, мне казалось, что я жила с Сашей всю жизнь, а без нее не жила вовсе – но она то и дело открывала что-то новое.

Обнимая девушку в маршрутке, лаская ее в ванной или в постели, даже просто разговаривая с ней, я ощущала себя несмышленной девчонкой. Ведь у меня имелись какие-то знания, пассивно рожденные возрастом – а у нее был опыт.

Опыт ненужный, лишний... но не сравнимый с опытом моим.

И какая-то грустная мудрость, в Саше, временами пронзала меня насквозь. Ведь сама я до такой не доросла даже теперь.

-...Ты не поверишь, Настя, но с зоны я вернулась девственницей. Ну, в смысле во мне не побывал ни один мужчина. Первым оказался...

Моя жена вздохнула.

-...Представь себе, наш милый доктор Шанин...

- Как так? – я даже привстала. – А разве он...

- Да, именно это слово. Так вот он оказался моим первым мужчиной, а я стала его как раз последней женщиной. Сам потом говорил.

- Надо же, - я усмехнулась, вспомнив ритуальные похлопывания по Сашиним мягким местам. – Я-то думала, что он просто оказывает тебе обязательные знаки внимания.

- Нет, не обязательные, - девушка тоже усмехнулась. – А вполне желательные, хотя ни к чему не ведущие. Он на меня запал не по-детски... Рассказать все, как было?

- А расскажи, - согласилась я. – Мне интересно все, что с тобой связано, потому что я собралась жить с тобой всю оставшуюся жизнь...

- Не всякое знание в радость, - задумчиво проговорила Саша. – Но это... ничего особенного, Настя. Слушай.

- Слушаю, - ответила я и подбила себе подушку.

Она поцеловала меня – в нос, как маленькую – и начала очередной рассказ.

- Я тебе говорила, как паспорт получила, так пошла искать работу. И чтобы родительских рож не видеть, и жить на что-то. Хотела от них больше не зависеть и послать куда подальше со всеми их садами. Сама понимаешь, с моей статьей устроиться куда-то было... скажем так, не с первой попытки. Куда я только не тыкалась – и на почте была, и во всякие жилконторы, как ты, совалась... Вспоминать не хочу. Потом как-то раз случайно дошла до роддома – там на ограде около калитки доска объявлений, и им срочно требовалась уборщица. Просто уборщица – понимаешь, Настя?

- Понимаю, - кивнула я. – Уборщица все равно что приемщица. Только еще хуже.

- Ну типа того, да. Хотя тогда еще и приемщиц не было. Вообще нифика не было, сама эта «Астарта» еще шла в проекте. Я просто увидела эта уборщицу на доске и заглянула. Просто так, ни на что не рассчитывала. А у них уборщица горела синим пламенем, надо было скорей-скорей, они даже анализы на все сифилисы сами провели и медкомиссию там прошла. Шанин тогда просто гинекологом при консультации работал, и...

- И оприходовал тебя прямо на кресле? – поморщилась я, ощущая, как в моей душе рушится светлый образ нашего доктора.

- Нет, - Саша криво усмехнулась. – Нет, Настя, не в масть. На кресле он вставил только зеркало. Даже до лялек еще не добрался. Все было потом.

Она что-то поправила у меня на голове. хотя поправлять там было нечего.

- У доктора, пока не стал полным имиком, была целая система. Я потом узнала. Дома жена и дети, с кем-то попереться он снимал квартиру на час и срывался, а Оксане говорил типа поехал в горздрав. Еще у Шанина есть друг узист из роддома – у того пустая хата не знаю как, давал ключи. Это называлось «облздрав».

- Ну, так где он слился с тобой в экстазе? – я ощутила к доктору абстрактное уважение. – В горздраве или в облздраве?

- Не там и не там. На горздрав в тот момент не было денег, в облздраве сам хозяин кого-то пёр тайком от жены. Для меня нашлась койка прямо в роддоме. И не койка, а просто так. Мы пришли в какую-то темную комнату, с матрасами и всякой хренью, и вот там мой бюзик уже повис у него на шее.

Я поморщилась; сама мысль о том, что мою – мою и только мою! – Сашу раздевали для конкретных целей, наполнило меня и ревностью и злостью.

Так, будто эту же девушку и без всякого «бюзика» не имели на моих глазах десятки омерзительных мужиков, в сравнении с которыми доктор Шанин был иконописным херувимом.

Девушка хихикнула – видимо, для нее отношения с мужчинами были делом столь чуждым, что она могла над ним даже смеяться.

- Но пипка у него была уже чисто негритянская!

- В каком смысле? – не поняла я. – Почерневшая от горя?

- Да нет... Помнишь, Аделаида говорила, что мечтает попереться с негрилой, потому что у него пипка всерьез не встает?

- Ах, да... - я вздохнула. – Помню что-то.

В самом деле, те времена, когда мы беззаботно раскидывались за кофейным столом и часами могли смеяться за обсуждением мужчин, казались мне относящимися к прошлой эпохе.

- Ну так вот. Мягкий он был, мне даже больно не было, только крови немного, потому что они... Ну, там, в колонии, до конца меня не проткнули, нечем было. Ну, и дальше...

- Что дальше?

- Дальше на самом деле ничего не было. То есть как раз дальше меня на работу взяли. Когда в кадры пришла, наврала типа паспорт новый, тот украли – поверили лохи, даже в конец не заглянули, я все в обложку спрятала. Справок о несудимости тогда еще не требовали. Шанину, правда, я сама рассказала - ну, как-то так получилось, да и все равно бы узнали. Он все уладил, через главврача, чтобы мне там что-то в личном деле написали. И начала работать уборщицей. А потом случай помог. Убиралась в фойе. Было жарко, под халат только трусики надела. И когда нагнулась пыль вытирать у выхода, то охранник... сама понимаешь, что.

- Который из них? Толстый, тощий или лысый?

- Да нет, того давно нет, до тебя он ушел. Старый, никогда не мылся и изо рта воняло, как с помойки. Он меня вроде в шутку, но...

Я еле удержала в себе слова о туфле со шпилькой.

- И я его тоже в шутку, за ухо - научили меня там. Он свернулся калачом. Так получилось, что Шанин шел мимо – увидел. И предложил мне в «Астарту» начальницей цеха – как он сам сказал, ему «*лагерзеерка нужна*», за порядком следить и доноров учить жизни, если что. Я согласилась – пусть целый день, но всяко лучше, чем уборщицей. И денег сразу было больше.

- Ада бы сказала стихами: «*Один пипир решил мою судьбу*»...

- Ну типа того. Мужики и есть мужики, все мозги у них в пипирке.

Не согласиться с последними словами не смогла бы ни одна женщина. Я ласково погладила свою возлюбленную по голове.

- И началась не жизнь – сплошная красота. Переть меня тогда еще не пёрли, разрядку ввели потом. Шанин знал, что дома жизни нет, как-то сделал мне медобщагу. Сначала даже в комнате была одна – он планы строил, что будет сам приходить когда захочет.

- И как? Захотел? – меня опять жгла ревность.

- Захотел. Только не смог.

- Зато другие смогли, – вырвалось само собой. – Уроды и козлы.

- И не говори...

Саша замолчала, думая о чем-то своем. Потом заговорила:

- Слушай, Насть... Ты собираешься дальше работать в «Астарте», или будешь когти рвать?

- Не знаю, если честно, - призналась я. – Точнее, рвать когти еще не собралась. А что?

- Да ничего. Тебя не напрягает эта наша работа?

- А тебя? – в ответ спросила я и тут же добавила: - Вопрос, конечно, глупый. Я тут еще полгода, а ты с самого начала, нельзя сравнивать.

- Да какая разница, полгода или три? – девушка пожалала плечами. – Я быстро привыкла. Даже когда меня каждый день с утра до вечера переть стали все подряд, мне это было все равно. Хотя кому-то наша работа покажется ужасной.

- Ужасной, да, - согласилась я. – Мне она с самого начала кажется ужасной, даром что я работаю. Катя... У Кати свои планы. Ада, конечно... это что-то.

Те внезапные откровения, что пронесли между нами, уже не казались серьезными в устах нашего *«типичного теоретика»* и практика.

- Ну, что касается Аделаиды... Ты знаешь, Настя, я ее могу понять. И ничего ненормального в ней нет, просто она не такая, как другие. Я вот там научилась думать о всяких вещах. И вот когда сюда попала, и увидела ее во всей красе... Она мне тоже сначала казалась ненормальной.

- А теперь... не кажется?

- Теперь нет. Я в инете шарилась по порносайтам...

- Ты? По порносайтам?!

- Ну да, а что тут такого? Комп у меня на ресепшн, а времени у меня на самом деле дофига и больше. Когда все делаешь быстро и кое-как. Ну и вот я смотрела всякие разности и попала на сайт домашних оргий.

- Домашних оргий? – переспросила я. – А что то такое?

- Такие особые вечеринки. Не помню какая страна была – то ли Чехия, то ли Венгрия, субтитры английские... Собираются люди на квартире и прутся все вместе, кто с кем хочет и как хочет. Причем не какие-нибудь порноактеры и не обдолбанные подростки, а нормальные люди. Даже не пьяные: у них там на столе какая-нибудь пепси-кола, ну пара бутылок шампанского. Разного возраста, вполне приличные. Оператор снимает одним кадром – без остановок, камера то один угол показывает, то другой. Все идет на глазах. Мужчины кончают и женщины, и никто ни от кого ничего не скрывает.

- И что ты там увидела? – я ощутила какой-то интерес.

- Да много чего... Лесбиянства, кстати, сколько хочешь. Но я другой сюжет запомнила. Обычный мужик лет сорока пришел с беременной женой, тоже за тридцать. Она в одних носочках легла на кровать и ее все пёрли. Сначала один из гостей – она мужу при том пипку сосала. Тот пока пёр, спрашивал на каком она месяце – оказалось на восьмом, он сказал, что у него самого сын на восьмом родился. Кончил ей на живот. Потом муж попёр – опять на живот и снова размазал. Потом подошел третий - у него пипка была с мою руку толщиной. Муж попросил, чтобы сильно ее не пёр - тот сначала по ней залупкой поводил, потом вошел на чуть-чуть. Обсудил с мужем, какие красивые у нее блюда на ляльках, и начал тихонько переть. И всю дорогу спрашивал, хорошо ли ей. А она отвечала, что хорошо. Представляешь, Настя?

- Нет, – призналась я. – Такое даже при нашей работе у меня в голове не укладывается.

- У меня тоже не укладывалось, пока сама не увидела. Обычная женщина и обычные мужчины. И ничего такого, просто так время проводят. Кто-то на рыбалку, кто-то в турпоход – эти на вечеринку с групповым поревом. Таких мало, но такие есть. Аделаида как раз из них. Ей на этих домашних оргиях самое место.

- А мы с тобой не такие? – спросила я, хотя для себя все знала.

- Нет, Настя. Мы с тобой не такие, – твердо ответила Саша. – Я искала какой-то выход к жизни. И вроде нашла.

- Не вроде, - я улыбнулась. – Я тоже нашла.

- Ты ведь помнишь - я с Катей... мы с Катей делали друг друга. Но то было не то. А вот с тобой как раз то. Пусть мы до сих пор тут с мужиками прёмся за деньги.

- Именно что за деньги, – я вздохнула. – И...

-...И у меня тоже была программа. Стала бы я тут свою киску подставлять...

- Саш... - я невольно поморщилась. – Этих кисок... Ну просто не выношу, тошнит от этих слов.

- Меня тоже. Просто не знаю, как сказать... Обычное слово еще противней... ну в общем, батоны раздвигать. Я ведь тут почему так долго работаю? Не из-за общаги же... Ну не только из-за нее. В конце концов, в дворники бы устроилась со служебной площадью. На самом-то деле я работала тут, чтобы тебя, Настя, встретить...

Девушка приподнялась на локтях и быстро поцеловала меня в губы.

-...Но сначала другое было.

- А что? – спросила я, поняв, что Саша сейчас откроет очередную тайну.

- Мне как сейчас дороги никуда нет и не будет. Я пока не знаю, кем по жизни хочу быть... Может, еще дальше куда-то учиться пойду. Но с моей статьей уж точно никуда выше уборщицы не поднимешься.

- Но девчонки вроде говорили, что доктор тебе справки собирает на снятие судимости?

- Ну, девчонкам всего знать не нужно. Это ты, Настя – моя жизнь. А они... так, прохожие. Все это слова без базаров. Судимость справками не снимается, она просто погашается по истечении чего-то там без всяких справок. А для снятия нужен пересмотр дела... Да ладно, все эти мудрости тебе нафиг. Неважно. Я собираюсь выйти как раз на пересмотр, чтобы меня оправдали по полной. Понимаешь, Настя? Чтобы я стала чистая, как пипка у того младенца, которого с твоей помощью послезавтра будут делать.

- А это можно?

Я обрадовалась: в будущем моей жены вспыхнули просветы – но выяснять подробности не решилась.

- Можно все, если захотеть и когда есть деньги. Состоится процесс... Не помню, как называется... *«реабилитация по суду»*, кажется. Поднимут

старые материалы и придут к выводу, что меня на самом деле насиловали и я ничего не превысила, а приговор был судебной ошибкой.

- Но как... - вырвалось у меня.

- Знаю, знаю, Настя, - девушка невесело усмехнулась. - Именно так все и есть, совесть мне даже на зоне не отшибли. Но доктор мне говорил – парню уже ничем не поможешь, а мне жить. Поэтому решили организовать.

- Это, наверное, не так просто?

Я поняла, что Саша намеревается совершить судебный подлог... или как там еще называется такое действие.

Но этот факт не только не отстранил от меня мою любимую, а лишь сделал ее еще ближе и дороже.

Только полная дура могла дотянуть до моих лет, ведомая химерой *«жить по совести»*.

Тем более, что большинство проповедников *«совести»* жило как раз не по ней.

- Николай Николаич все для меня сделал. Есть знакомый судья в областном. Шанин бог аборт, у него одна диссертация как раз по ним... правда, другая – наоборот по искусственному оплодотворению.

- Надо же... - не удержалась я. – Жаль, что я научилась не беременеть, а то бы без Николай Николаича пропала.

- У судьи случилась история с малолеткой, а ему даже не на третий срок, а в Москву намылился, ждут уже. Доктор сикунку выскреб чуть не на седьмом месяце, все замяли. Самому Шанину ничего уже не надо, судейский мной откупится.

- Ну молодцы вы с доктором, - я восхищенно покачала головой.

- Но один судья - это только решение суда. Я не помню точно, какие там всякие крючки – *«телесные повреждения»*... которых у меня не было... и эта... *«направленность злого умысла»*. Это не все так просто, там еще адвокат будет работать. Хороший адвокат какашек на булку намажет и все будут есть за шоколад. Не знаю, что будет и как, но адвокат дал гарантию... Говорил, что купит свидетелей, и они заново все покажут уже в мою пользу и так далее.

- У вас все схвачено, - я восхитилась еще раз.

- Не знаю, правда... Мне девушка из областного, секретарь того судьи...

- Которая от него залетела? – догадалась я.

- Да нет, залетела другая. Я же говорю – малолетка, а эта в юридическом институте учится, сама через два года станет судьей в районном. Ну или следаком в ментовке, в крайности дознавалой - неважно... Она сказала, типа *«передпрос свидетелей не производится, а только поднимаются материалы из дела»*, и так далее, и адвокат мне просто уши трет, чтобы слупить побольше. Потому что адвокаты – такая же сволота, как и судьи, да еще с ними делятся.

- Не пробовала, но подозреваю, - согласилась я.

- Но какая разница? Адвоката мне тоже доктор подогнал. Тот назначил немеряно, но у Шанина и на него что-то такое есть, не знаю, что именно. Обычно – это мне тоже секретарь сказала – адвокаты берут всю сумму перед процессом, а дальше как карта ляжет и по-любому ни копейки не вернет. А доктор этого наклонил в позу – сходили к нотариусу и заверили договор, что я плачу аванс двадцать пять процентов, остальное после суда при положительном решении. Я на это дело и работаю. Осталось еще немного собрать. Как раз перед новым годом назначат дату и все пойдет по маслу...

- А почему именно перед новым?

- Потому что год закрывать, переносить не станут. По делу никому ничего не грозит, да и вообще они любят исправлять чужие судебные ошибки. Но так, на всякий случай. Надзор какой-то и все прочее.

- Дай бог, чтобы все получилось.

- Получится. Судейский на глубоком крючке, адвокату хочется встретить новый год где-то пониже... экватора. Но главное – Шанин держит руку на пульсе. Пока я ему нужна, он их из когтей не выпустит. А я ему как раз нужна.

- Без тебя эта «Астарта» рухнет за три дня, - подтвердила я.

- Я знаю, Настя, - девушка недобро усмехнулась. – Скромность на зоне сдохла, прибеждать себя не собираюсь. «Астарта» в самом деле вся на мне висит. Оксана спит и видит занять мое место, но что она может? Отчеты проверять, да и то один последний столбик. Я уйду – все накроется медным тазом. А у Шанина две дочери, обеих надо замуж, ему эту кормушку терять не в кайф. Все путём – я работаю, меня оправдывают, и у меня начнется новая жизнь.

- У нас начнется новая жизнь.

- На самом деле она у меня уже давно началась! – Сашины глаза блеснули. – Знаешь, Настя... Вот я только рядом с тобой стала нормально спать.

- Я знаю. Помню, как ты металась в первые ночи. Тебе всякая дрянь из прошлого снилась?

- Снилось, да... - Саша вздохнула. – И не только она. Ты знаешь, Настя, меня с возвращения мучил один и тот же кошмар. Под утро просыпалась и слушала, что делается за дверью. И казалось, что за мной придут менты, наденут наручники и заберут к себе...

Я поежилась.

- И самое главное – ведь не забирали меня никогда из дома! Приехали по вызову врача из «скорой», взяли меня на трупе по всем правилам и увезли. Ничего иного они просто не могли, да и не сделали мне ничего плохого.

- Понимаю тебя... Ну примерно, по крайней мере, понимаю. Человек, который побывал там...

- Да дело в том, что и там я от них-то меньше всего страдала. Да и вообще это совсем другая служба. Но вот ненавижу всю эту кодлу с орлами на руках... и ничего не могу с собой поделать.

- А что ты должна с собой поделаться? Ты официально работаешь, значит платишь налоги, их кормишь. А что они сделали хорошего? Ничего. Мне, например. Все прошлое лето какая-то пьяная рвань во дворе ночи напролет орала – хоть бы одна полицейская сволочь приехала. А тебе от них какая польза? Только та, что по их законам на работу никуда не брали. Ни один нормальный человек не может любить полицию.

-...Вот увижу на улице полицейского, и мне хочется...

Саша вздрогнула, я обняла ее покрепче.

-...Не по башке треснуть, нет: их не перебьешь, взамен одного десять новых выползут. Мне хочется в канализацию провалиться, куда-то уплыть и вынырнуть в другом месте и в другом времени.

- Бедная ты моя девочка... - пробормотала я.

-...И представляешь – еще там, у родителей... На рассвете эти пугала огородные у себя спят, как праведные суслики. А я лежу и трясусь: вот сейчас на лестнице шаги, вот сейчас в дверь позвонят, вот сейчас закричат – *«Откройте, полиция»!*.. Или что мент уже стоит, держит палец на звонке и в последний момент адрес по бумажкам проверяет. Или что вообще они уже пришли и позвонили и прокричали, я просто спала, не слышала. Что отец со всех своих кривых ног несется им открывать – и сейчас они войдут ко мне в комнату. И от ужаса хочется вскочить и повеситься на форточке...

Я перевернулась сама; нарисованная картина была ужасна.

- А вот теперь с тобой я от всего освободилась. И никакая мразь в серой форме за дверью не стоит.

- И форма у них уже голубая, - добавила я, пытаюсь разрядить тему.

- И сами они все *«голубые»*, - ответила Саша другим тоном; я поняла, что она в самом деле расслабилась.

- Зато мы с тобой – *«розовые»*, - я ласково нажала пальцем ей на нос.

- Но за этими разговорами о том забыли...

- Так вспомним? Завтра у нас воскресенье – можно не спать хоть до утра, а спать до вечера!

- Конечно, Настя, - Саша привстала на локте. - Маленький перекур, по чашечке кофе с шоколадом – и вперед?

- Вперед, моя радость! – я поднялась с кровати. – С тобой только вперед...

28

Новый донор был из числа тех, кто хотел работать не раскрываясь.

Он надел не темные очки и даже не капроновый чулок, а кожаный шлем из секс-шопа. Глухой, исключаяющий возможность какой бы то ни было идентификации.

Когда Саша позвала меня работать, я провозилась дольше обычного: допивала кофе с коллегами, мылась не спеша - и вышла в цех, когда он стоял

уже готовый ко всему. Отсутствие лица смазывало возраст, но я его и не разглядывала.

С некоторых пор я не разглядывала никого вообще - принимала в себя, стиснув зубы и пытаюсь представить шестизначное число, которое обновится после того, как я отработаю, распишусь в журнале, доживу до закрытия месяца, и увижу приход на своей зарплатной карточке и переводу максимум возможного на накопительный счет.

Теперь я думала лишь о том, как мы с женой доведем до совершенства свое жилье и будем счастливы до полной невозможности.

Но тем не менее я отметила, что мужчина какой-то странный.

Обычно доноры - даже опытные и работающие регулярно - с любопытством смотрели, как Саша впрыскивает приемщицам интимное масло, потом рисует временные отметки спереди и сзади.

Этот ждал, отвернувшись.

- Работайте, - сказала Саша, бросив мне нежный взгляд.

Потом привстала и быстро поцеловала меня в губы; это сделалось нашим ритуалом, мы уже ни от кого не скрывали своих отношений – ни от коллег, ни от клиентов.

Донор не двинулся с места – стоял тупо, как березовый пенек.

Теперь он мне казался неприятным

Я прошла в бокс, залезла на кушетку, встала на четвереньки и отставила задницу. В последнее время я старалась работать именно так, чтобы не видеть гнусных лиц, осеменявших кого-то посредством моего тела.

Тех же, кого осеменяли... мне было просто жаль.

Но мужчина схватил меня бесчувственной рукой, перевернул меня на спину и тут же начал трахать.

Даже не трахать – просто толкаться взад и вперед

Механически, как поршень паровой машины.

Мне не было ни больно, ни противно... противнее, чем было, быть уже не могло – было просто как-то не по себе.

Хотя причин тому не имелось, мне приходилось выдерживать куда более жесткие варианты обработки.

Пятнадцать минут истекли незаметно: я научилась пропускать сквозь себя время - мы вернулись к стойке, расписались еще раз, Саша отправила продукт в окошко.

- Разряжаться? – сквозь зубы спросила моя жена.

Неприятный донор непонимающе мотнул головой, глаза блеснули в дырках шлема; он не хотел выдавать даже своего голоса.

- Согласно подписанному договору в день сдачи семени вы имеете право совершить неограниченное количество дополнительных половых актов с любой из приемщиц без презерватива, - не скрывая неприязни, пояснила начальница цеха. – Вы можете выбрать.

Нахмурившись, Саша кивнула в сторону фотографий, висящих на стене.

Донор тупо кивнул, схватил меня за плечо и втолкнул в ближайший бокс.

Там бросил меня на живот и сел на мои бедра...

В моей прежней жизни однажды был случай.

Давным-давно, на вечеринке поздней студенческой поры, меня изнасиловал человек, увиденный впервые.

Однотруппница позвала нескольких особей женского пола в гости к знакомому художнику. Начались кухонные посиделки с пристойного распития водки под селедку с кольчатым луком. После этого все перешли в комнату - к гитаре и смутным разговорам о высоком. Через некоторое время хозяин объявил, что пришла пора варить пельмени, но он забыл, сколько соли нужно сыпать на определенное количество и просительно посмотрел на меня. Плебейских ошметков фарша в тесте я и сама варить не умела, но почему-то пошла за ним обратно на кухню. Там художник сразу захлопнул дверь – ногой, поскольку руками сразу схватился за мою грудь. Я подумала почти со смехом - что бы он делал, имея я частей тела не по количеству рук, а хотя бы на одну больше, как свинья из первой серии «**Ну погоди**»? А через несколько секунд эти мои части были расплющены по столу, джинсы спущены до колен, и всей частью задней я ощущала мужское тело. В первый момент я просто испугалась за колготки – новые, надетые в первый раз, хотя непонятно зачем не под юбку – которым грозили зубцы расстегнутой «молнии». В происходящем ничего особенного не виделось; я стала недевушкой давно и навсегда, мне были чужды тургеневские воздыхания при луне. Но в тот раз меня не просто взяли, а именно насиловали: художник вывернул мне руки назад, больно сдавив запястья, и вбивал в меня так, будто хотел проткнуть насквозь и брызнуть прямо изо рта. Теперь я понимала, что моему нечаянному партнеру было сильно за сорок и он приближался к порою, когда доктор Шанин не нуждался уже ни в «горздравах», ни в «облздравах» - и лишь грубый акт с первой попавшейся женщиной при знании о сидящих за дверью могло доставить ему радость. Но тогда я все-таки была ошеломлена, лежа на столе и глядя на прыгающие перед глазами недопитые стопки с водкой, вдыхая запах недоеденного лука. А потом животная страсть потного насильника перекинулась ко мне – я завелась сама, нырнула в багрово-угольную пучину остервенелого совокупления и, несмотря на невыгодную позу, даже получила свое. Причем гораздо раньше, чем он.

Нынешняя ситуация была сходна своей грубостью – но тогда я ощущала желание овладевшего мною мужчины, а сейчас не чувствовала ничего, кроме безразличного тела, механически «разряжающегося» со мной по протоколу.

А потом вдруг я увидела его руку...

-...Настя, ты как?..

Я открыла глаза, хотя не помню, когда успела их закрыть.

Над мной склонилось озабоченное Сашино лицо, милая черная челка закрывала один из ее чудесных карих глаз.

Было непонятно, как я оказалась на спине – ведь меня использовали сзади.

Я запрокинула голову, пытаюсь увидеть часы на стене и понять, сколько прошло времени.

Часов я не увидела, как и не было стены – стеной вздымалось белое тело Ады, а ее ладони лежали на моих плечах.

Я перевела взгляд вниз – к тому месту, которым зарабатывала деньги. В глаза мне сияло забеленное окно нашей бытовки. На его фоне темнела силуэт Кати с чашкой в руке.

- Жива наша девочка, - коллега, кажется, улыбнулась. – Е***и его мать справа вверх налево с перегибом при тазовом предлежании...

- Где он... - я облизнула губы. – Где я... Что вообще?

- Он давно ушел, Настенька, - сказала Саша. – Тебе было плохо. Ты потеряла сознание, мы перенесли тебя сюда. Что с тобой было?

- Не.. знаю... - пробормотала я. – Спасибо, девчонки... А что со мной было...

- Он Стасю порвал? – из-за спины прорычала Ада. – Вонючая пиписька!

- Ноги разведи, согни в коленях, - приказала Катя, поставив свой кофе на стол. – Лежи, не дергайся... Сейчас посмотрю...

Твердые пальцы подруги проникли в меня и мне вдруг сделалось немного легче.

- Не больно? – спросила она.

- Нет, нисколько, - честно ответила я. – Можешь и глубже.

Я постаралась улыбнуться, чтобы скорее прийти в себя. И вспомнила нечто схожее, оставшееся уже в прошлой жизни: такую же кушетку и доктора Шанина около моих распахнутых сокровищ.

- Ты что?.. Ищешь у меня зону «G»?

- Нет никакой зоны «же», - серьезно возразила Катя. – А также ни «зэ», ни «ха» – ни в п***де, на в Красной Армии. Эту зону изобрели мужики для удовлетворения своих низменных инстинктов.

- И все другие зоны – тоже, - вполголоса вставила Саша. – Волки позорные!

- А так? – бывший педиатр изменила положение руки и, кажется, что-то во мне раздвинула. – Как?

- Никак.

- Крови нет, - Катя выпрямилась и осмотрела свои мокрые пальцы. – Он тебя не порвал, Настька.

До меня донесся запах той гадости, что в меня была влита. Я содрогнулась, с усилием сдержав рвоту.

Потом закрыла глаза и пробормотала:

- Он не мог мне ничего порвать... Мне не было больно. Просто...

Их цеха раздался звонок.

- Ну вот – еще один явился, - сказала Катя. – Надолго не заржавело.

- Алексис, сейчас я по очереди? – спросила Ада.

- Да, ты, - Саша поправила звезду. – Потом Катя, потом снова ты, потом снова Катя. Настя сегодня больше не работает.

Я молчала.

- Прими душ и уезжай домой,- сказала жена, глядя на меня. – Откроем, тебе неожиданный красный лист календаря.

Я попробовала сесть на кушетке. Как ни странно, это получилось, а мои босые ноги даже ощущали прохладный линолеум пола.

Голова кружилась и плыла; я не помнила, когда в последний раз падала в обморок... да и падала ли вообще когда-нибудь. Кажется, отключалась тысячу лет назад, когда рожала сына.

Своего чертова, давно отпавшего сына.

Я попыталась наугад надеть сланец

- Тебе помочь? – сказала Катя. – Еще грохнешься прямо в душе!

- Помоги, пожалуйста. Если тебе нетрудно.

Катя вымыла меня и даже проспирцевала, вытерла полотенцем, и так же, поддерживая подмышки, привела обратно.

Я сразу легла на кушетку на нее, во мне не осталось сил сидеть.

- Настя, ты как? – опять Саша появилась около меня. – Жива?

- Примерно, - я кивнула. – Но... не совсем.

- Не сиди тут, поезжай домой.

- Саша... - не слушая, заговорила я. – Это донор... Ну который... Он новый,? Или просто давно не приходил?

- Новый, да. А что?

- Точно новый?

- Точно. Во-первых, у меня память на все их рожи. Во-вторых – по номеру. Могу посмотреть всю базу за все время, если тебе так важно. Но поверь мне, Настя. Я за свой базар отвечаю. А что?

- Саша. Мне нужно позвонить Николай Николаевичу.

Из цеха раздался еще один сигнал.

- Подождет, - зло сказала Катя, быстро насыпая еще кофе.

- Настенька, собирайся и поезжай домой. Не могу тебя проводить на маршрутку, мне надо приготовить два сеанса сразу.

- Ладно, ладно, иди готовь, - сказала я, думая о своем. – Сейчас. Соберусь и уеду.

Саша убежала к стойке.

Я подумала о том, как приеду домой и окажусь одна в своей пустой квартире. В квартире, куда вечером приедет Саша. Но до вечера еще надо было дотянуть.

Я достала из шкафа свой халат, чего ни одна из нас не делала со времен комиссии горздравотдела.

Присела к столу.

Попыталась заварить себе кофе: просыпала гранулы на стол, пролила кипятка на пол.

Руки мои дрожали и я не могла остановиться.

- ...Настенька, ты что не уезжаешь?

Саша расправилась с донорами на удивление быстро.

- Саш... - пробормотала я. – Я работать сегодня больше не могу. Но и домой ехать без тебя... тоже не могу. Можно, я просто посижу тут тихонько до вечера?

- Настя, не говори глупостей, - улыбнулась Саша. – Поступай как тебе лучше. Но что случилось?

Я молчала.

Мне было страшно озвучивать то, что пришло в голову на кушетке.

- Зачем ты хотела звонить Шанину?

Я закусила губу.

- Насть... - Саша положила руки мне на плечи. – Что случилось. Скажи. Мы с тобой не чужие люди.

Я закрыла глаза.

- Настенька! Родная моя, хорошая! Ягодка моя! Я с тобой!

Я всхлипнула.

- Можешь не говорить, если не хочешь. Настенька. Но лучше скажи. Потому что пока ты хранишь в себе, будет только хуже и хуже.

Это я, годящаяся ей в матери, должна была говорить такие вещи...

- Не молчи. Настенька. Скажи мне, кто тебя обидел. Я никому не позволю этого делать. Я урою каждого за одну твою слезинку.

Она прижала к себе мое лицо и, как маленькую, погладила по голове.

- А того гада я уничтожу. Наблюдения здесь нет, дам показания, что он тебя конкретно насиловал. Подведу под статью. Его не просто закроют – пойдет зону топтать по всем законам. Поставят на хор, потом дадут ложку с дыркой и загонят спать под нары...

Я высвободилась и взглянула Саше в глаза:

- Меня вые***л собственный сын.

29

- ...Ты бывала в медобщге?

Я вздрогнула, не сразу возвращаясь в реальность.

Опять не понимая ни места, ни времени действия, ни того, что со мной происходило недавно и что происходит сейчас.

Меня драл на кушетке сын с тупым садомазохистским шлемом на голове. Я лежала на другой кушетке – в комнате отдыха. Вокруг меня хлопотали Катя и Ада – осматривали меня, поили кофе, кормили печеньками, за которыми специально попросили сходить Оксану. Я молчала и плакала, плакала и молчала. Подруги выходили и возвращались, спринцевались и мылись – я сидела не шевелясь. День тянулся бесконечно. Но все-таки он закончился, и Саша – кажется, вызвав такси к донорскому входу – увезла меня домой. А там происходило еще что-то, текущее сквозь меня без ощущений, и только сейчас я нашла себя на своем балконе.

Жена, с сигаретой в руке, стояла рядом со мной и отороченная мехом куртка была распахнута на ее груди. Сухая осенняя ночь казалась почти теплой; застегиваться стоило не на балконе, а в самой моей ужасной, насквозь простывшей квартире.

Саша откинула волосы, стряхнула пепел вниз.

- Саш, у тебя есть покурить? – проговорила я, не слыша своего голоса. – Или эта последняя?

- У меня есть дофига и больше, - девушка без улыбки обернулась ко мне. – Но зачем? Ты же не куришь.

- Не курю и никогда не курила, – я, кажется, улыбнулась. – Но надо когда-то начинать.

- Не уверена, что надо. Думаю, как раз наоборот. Но если так уж хочется... Вот, Настя, возьми. Я эту раскурила.

Саша подала мне дымящуюся сигарету, ногти блеснули в свете ущербного месяца.

Я сунула ее в рот, успела почувствовать давно знакомый вкус Сашиной губной помады, втянула в себя воздух...

И тут же поперхнулась, закашлялась до слез, задохнулась едким дымом, который был совсем не таким, каким казался со стороны.

- Поняла? – Саша отобрала у меня сигарету. – Никогда больше не пробуй эту дрянь. Начнешь – фиг бросишь.

Она повернулась к стоящей на оконном отливе банке из-под кофе, которую я еще не собралась заменить хорошей пепельницей.

Потом шагнула к парапету балкона и бросила окурочек вниз. Красный огонек описал дугу и, не долетев до тусклого круга света, упал посреди дворовой парковки, рассыпался брызгами в тени машин.

- Блин, не попала, - девушка раздосадованно потрогала подбородок.

- Куда... не попала? – я ничего не поняла.

- Да вон в ту машину... Коричневую.

- Мне кажется, там стоят только черные.

Я отметила детали и поняла, что начинаю оживать. Одна затяжка прочистила мне голову и выбросила обратно в реальность.

- Ночью все машины черные, кроме белых, - ответила Саша. – А эту я еще при свете видела. Коричневая, как куча какашек.

- И на что она тебе сдалась?

- Да ни на что, - девушка тыльной стороной ладони стряхнула холодный пепел с перил. – Просто я видела, как тот пидор ее вечером заправлял. Доливал из канистры, на асфальте осталась лужа. Если б чинарик точно попал...

- А что тебе сделал именно тот?

- Да ничего. Просто только он бензин пролил. Получилось бы здорово.

- Здорово, да, - я кивнула.

Хотя сама еще никогда не думала о таком варианте. Моя злость на весь мир до сих пор ограничивалась лишь абстрактным пожеланием лететь всему в тартарары.

- Знаешь, Настя... - словно читая мои мысли, пояснила Саша. – Жизнь такая гадость.

- Согласна. И становится все гадостней и гадостней.

- И иногда мне хочется, чтобы кому-то стало еще хуже, чем мне. Все равно кому – лишь бы кому-нибудь. Понимаешь?

- Понимаю, - ответила я, подумав, с каким наслаждением мучила доноров на сеансах.

Жена сняла невидимую соринку с моего плеча.

-...В твой медобщаге – нет, откуда.

Я еще раз кашлянула и, полностью придя в себя, продолжила начатый разговор, ответив на Сашин вопрос.

- Я же не поднималась к тебе – ты вещи сама сложила. Но в общаге тоже пожила. Я ведь училась в Москве, не в этой каменной деревне... А общаги все одинаковые. Две вонь – кухня и туалет – и заплеванные дети по коридорам...

- Один в один то же самое, - девушка кивнула. – Только еще и живут одни медики. А ты знаешь, что такое медики?

- «Горздрав» и «облздрав»? – догадалась я.

- Хуже. Медсестер из публичного дома выгнали бы за разврат.

Саша достала из кармана пачку, вытряхнула еще одну сигарету, щелкнула зажигалкой.

Нервное пламя осветило ее строгий профиль – гневный, как у германской девы войны.

- Я тебя люблю, - сказала я, поправив ее черные волосы. – С тобой жизнь – это совсем не то, что остальное. А почему ты вспомнила свою публичную медобщагу?

- Он тебя узнал? – спросила Саша, посмотрев мне в глаза.

- Кто?..

Я была захвачена врасплох; в данный момент я ненадолго забыла о происшедшем.

- А, он... Не знаю. Думаю, что нет. Мы не виделись лет семь, я сильно изменилась – этот рыжий ежик и все прочее. К тому же он никогда не видел меня голую. Да и вообще, мне кажется, он на меня ни разу как следует не взглянул.

- Ты уверена, что это был именно твой сын?

- А... что?

Девушка два раза глубоко затянулась, смяла сигарету и сунула в кофейную банку.

- Да ничего... Просто...

Саша повернулась ко мне, взяла за отвороты пуховика, поправила все и доверху задернула «молнию»; меня с вечера бил озноб, и даже сюда я вышла одетая на Северный полюс.

- Просто Катя мне как-то раз говорила. Еще тогда, когда... Ну, понимаешь, Настя...

- Понимаю, - ответила я, задержав ее узкую руку на своей груди.

-...У нас тут всех, как она выразилась, профессиональная деформация. Столько трахаться и больше ничего не делать – это не может быть просто так. Рано или поздно крыша начинает съезжать. У всех по-разному. У кого-то проходит, кому-то не мешает, а у кого-то – именно конец котенку.

- Правда? И эта деформация - у всех?

- У всех. Вот Катю однажды пёр сосед по подъезду.

- Она рассказывала, - вздохнула я, вспомнив начало своего пребывания в «Астарте».

- Она его узнала, он ее – нет. После ей чудилось, что ее прет то один, то другой из бывших пациентов – ну, то есть родителей. А потом она мечтала, как придет брат и... как бы Аделаида сказала, отпипирит во все дырки.

- Вот этого Катя мне тоже не рассказывала, - я вздохнула.

- Но ты не жила с ней как любовница, – невесело усмехнулась Саша. - А я не жила с ней как жена.

- Зато теперь мы живем, - вставила я, размягчаясь всерьез.

- Ну да. Так вот, Настя. Что случилось с Татьяной, которая работала третьей до тебя – знаешь?

- Нет, если честно. Так, девчонки напустили тумана, что при ней было как-то некомфортно, и что она... фантазерка.

- «Некомфортно» мягко сказано. Стерва, какую поискать, даже я с ней не могла притереться. А насчет фантазерки – Татьяна была просто слаба на голову. У нее... как Шанин сказал, случился навязчивый психоз. Когда донор скрывал лицо, ей казалось что ее прет муж, сбежавший сто лет назад. Она ходила к доктору, пыталась выяснять фамилии...

- И... нашла мужа? - вздрогнув перебила я.

- Нет конечно, откуда бы ему взяться? Тане было сорок пять лет, муж примерно ровесник, а для донора граница двадцать восемь. Но у нее на самом деле крыша пошла и все кончилось плохо. Шанин ей отпуск давал, отправлял к психиатру, тот выписывал таблетки... ничего не помогло. Пришлось уйти с работы. Не уверена, что она не свихнулась окончательно...

- А что? – я продолжала думать о своем. – Фамилию донора можно узнать?

- Если честно, не знаю.

Саша наклонилась над перилами и посмотрела куда-то вниз.

– Никогда не пыталась, не было нужды. Но думаю, если очень надо, на Шанина могу надавить. Ну, не то что надавить – наплету ему что-нибудь вроде это лично для меня и с зоной связано, с прошлыми делами... У сына твоя фамилия?

- Нет. Моя у меня, вернула после развода, не желала оставлять ничего с той семейкой. У него отцовская.

- Сходить к Шанину? Узнать, чтобы ты успокоилась, что это не твой сын?

- Не надо, Саша. Не надо ничего узнавать, я и так знаю, что это был мой сын.

- И ты точно не ошибаешься? Как ты определила, он ведь был в этом кретинском шлеме...

- Он с тобой разговаривал, когда пришел?

Я снова прокручивала в себе минуты последнего сеанса.

- Мычал, как корова, и цедил что-то сквозь зубы, - девушка передернула плечами. - А что?

- Да ничего. Просто он сильно картавит. Муж был... из аристократов, это наследственный признак. Может быть, потому и молчал, чтобы не выделяться.

- Ну так вот! - жена обнадеживающе посмотрела на меня. - Лица не видела, голоса не слышала. Откуда ты знаешь, что это был именно он? Ты с ним общаешься каждый день?

- Нет, конечно. Мы никогда не были близки. Я сама виновата, конечно, но с ним невозможно было найти общий язык. Весь пошел в отца. Когда с мужем расстались, сделался неуправляемым - еле-еле кончил школу, устроился в магазин, там сошелся с бабой почти моей ровесницей и с детьми. Мы рассорились вконец. Лет семь я о нем ничего не слышала. Понятия не имею, чем он сейчас живет и как. И если честно, не испытываю желания.

- И ты уверена, Настя, что твой сын не изменился полностью, до неузнаваемости?

- Сашенька, - я прижала руки к груди. - Милая моя... Родная моя девочка! Я не желаю тебе таких опытов, но поверь мне. Я - мать. Ну, была матерью, хотя это одна из многих ошибок моей жизни. Я даже имени сына не хочу произносить. Но... Это он мог меня не узнать, потому что я изменилась и обо мне вряд ли часто думал. Но я...

Я замолчала, тоже поглядев вниз.

И подумав, что действительно было бы здорово, не промахнись Саша и суетись сейчас там пожарные в море огня...

-...Сейчас вспоминаю и кажется, что запах был знакомый. И манеры. Такие резкие, грубые... Это был он. Однозначно.

- Настенька... - девушка нежно взяла мое лицо в ладони и поцеловала мне глаза. - Но это же ерунда. Манеры - так все мужчины орангутанги. А запахи... И они не все разные. Или еще что-то было?

- Было, - я вздохнула.

Перед моими глазами возникла рука донора, на которую он опирался, используя меня сзади.

- На тыльной стороне правой ладони, между большим пальцем и указательным, у него шрам. Звездочка из пяти лучей - один длиннее четырех. Он был левша, выправлял криво забитый гвоздь, соскользнула отвертка и так далее. Было много крови, ездили в травму, даже зашивали. След остался на всю жизнь. Такого ни у кого больше нет.

- И в этом тоже нельзя быть уверенным. Неужели ты думаешь, что только у твоего сына могла именно так сорваться та самая отвертка?

- Да кто его знает Саша, - я усмехнулась. - Может и не у него одного. Но ты знаешь, мне самой это уже все равно. Это я тогда была в шоке. А полдня прошло – ну и что особенного?

Саша пожала плечами.

- Признаюсь честно, когда меня в первый раз отодрали на разрядке...

-...Я это помню, - тихо сказала девушка. – Я чуть не умерла от ревности, когда думала, что кто-то будет... иметь тебя, когда я в тебя уже влюбилась...

-...И сейчас имеют, но это не имеет никакого отношения к имеющейся между нами любви, – я засмеялась, ощутив необъяснимую легкость во всем. – Так вот, когда меня... пипирил самый первый зайчик, я представила, что это был сын... и не умерла с горя. Животные не разбирают, сын кошку трахает, или не сын. А мы тут и есть животные, разве нет?

- Да, но... мне надоело быть животным. Знаешь, я мне надо тут продержаться до конца академии, а потом уйти на нормальную работу и забыть все как страшный сон. И просто жить с тобой.

- Мы и будем жить с тобой. Но...

-...Но как только я оправдаюсь – надену халат и скажу Шанину, что окно в Париж закрылось.

- И он тебе это позволит? Ты же сама говорила, что «Астарта» рухнет?

- А сфига ли я буду спрашивать позволения? По договору и вообще я тут только готовлю, устанавливаю порядок, меняю белье, протираю полы и жижу сдаю в больничку. Все остальное делаю типа ему в подарок. И пока на самом деле завишу от него. Как только суд пройдет, надену трусы, звезды с лялек в унитаз спущу. Не все котам масленица – придет и Юрьев день!

- Юрьева дня вообще-то ждала бабушка, - я криво усмехнулась. – А котам грозит великий пост. Но сравнивая доноров с котами, ты незаслуженно обижаешь котов.

- Это точно... И я им покажу и день и пост... и соль на хвост. Даже время перестану писать, буду сама следить, а нужный момент просто подойду и донору электрошок в жопу. Правда, вам на разрядке придется больше работать. Тебе, например. И вот это мне уже не нравится.

- А мне нравится? – я вздохнула. – С некоторых пор я бы каждому мужику по дубинке и напрямую двести двадцать. Но куда денешься с подводной лодки?

- Не знаю, Настя... Меня уже давно напрягает, что тебя тут трахают. А после сегодня мне кажется, тебе на самом деле надо завязывать тут и куда-то уходить.

- Куда мне идти?

Я посмотрела на сонный город, чьи огоньки слабо мерцали где-то вдалеке, не обещая ничего конкретного.

- Обратно в ЖЭУ? Там будут тоже трахать, только не между ног, а по мозгам. Я не вижу пока выхода в конструктив.

- Ясно... - Саша тоже вздохнула. – Сложно все с концами свести, факт.

- *«Он еще не знает, чего ему надо, но уже знает, чего ему не надо»...*

- Кому?

- Да никому...

Я взяла с окна Сашину банку и вытряхнула ее прямо во двор, чего прежде никогда не делала.

- Это какой-то седовласый барин из русской классики про кого-то говорил.

Саша молча ткнулась носом в мое плечо.

Она устала от этого дня не меньше моего.

- И до сих пор еще не знает, - я прижалась щекой к ее жестким волосам.

Девушка молчала, я слышала лишь ее дыхание.

- Поздно уже, - сказала я, тоже ощутив на себе лавину усталости.

- Поздно...

- Тогда спать. В любом случае утро вечера мудренее! Или мудрёнее, что скорее...

- Ну типа того, - кивнула Саша и по-детски потерла кулачками глаза.

- А завтра нам с тобой на работу. Нас ждут столы и кушетки.

- На работу, да, - голос возлюбленной звучал, как сонное тихое эхо. — Мне на работу. Меня ждет стол. А к тебе приехал гость из Красной Армии, я уже подала Оксане в табель. Пять дней можешь отдохнуть и обо всем подумать. А сейчас в самом деле - спать.

Прижалась и уткнулась мне в плечо.

Погладив ее волосы - черные даже в непроглядной черноте осенней ночи - я закрыла глаза.

* * *

Я не могла сообразить, в котором часу раздался писк компьютера.

Видимо, Саша что-то смотрела с вечера, со всеми разговорами забыла выключить, а монитор погас сам по себе.

Я встала с кровати, завернулась в одеяло, которое лежало на стуле.

Спотыкаясь со сна, подошла к столу, вслепую толкнула мышь.

Экран ожил.

И показал мне сообщение из соцсети, которую я забросила полгода назад, не удаляя аккаунт.

Первым порывом было выключить компьютер, чтобы не просыпаться всерьез и урвать себе еще несколько часов, но я наклонилась к сияющему пятну.

«Ловец Жемчуга»

- значилось в заголовке сообщения рядом с предложением добавить в друзья и тупой интернетской картинкой, изображающей коралловый остров.

«Анастасия!»

*Наконец-то я нашел тебя, хотя мне понадобилось немало времени, чтобы
разыскать твои следы после того, как ты взяла и покинула сайт*

«Потерянных сердец».

Но теперь...

Ты настоящая женщина, я это понял сразу.

Ты не потеряна и не можешь быть одна.

Потому что есть мы, настоящие мужчины...»

Я не стала читать, какие блага предлагал настоящий ловец на этот раз.
Оглянулась на Сашу – она сладко спала, еле слышно дыша в подушку.
Стараясь не стучать клавишами, набрала ответ.

«А идите вы все вместе в одно место!

Причем не в то, которым мы по дурацки произвели вас на свет!»

Нажала кнопку **«отправить»**.

Потом не стала ничего выключать, а просто выдернула пилот из розетки.

2008 -2018 г.г.

© Виктор Улин 1985 г. – «Торс Венеры Милосской в три четверти справа» (бумага, карандаш) 21х29.

© Виктор Улин 2018 г.

© Виктор Улин 2018 г. – дизайн обложки.